

67.0

Р17

НИУ
БелГУ
140 лет

РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В XXI ВЕКЕ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

*Материалы Международной научно-
практической конференции,
посвященной 140-летию НИУ «БелГУ»*

II

Белгород, 20-21 октября 2016 г.

**Министерство образования и науки Российской Федерации
Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
Юридический институт**

**РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В XXI ВЕКЕ:
ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

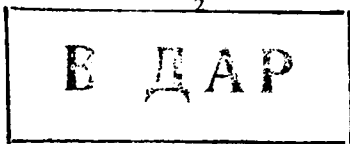
**Материалы Международной научно-практической
конференции, посвящённой 140-летию НИУ «БелГУ»**

Сборник 2

Белгород 2016

по акту «Университетская Б-ка»

УДК 340.13
ББК 67.0; 67.400
P17

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Юридического института НИУ «БелГУ»

Рецензенты:

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ Г.А. Борисов
доктор юридических наук, профессор Е.Д. Проценко

Ответственные редакторы:

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ Е.Е. Тонков
доктор юридических наук, профессор, почетный работник
высшего профессионального образования М.В. Мархгейм
кандидат юридических наук Л.А. Пожарова

P17 Развитие правового регулирования в XXI веке: тенденции и перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 140-летию НИУ «БелГУ» Сборник 2 (г. Белгород, 20-21 октября 2016 г.). – Белгород: ООО «Гик», 2016. – 212 с.

ISBN 978-5-906520-69-2

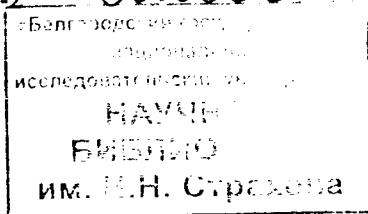
Данный сборник систематизирует материалы Международной научно-практической конференции «Развитие правового регулирования в XXI веке: тенденции и перспективы», посвящённой 140-летию Белгородского государственного национального исследовательского университета и проведенной по инициативе Юридического института НИУ «БелГУ» 20–21 октября 2016 г. Теоретические положения и практические рекомендации участников конференции по совершенствованию законодательства, а также отдельных правовых институтов, вносят определенный вклад в развитие юридической науки.

Адресован научным и практическим работникам, аспирантам, студентам, а также всем, кто интересуется вопросами современного государства и права.

ISBN 978-5-906520-69-2 - 902953-

ББК 67.0; 67.400

© Авторы сборника

СОДЕРЖАНИЕ

Богданов С.В.	МАСШТАБЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕСТРУКЦИИ В РОССИИ: КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВВ. (СМЕРТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ СТРАНЫ ОТ ВНЕШНИХ ПРИЧИН В ПЕРИОД РЫНОЧНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ)	6
Олейник Н.Н., Олейник А.Н.	УСТАНОВЛЕНИЕ ВОЗРАСТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	10
Крикун В.Г., Подгорный В.И.	ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД «ХРУЩЕВСКОЙ ОТТЕПЕЛИ»	14
Кузубова А.Ю.	КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ДОКТРИНЕ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА	17
Мунтян А.С.	ДУХОВНАЯ СФЕРА ОБЩЕСТВА: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ СОВРЕМЕННОСТИ	21
Пасенов А.Н.	«КОНЦЕПЦИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ» О ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ	23
Эфрикан Р.А., Луков М.Г.	ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПО ПРЕДОСТАВЛЕНИЮ МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ	26
Косолапова Н.А.	ВИДЫ ГАРАНТИЙ ПРАВА НА КВАЛИФИЦИРОВАННУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ В РОССИЙСКОМ КОНСТИТУЦИОННОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	30
Зинковский М.А.	ДОГОВОР ПОСТАВКИ ОПАСНЫХ И ЯДОВИТЫХ ВЕЩЕСТВ	33
Белецкая А.А.	НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НАРУШЕНИЙ В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ СИНГАТУРА	35
Шишкин Р.В.	ПРЕСТУПНОСТЬ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: АСПЕКТ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО РЫНКА	37
Жукова Н.А.	ВЛИЯНИЕ РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ИНСТИТУТ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА	41
Тищенко Ю.Ю., Семенов В.В.	О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЙ	46
Иваненко Я.И.	ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	50
Батова О.В., Москаленко С.А.	АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННЫХ КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИИ: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ	51
Алонцева Д.В.	ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ ПО ВОПРОСАМ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ	55
Воткин В.А.	О НАУЧНЫХ ПРЕДПОСЫЛКАХ ФОРМИРОВАНИЯ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ С УЧЁТОМ ОСОБЕННОСТЕЙ ИХ СОВЕРШЕНИЯ В СУБЪЕКТАХ ФЕДЕРАЦИИ	59
Бурцев А.С., Мирнюк И.В.	СУДЕБНЫЙ ШТРАФ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ	65
Долженко Н.И., Ляхова А.И.	РЕАЛИЗАЦИЯ АДВОКАТОМ-ЗАЩИТНИКОМ ПРАВА НА ПРИВЛЕЧЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	69
Степанюк О.С., Степанюк А.В.	НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА, СОВЕРШЕННОГО С ОСОБОЙ ЖЕСТОКОСТЬЮ	72
Жилина Н.Ю.	ОТЛИЧИЕ УБИЙСТВА, СОВЕРШЕННОГО С ОСОБОЙ ЖЕСТОКОСТЬЮ ОТ УБИЙСТВА, СОВЕРШЕННОГО В СОСТОЯНИИ АФФЕКТА	76

Купряшина Е.А., Четвериков В.В.	К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЕ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ (НА ПРИМЕРЕ СТ. 228 УК РФ)	79
Мальцева Н.Н.	ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ СОСТАВА КРИМИНАЛЬНОГО АБОРТА В УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ РОССИИ И КИТАЯ	81
Погорелов Д.В.	К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЙ «ИННОВАЦИЯ» И «ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»	85
Лиликowa О.С.	К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ «НУЖДАЕМОСТИ» ПРИ ОКАЗАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	89
Кравцова Е.А.	ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	92
Пономаренко Н.Ю.	ОПЕРАТИВНО-ТАКТИЧЕСКАЯ КОМБИНАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА РЕЗУЛЬТАТАМИ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	96
Шапоренко А.А.	НЕОБХОДИМЫЕ ОСНОВАНИЯ ПОСТАНОВКИ ОСУЖДЕННЫХ НА ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЙ УЧЕТ	100
Сафроненко Н.В.	«ВЫПОЛНЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНОГО ЗАДАНИЯ» И НЕОБХОДИМОСТЬ ЕГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩЕГО ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ	103
Мамин А.С., Кабатов И.А.	РОЛЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В ЗАЩИТЕ АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	105
Шабалина Е.И.	К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПРАВООЩИТНОЙ ФУНКЦИИ ПРОКУРАТУРЫ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА ЕЕ СТАНОВЛЕНИЯ	107
Савченко Е.Д.	ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИЙ ПРОКУРАТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	110
Багдян К.Г.	НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГРУППОВЫХ ЭКСПЕССОВ ОСУЖДЕННЫХ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ	115
Фесенко Н.П.	КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КОРОТКО-КЛИНКОВОГО ХОЛОДНОГО ОРУЖИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	119
Хлебникова Е.И.	ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ЭКСПЕРТИЗЫ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ДАВНОСТИ ВЫПОЛНЕНИЯ РЕКВИЗИТОВ ДОКУМЕНТОВ	124
Ярошук И.А.	ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ СУДЕБНО-ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ	127
Кислицина И.Н.	К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ	131
Наймушин М.Е., Эбаражский Н.В.	НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТНОГО ПРАВА В РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	135
Бозиева Е.А.	ПОРЯДОК ЗАМЕЩЕНИЯ И СООТНОШЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ ГЛАВЫ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ГЛАВЫ МЕСТНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ	139
Власенко Е.Е.	КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК РАЗНОВИДНОСТИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ	141
Зекo Л.Ю.	СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ В СИСТЕМЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО ГАРАНТИРОВАНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ И СВОБОДЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ	142

Калашников Р.В.	ОБЪЕМ И СОДЕРЖАНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО РЕГУЛИРОВАНИЮ МУНИЦИПАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	146
Коротков В.В.	СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОЙ МОДЕЛИ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ	148
Кравцов Д.Н.	ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	150
Провозин А.В.	КОМПЕТЕНЦИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНЫХ УСЛОВИЙ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ	155
Рожков Д.Р.	ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛА- СТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ РЕШЕНИЯ ТРАНСПОРТНОЙ ПРОБЛЕМЫ В МУНИЦИПАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ	159
Рудин А.В.	ПОНЯТИЕ «ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ» В КРИМИНАЛИСТИКЕ	161
Самсонов А.А.	ОБРАЗОВАНИЕ И ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОКРУЖНЫХ СУДОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ)	165
Скоморохова О.Ю.	РЕГЛАМЕНТНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМИТЕТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ В ПОДГОТОВКЕ ЗАКОНОПРОЕКТОВ	168
Сова Н.И.	ОРГАНИЗАЦИЯ КОНТРОЛЬНО-РЕВИЗИОННОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.	171
Сушков А.В.	КОНСТИТУЦИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ	175
Черкашина А.В.	ПРИНЯТИЕ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ	176
Шахбанов А.А.	КОНСТИТУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ	180
Гостева А.В.	СТАБИЛИЗИРУЮЩЕЕ ГЛАВНОЕ: ПОДХОДЫ К ИЗМЕНЕНИЮ КОНСТИТУЦИИ РОССИИ	186
Гречихина Д.А.	ЗАЩИТА ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ: ВОПРОСЫ ДОКТРИНЫ И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	187
Здельников С.В.	ПРИОБРЕТАТЕЛЬНАЯ ДАВНОСТЬ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ	190
Корсун А.Г.	КРЕСТЬЯНСКОЕ (ФЕРМЕРСКОЕ) ХОЗЯЙСТВО КАК СУБЪЕКТ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ	194
Кулькин А.С.	ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОГРАНИЧЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	198
Лифинцев И.А.	ЕСТЕСТВЕННЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ: ОТ КОНСТИТУЦИОННОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ К РЕАЛИЗАЦИИ	203
Матвеев Е.Д.	ИСТОЧНИКИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА: ВИДОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ	205
Чабаненко Л.В.	ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ГРАЖДАН В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННО- ПРАВОВЫХ НОРМ	208
Ядута С.А.	«ЕСТЕСТВЕННЫЕ» ИСТОКИ КОНСТИТУЦИОННОЙ ДЕМОКРАТИИ	210

Богданов Сергей Викторович,
д. ист. н., профессор кафедры административного
и международного права Юридический институт НИУ «БелГУ»
(г. Белгород, Россия)

**МАСШТАБЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕСТРУКЦИИ В РОССИИ:
КОНЕЦ XX-НАЧАЛО XXI ВВ. (СМЕРТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ СТРАНЫ ОТ
ВНЕШНИХ ПРИЧИН В ПЕРИОД РЫНОЧНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ)**

Проблемы сверхвысокой смертности населения РФ с начала рыночных реформ неоднократно становились объектом многочисленных научных публикаций. Количество статей, монографических исследований, посвященных неблагоприятной демографической ситуации и прогнозам ее развития в стране, продолжает увеличиваться. В то же время отдельные аспекты данной проблематики продолжают быть изученными в меньшей степени. Одним из таких вопросов является смертность от внешних причин населения России, проживающего в сельской местности.

Данная тема актуализируется, по меньшей мере, четырьмя обстоятельствами.

Во-первых, на протяжении всего периода рыночных преобразований от 12 до 16% от общего числа ежегодно умиравших в России граждан, умирали не естественной смертью, а в результате тех или иных внешних причин.

Во-вторых, по количеству погибающих от внешних причин россиян в расчете на 100 тыс. человек населения, РФ значительно опережает все развитые страны мира.

В-третьих, сравнение распространения смертности от внешних причин в городской и сельской местности свидетельствует о том, что сельские жители погибают от внешних причин чаще, нежели горожане.

В-четвертых, официальные статистические показатели смертности от внешних причин в РФ не отражают в полной мере численность реально погибающих от данных причин.

Целью настоящей статьи является рассмотрение динамики и масштабов смертности от внешних причин сельского населения как в целом по стране, так и на уровне федеральных округов. Кроме того, исследование нацелено на выявление причинно-следственных связей, способствующих сохранению чрезвычайно сложной ситуации со смертностью от внешних причин жителей российских сел и деревень. Высказывается предположение о методологических изъянах в организации учета смертности населения от внешних причин, что ведет к искажению действительных масштабов смертности от данных факторов в России.

Согласно существующей в РФ классификации причин смерти, к внешним причинам смертности населения принято относить следующие:

- 1) убийство;
- 2) самоубийство;
- 3) несчастные случаи (транспортные производственные происшествия, утопления, пожары, падения с высоты, поражения электрическим током, случайное механическое удушение и т.д.);
- 4) отравления (в т.ч. случайные отравления алкоголем);
- 5) неуточненные насильственные причины и некоторые другие.

Хронологический период анализа - 1990-2010 гг. Эти два десятилетия ознаменовались масштабными социально-экономическими, политическими и правовыми преобразованиями в государстве. Эти изменения оказались весьма противоречивыми и неоднозначными по своим последствиям для российского социума. Это наглядно проявилось в прогрессирующей депопуляции населения: в сокращении рождаемости и росте смертности населения.

Однако уже в 1970-1980-е гг. в России ситуация со смертностью населения постепенно обострялась (Таблица 1. «Смертность населения России по основным классам причин смерти (1970-1990 гг.)»):

	1970	1975	1980	1985	1990
Тысяч человек					
Умершие от всех причин	1131,2	1309,7	1525,8	1625,3	1656,0
в том числе:					
от некоторых инфекционных и паразитарных болезней	31,2	28,8	28,6	24,8	17,9
от новообразований	192,1	209,1	226,9	252,0	287,7
от болезней системы кровообращения	537,5	660,1	804,2	910,2	915,5
от болезней органов дыхания	113,7	124,4	127,8	114,1	88,0
от болезней органов пищеварения	30,2	33,9	41,7	43,5	42,5
от внешних причин смерти	163,5	191,0	229,0	197,6	198,3
из них:					
от случайных отравлений алкоголем	18,7	23,2	32,1	23,5	16,1
от самоубийств	38,9	44,8	47,9	44,6	39,2
от убийств	9,4	13,8	17,9	15,0	21,1
На 100 000 человек населения					
Умершие от всех причин	867,6	976,0	1099,5	1131,9	1119,1
из них:					
от некоторых инфекционных и паразитарных болезней	24,0	21,5	20,6	17,2	12,1
от новообразований	147,3	155,8	163,5	175,5	194,4
от болезней системы кровообращения	412,3	491,9	579,5	633,9	618,7
от болезней органов дыхания	87,2	92,7	92,1	79,5	59,5
от болезней органов пищеварения	23,2	25,3	30,0	30,3	28,7
от внешних причин смерти	125,4	142,4	165,0	137,6	134,0
из них:					
от случайных отравлений алкоголем	14,3	17,3	23,1	16,4	10,9
от самоубийств	29,9	33,4	34,6	31,1	26,5
от убийств	7,2	10,3	12,9	10,5	14,3

Источник: Сведения ФГГС РФ

Анализ выше представленных сведений свидетельствует о том, что в РСФСР на протяжении 1970-1990-х гг. абсолютная численность погибших от внешних причин постепенно увеличивалась: со 163,5 тыс. человек в 1970 г. до 198,3 тыс. человек в 1990 г. Данная динамика происходила на фоне общего увеличения численности умерших по основным классам причин смерти. В расчете на 100 тыс. человек населения смертность от внешних причин имела тенденцию к постепенному снижению. В 1970 г. доля погибших от внешних причин в общем количестве умерших составила 14,4%, в 1975 г. – 14,5%, в 1980 г. – 15%, в 1985 г. – 12,1%, в 1990 г. – 11,9%.

Однако среди основных составляющих смертности населения от внешних причин в эти два десятилетия наблюдались довольно противоречивые процессы. Так, если от случайных отравлений алкоголем в 1990 г. умерло 10,9 человек на 100 тыс. населения (на 23,7% меньше, чем в 1970 г.), от самоубийств – 26,5 человек на 100 тыс. населения (на 11,3% меньше, чем в 1970 г.), то количество погибших от убийств в расчете на 100 тыс. населения увеличилось в 1990 г. в сравнении с 1970 г. почти в 2 раза. Причем, в проведенном нами ранее исследовании, показывается, что именно со второй половины 1980-х гг. в СССР начался значительный рост числа убийств, и по данному показателю наша страна начала опережать США¹.

Разрушение СССР, переход к рыночной экономике, фактическое самоустранение государства от регулирования общественных процессов привели к резкому ухудшению социального и экономического самочувствия российского общества. Одним из проявлений глубокого кризиса явилось значительное увеличение как общего числа умерших, так и доли умерших от внешних причин (рис. 1)².

Рис. 1. Число умерших всего в РФ за год; число умерших от внешних причин всего за год, тыс. человек в 1992-2010 гг.

¹ См.: Богданов С.В., Репецкая А. Л. Убийства в России и США: сравнительный анализ криминальной статистики // Криминологический журнал. 2009. № 4. С. 13-22

² Демографический ежегодник России. 2010: Стат. сб. / Росстат. М., 2010. С. 221-358; Сведения ФГС.

В то же время в отдельных исследованиях поднимается проблема недоучета смертности от различных внешних причин смерти населения в России¹.

В соответствии с Международной классификацией болезней (МКБ-10), повреждения с неопределенными намерениями (Y10-Y34) включают случаи, когда доступной информации недостаточно, чтобы медицинские и юридические эксперты могли сделать вывод о том, является ли данный инцидент несчастным случаем, самоповреждением или насилием с целью убийства или нанесения повреждений.

Отдельные специалисты справедливо отмечают наличие серьезных проблем явного несоответствия официальной статистики Министерства внутренних дел РФ и массивов первичных индивидуальных данных по смертности от травм и отравлений, болезней кровообращения, неточно обозначенных состояний.

По расчетам О.И. Антоновой, в среднем по России в среднем по России половина смертности 20-39-летнего населения от повреждений с неопределенными намерениями определялась латентными убийствами (53,2% у мужчин и 50,4% у женщин), соответственно 16,4% и 17,9% - латентными самоубийствами и 17,5% и 19,1% - отравлениями разного рода химическими веществами (что также косвенно может быть отнесено к суицидам). У населения старших трудоспособных возрастов значимость латентных убийств возрастала до 67,6% и 63,2%, самоубийств – снижалась до 10,8% и 11,6%, а химических отравлений – до 7,4% и 10,8% соответственно².

Известный отечественный криминолог В. Овчинский подвергает сомнению официальную статистику погибших от убийств в стране. Если в 2001 г. было официально зарегистрировано 34,2 тыс. убийств, то в 2009 г. – 18,2 тыс. Но ученые говорят обратное. Уровень убийств, рассчитанный на основе многофакторной модели, все прошедшее десятилетие постоянно возрастал и составил в 2009 г. не 18,2 тыс. (как зафиксировано в отчетности), а 46,2 тыс. И, действительно, как число убийств может составлять 18,2 тыс., если только количество заявлений об убийствах, поступивших в правоохранительные органы, составило 45,1 тыс., а количество неопознанных трупов за тот же год – 77,9 тыс.? Одновременно при этом число лиц, пропавших без вести, так и не найденных – 48,5 тыс.³

Таким образом, со всей очевидностью необходимо признать факт сохраняющейся чрезвычайно неблагоприятной ситуации в сфере воспроизводства населения в России. Продолжающаяся депопуляция не может не вызывать серьезной озабоченности как у научной общественности, так и властной элиты.

¹ Иванова А.Е., Семснова В.Г., Землянова Е.В. Тенденции и особенности смертности населения Москвы / Демографическая ситуация в Москве и тенденции ее развития / Под ред. проф. Л.Л. Рыбаковского. М., 2006. С. 78–172.

² Антонова О.И. Региональные особенности смертности населения России от внешних причин: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2007. С. 20–21.

³ Доктор юридических наук Владимир Овчинский – об убийствах // Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.ladno.ru/opinion/16474.html>. Дата доступа: 23.03.2012.

Олейник Николай Николаевич,
д.и.н., профессор кафедры конституционного и муниципального права
Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

Олейник Александр Николаевич,
к.ю.н., доцент, доцент Харьковского национального
педагогического университета
(Харьков, Украина)

УСТАНОВЛЕНИЕ ВОЗРАСТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В плане исследуемого вопроса выбранный нами период характеризуется следующими временными границами: 22 октября 1921 г. – дата присвоения Петру I титула «Отца Отечества, Императора Всероссийского»¹, следовательно, приобретение государством Российским статуса империи; 1 сентября 1917 г. – прекращение императорской власти, день провозглашения России республикой.

До вступления в силу Артикула Воинского 1715 г., согласно данным Г.Б. Слиозберга, первая норма об уголовной ответственности несовершеннолетних в России, появилась в 1669 г. в Градских законах в качестве дополнения Соборного Уложения 1649 г. Она гласила: «... аще отрок седми лет убьет, то неповинен есть смерти»². Таким образом, несовершеннолетний семилетнего возраста освобождался от наказания за убийство. Соборным Уложением 1649г. устанавливался «плавающий» возраст совершеннолетия – от 15 до 20 лет: в 15 лет заканчивалось «малолетство», а при наступлении 20 лет несовершеннолетие прекращалось вообще³. Н.Н. Дебольский делает вывод, что в Соборном Уложении 1649 г. совершеннолетие определялось путем индивидуального исследования зрелости отдельного лица»⁴.

Впервые в истории российского уголовного законодательства несовершеннолетние как специальный субъект уголовной ответственности и наказания упоминаются в Артикуле Воинском от 26 апреля 1715 г. Артикул 195, находившийся в главе XXI «О зажигании, грабительстве и воровстве», определял: «Наказание воровства обыкновенно умалется, или весьма отставляется, ежели... вор будет младенец, который дабы заранее от сего отучить, могут от родителей своих лозами наказаны быть»⁵. Примечательно, что возраст, с которого начиналась уголовная ответственность, конкретизирован не был.

Н.С. Таганцев в труде «Курс уголовного права» пишет, что в таком неопределенном положении оставался вопрос о малолетних долгое время⁶.

¹ Титов Ю. П. Хрестоматия по истории государства и права России. [Текст]: учебное пособие / Ю. П. Титов. - М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. - С. 203.

² Слиозберг Г. Б. Возраст в уголовном праве // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. [Текст]: в 12 т. Т. 12. / Г. Б. Слиозберг. - М.: Сов. энцикл., 1991. - С. 909.

³ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. [Текст] / М. Ф. Владимирский-Буданов. - Ростов-на-Дону: Феникс. 1995. - С.500.

⁴ Дебольский Н. Н. Гражданская дееспособность по русскому праву до конца XVII в. [Текст] / Н. Н. Дебольский. - СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1903. - С. 23.

⁵ Титов Ю. П. Хрестоматия ... - С. 197.

⁶ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. [Текст]: в 2-х т. Т. 1: лекции / Н.С. Таганцев. - СПб.: Гос. Тип., 1902. - С. 418.

Сенатский закон от 23 августа 1742 г. «О признании малолетними людей обоего пола от рождения до семнадцати лет; об освобождении таковых в случаях тяжких преступлений от пытки и смертной казни и о наказании их вместо того батогами и плетями, с определением в монастырь для исправления» указывал, что Сенат вместе с президентами коллегий рассматривал дело 14-летней крестьянской дочери Прасковьи Федоровой, обвиняемой в убийстве двух малолетних крестьянских дочерей¹. При этом Сенат, что малолетство как для мужского, так и для женского пола нужно считать до 17 лет и что таковых нельзя подвергать тем же наказаниям, как и взрослых (ПСЗ, №8601). Это мнение Сената было передано на заключение Синода, который рассматривая вопрос вместе с Сенатом в 1744 г., пришел к выводу, что и меньше 17 лет человек довольный смысл иметь может, а потому и принял вместо семнадцати двенадцать лет².

Первые точный возраст, с которого наступала уголовная ответственность детей, был установлен при Екатерине II. Согласно Указу от 26 июня 1765 г. «О производстве дел уголовных, учиненных несовершеннолетними и различии наказаний по степени возраста преступников»³ уголовной ответственности подлежали лица с 10-ти лет, причем независимо от сословия (ПСЗ, №12424).

Не достигшие 10 лет лица, уголовной ответственности не подлежали вообще. различали также малолетних от 10 до 15 и от 15 до 17 лет. Такой вывод можно сделать, исходя из анализа наказаний для данных категорий лиц (для них было предусмотрено смягчение наказаний). Следовательно, на основании Указа от 26 июня 1765 г. полная уголовная ответственность наступала с 17 лет. Необходимо обратить внимание на то, что в данное время гражданскую дееспособность государство установило с 21 года, а полная уголовная ответственность налагалась в полном объеме после 17-тилетнего рубежа. Данное обстоятельство отражает негативную сторону Указа от 26 июня 1765 г. Однако, приняв во внимание и представив картину нравов XVIII века, следует признать, что уголовная ответственность по рассматриваемому акту была значительно снижена. Следовательно, этот Указ для своего времени стал вершиной проявления гуманности по отношению к несовершеннолетним преступникам со стороны государственной власти.

После всех достижений XVIII века проект Уложения Российской империи 1813 г. возвращает уголовное законодательство в сфере установления возраста полной уголовной ответственности к середине семнадцатого столетия. Проект Уголовного Уложения 1813 г. устанавливал предельный возраст 7 лет, а о дальнейших периодах не упоминал вовсе. Однако за пределы законопроекта данный документ так и не вышел и остался не утвержденным. Память о нем хранит лишь история института ограничения уголовно-правовой ответственности. Таким образом, не примененный в судебной практике, проект Уложения Российской империи 1813 г. не оказал существенного влияния на рассматриваемую сферу.

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (1649-1825). [Текст]: в 45 т. Т. 11 (1740-1743): Законы (7997-8848). – СПб.: Печатано в типографии II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. С. 641.

² Таганцев Н. С. Указ. соч. – С. 420.

³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (1649-1825). [Текст]: в 45 т. Т. 17 (1765-1766): Законы (12302- 12811). – СПб.: Печатано в типографии II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. – С. 174.

Свод законов Российской империи 1832 г. повторил в плане исследуемого вопроса Указ от 26 июня 1765 г. Затем постановления Свода законов 1832 г. были изменены Законом «О суждении малолетних преступников» (ПСЗ, №6288) и уже в заключительном виде вошли во второе издание Свода 1842 г. Виновных лиц в возрасте до 10 лет отдавали на исправление родителям, родственникам или опекунам без проведения судебного следствия и без наказания¹.

Нормативная база, регулирующая вопросы уголовной ответственности несовершеннолетних с течением времени пополнялась новыми актами. Указ от 28 июня 1833 г. «О суждении малолетних преступников», разработанный более детально по сравнению с предыдущими Указами, полностью освобождал от уголовной ответственности за совершенные преступления детей до 10 лет. Данный Указ от 28 июня 1833 г. выделял следующую категорию малолетних – от 10 до 14 лет. Таким образом, данный нормативный акт сузил возрастные рамки уголовной ответственности по сравнению с Указом 1765 г. Это сужение подтверждается тем, что Указ Екатерины II 1765 г. ставил более широкие возрастные рамки (от 10 до 17 лет).

Последующее развитие институт уголовной ответственности несовершеннолетних получил в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 г. (ПСЗ, №19283)². Статья 100 Уложения, помещенная в гл. III «О продлении наказаний по преступлениям» (отделение I «О определении наказаний вообще и обстоятельствах, при коих содеянное не вменяется в вину»), устанавливала то, что дети, не достигшие семи лет от роду и потому еще не имеющие достаточного о своих действиях понятия, не подлежат наказаниям за преступления и проступки: они отдаются родителям, опекунам или родственникам для вразумления и наставления их впоследствии³. На основании Уложения о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 г. возраст несовершеннолетнего делился на 4 категории: до 7 лет; от 7 до 10 лет; от 10 до 14 лет; от 14 до совершеннолетия, т.е. до 21 года.

Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 г. (ПСЗ, №41475)⁴, в частности Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями от 20 ноября 1864 г. относил к несовершеннолетним лиц, не достигших 21 года. Выделялось 3 категории несовершеннолетних: малолетние 10-14 лет и 14-17 лет, несовершеннолетние от 17 до 21 года.

Закон от 27 декабря 1865 г. «О согласовании Уложения о наказаниях с Уставом о наказаниях, налагаемых Мировыми Судьями» (ПСЗ, №42839)⁵, выделил следующие

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е (1825-1881). [Текст]: в 55 т. Т. 8 (1833): Часть 1: Законы (5877-6684). - СПб.: Печатано в типографии II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1834. - С. 379.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е (1825-1881). [Текст]: в 55 т. Т. 20 (1845): Часть 1: Законы (18573-19303). - СПб.: Печатано в типографии II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1846. - С. 598.

³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е (1825-1881). [Текст]: в 55 т. Т. 20 (1845): Часть 1: Законы (18573-19303). - СПб.: Печатано в типографии II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1846. - С. 614.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е (1825-1881). [Текст]: в 55 т. Т. 39 (1864): Часть 2: Законы (41319-41641). - СПб.: Печатано в типографии II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1867. - С. 180 с.

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е (1825-1881). [Текст]: в 55 т. Т. 40 (1865): Часть 2: Законы (42510-42860). - СПб.: Печатано в типографии II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1867. - С. 392.

группы несовершеннолетних: 7-10 лет; 10-14 лет; 14-17 лет (ст. 11 Закона, о внесении изменений в ст. 149 Уложения о наказаниях)¹.

В последнем издании Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (по изданию 1885 г.) устанавливался предельный возраст несовершеннолетних в 7 лет.

По п. 1 ст. 137 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных издания 1885 г. дети от 7 до 10 лет не подвергались определенному в законах наказанию, а отдавались родителям или благонадежным родственникам для домашнего исправления, то на этом основании в действительности предельным сроком первого периода являлось и по Уложению истечение 10 лет.

С изданием Закона от 2 июня 1897 г. «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений о их наказуемости»² ч. 1 ст. 137 прямо говорила: «Дети, коим менее 10 лет от роду, не подвергаются судебному преследованию и определенному в законах наказанию». Статья 140 Закона от 2 июня 1897 г. обращает на себя внимание тем, что также определяет возраст совершеннолетия – 21 год³ (ПСЗ, №14233).

В последнем кодифицированном уголовно-правовом акте Императорской России, Высочайше утвержденном Уголовном Уложении от 22 марта 1903 г. (ПСЗ, №22704)⁴ в ст. 40 указывает, что «не вменяется в вину преступное деяние, учиненное малолетним, не достигшим 10 лет»⁵. Также выделяется категория несовершеннолетних от 10 до 17 лет (ст. 41), т.е. т.н. «отрочество». Последний период молодости по Уголовному уложению, как и по Уложению о наказаниях, составляет юность от 17 до 21 года.

На основании анализа нормативно-правовых актов, издаваемых в рассматриваемый период, мы можем сделать вывод, что проблеме детской преступности государство стало уделять значительное внимание, что, безусловно, говорит о том, что на первый план в решении государственных проблем выходит вопрос о воспитании подрастающего поколения, будущего Российского империи.

Возраст наступления уголовной ответственности изменялся с течением времени. например, в Артикуле Воинском от 26 апреля 1715 г. возраст, с которого начиналась уголовная ответственность, конкретизирован не был, а в Уголовном Уложении от 22 марта 1903 г. очевидно, ясно, что это наступление 21 года.

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е (1825-1881). [Текст]: в 55 т. Т. 40 (1865): Часть 2: Законы (42510-42860). – СПб.: Печатали в типографии II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1867. – С. 393.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1881-1913). [Текст]: в 33 т. Т. 17 (1897): Законы (13611-14860). – СПб.: Печатали в типографии II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1900. – С. 357.

³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1881-1913). [Текст]: в 33 т. Т. 17 (1897): Законы (13611-14860). – СПб.: Печатали в типографии II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1900. – С. 359.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1881-1913). [Текст]: в 33 т. Т. 23 (1903): Часть 1: Законы (22360-23838). – СПб.: Печатали в типографии II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1905. – С. 175.

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1881-1913). [Текст]: в 33 т. Т. 23 (1903): Часть 1: Законы (22360-23838). – СПб.: Печатали в типографии II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1905. – С. 187.

Крикун Владимир Григорьевич,
к. ист. н., доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права
Белгородского университета кооперации, экономики и права

Подгорный Виктор Иванович,
к. ю. н., доцент, декан юридического факультета
Белгородского университета кооперации, экономики и права
(Белгород, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД «ХРУЩЕВСКОЙ ОТТЕПЕЛИ»

Последствия Великой Отечественной войны, пересмотр советским государством своей довоенной политики в отношении религиозных объединений, вызванные политическими и идеологическими соображениями, привели к нормализации государственно-конфессиональных отношений. Впервые в истории России начинает набираться опыт конструктивного взаимодействия светского государства и конфессий.

Восстановление общесоюзных государственных органов по взаимодействию с религиозными объединениями и признание права конфессий на собственные иерархические структуры привели в конечном итоге к формированию новой, более сложной системы государственно-конфессиональных отношений. С учетом сложившейся иерархии государственных органов власти и конфессиональных структур обозначились следующие их уровни: общесоюзный, республиканский, областной (краевой), районный, местный.

Законодатель в соответствии с задачами формирования единой общесоюзной религиозной политики, явно отдавал приоритеты верхним трем уровням: общесоюзному (Совет по делам РПЦ и Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР - руководители конфессий), республиканскому (уполномоченные Советов при Советах министров союзных республик – правящие архиереи, старшие пресвитеры) и областному (уполномоченные Советов при облисполкоме – правящие архиереи, старшие пресвитеры, руководители религиозных объединений), лишив райисполкомы правомочий по регистрации религиозных объединений и предоставлении им молитвенных домов. Районные исполнительные комитеты и сельские Советы на местах имели только право наблюдать за религиозными объединениями и представлять информацию уполномоченным.

Минимизация государственно-конфессиональных отношений на уровне исполкомов районного, городского, сельского, поселкового Советов народных депутатов трудящихся имела неоднозначные последствия. В правовом аспекте она способствовала сокращению произвола по отношению к религиозным объединениям, поскольку анализ практики применения советского законодательства о культах, позволяет нам утверждать, что именно партийно-советская номенклатура районного и нижестоящего звена была наименее восприимчива к «либерализации» государственно-конфессиональных отношений и представляла потенциальную опасность для их дальнейшей нормализации. В публично-правовой сфере разрешение этих вопросов входило

лю в компетенцию уполномоченных Советов по делам РПЦ и по делам религиозных культов.

Правительство СССР предприняло ряд шагов по единообразному применению законодательства о религиозных культах, но эта работа не была доведена до логического конца – так и не удалось осуществить общесоюзную кодификацию законодательства о культах, а комплекс новых норм права, изменивших содержание ключевого понятия «религиозное объединение», закрепивших иерархические структуры конфессий и предоставивших им и религиозным объединениям ограниченные права юридического лица, явно вступало в противоречие с нормами довоенного, но еще действовавшего законодательства.

Государство, борясь со стихийностью в религиозном движении, все больше наруживало необоснованное стремление к сдерживанию естественного роста религиозных объединений путем регулирования их численности. В качестве таких средств применялись государственная регистрация, законодательно увязанная с получением молитвенного дома, и налогообложение. Ответной реакцией стала консолидация «религиозного подполья», дестабилизирующая всю систему государственно-конфессиональных отношений и усиливающаяся с каждой попыткой государства решить этот вопрос репрессивными методами.

Все это, в конечном счете, детерминировало необходимость изменений в системе государственно-конфессиональных отношений. Выбор направления дальнейшего развития оставался за государственной властью, поскольку исключительно она определяла правовой статус религиозных объединений, предоставляла им возможность осуществлять свои функции или их ограничивала.

Официальный политический курс советского государства по отношению к конфессиям в период с октября 1958 по март 1961 г.г. характеризовался смещением приоритетов государства в отношении религии от прагматической политики использования потенциала религиозных объединений для достижения своих целей до всемерного ограничения деятельности религиозных институтов, признания религии «реакционной идеологией». Это был возврат к теоретическим постулатам предвоенного времени и открытое игнорирование позитивного опыта взаимодействия светского государства и конфессий в военные и послевоенные годы.

В целом система государственно-конфессиональных отношений в исследуемый период осталась в неизменном виде, сохранила все уровни взаимоотношений между органами государственной власти и религиозными объединениями. Но в отличие от предшествующего периода полноценными субъектами этих отношений становятся местные органы государственной власти, значительно активизировавшие свою правотворческую деятельность. Их завершённое правовое оформление закреплялось в постановлении Совета Министров СССР от 16 марта 1961 г.¹

Вполне очевидно, что факты нарушения духовенством и религиозными организациями советского законодательства о культах имели место в государственно-правовой действительности. Вместе с тем, можно утверждать, что именно местные государственные органы власти во многом не только способствовали эскалации анти-

¹Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах. Постановление Совета Министров СССР от 16 марта 1961 года № 263// ГАКО. Ф.Р-5200. Оп. 3. Ед. хр. 23. Л. 25 - 27.

религиозной кампании, так как были наименее подготовлены к работе в данной сфере. но и постоянно привносили в нее элементы стихийности. Эта тенденция набирала силу по мере расширения компетенции местных органов государственной власти и сведения роли Советов к « осуществлению общей линии партии и государства в отношении религии».

Создание групп содействия уполномоченному Совету по делам русской православной церкви и Совету по делам религиозных культов при райгорисполкомах по наблюдению за деятельностью церкви и духовенства обозначило новую черту в антирелигиозной кампании - привлечение к ней «общественности». Новый субъект государственно-конфессиональных отношений, стал эффективным средством для осуществления контроля над деятельностью зарегистрированных религиозных объединений, но, в конечном счете, из-за своего непрофессионализма только консолидировал «религиозное подполье», усилив стихийность антирелигиозной кампании.

В конце 50-х - начале 60-х г.г. Правительство СССР частично утрачивает инициативу в правотворческой деятельности. И все же, несмотря на 30-летний перерыв, правительство издало ряд нормативных правовых актов, направленных на сужение сферы деятельности религиозных объединений. Их анализ позволяет условно выделить два этапа начального периода антирелигиозной кампании. Первый (октябрь 1958 - январь 1960 гг.) - его содержательную часть составили попытки законодателя подорвать экономическое положение религиозных объединений. Второй - (январь 1960 - март 1961 гг.) - полная ревизия «сталинского» законодательства о культах.

Важнейшим этапом в развитии общесоюзного законодательства в сфере правового регулирования деятельности религиозных объединений явилась «Инструкция по применению законодательства о культах» от 16 марта 1961 года¹. Ее появление обусловили, в первую очередь, партийные нормы постановления ЦК КПСС от 13 января 1960 года, определившие новые задачи антирелигиозной кампании, а также изменения, внесенные в советское законодательство о культах закрытыми постановлениями Правительства СССР, и, прежде всего, постановлением Совета Министров СССР от 16 марта 1961 года, вызвавшие необходимость его систематизации на всесоюзном уровне.

Инструкция из документа, призванного лишь разъяснять действующее законодательство. в значительной своей части превратилась в акт, устанавливающий новые нормы права по вопросам, касающимся религиозных культов. Она объективно способствовала единообразному применению законодательства о культах в масштабе всей страны, так как часть союзных республик не имела своего законодательства о культах, кроме Конституции и отдельных нормативных актов. Однако Инструкция так и не решила окончательно проблемы систематизации законодательства о культах. Она не только не убрала существовавшие в нем противоречия, но и создала новые.

¹Инструкция по применению законодательства о культах. Утверждена постановлением Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР и постановлением Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР от 16 марта 1961 года. // Законодательство о религиозных культах (Сборник материалов и документов). М.: Юридическая литература, 1971. Перепечатка с советского издания «Для служебного пользования». Нью-Йорк: Chalidze Publikations, 1981. С.77-87.

Кардинальные изменения были внесены указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 декабря 1962 года в постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях»¹. Оно многими положениями отличалось от предшествующего постановления в редакции 1932 года, тем, что необоснованно ограничивало деятельность религиозных объединений. Законодатель пошел на открытое нарушение принципа отделения церкви от государства, предоставив право государственным органам вмешиваться во внутренние дела и устройство религиозных объединений и их центров. Правовое обоснование получила система тотального контроля над всеми сторонами деятельности религиозных объединений, обосновывавшаяся необходимостью «усиления государственного контроля за деятельностью религиозных объединений и служителей культа».

Таким образом, Инструкция и постановление «О религиозных объединениях» в редакции 1962 года закрепили расширение прав местных органов государственной власти в сфере правового регулирования деятельности религиозных объединений. Центр тяжести антирелигиозной кампании окончательно перемещается на места. В исследуемый период местные советские органы, будучи властными структурами, смогли в значительной мере реализовать свой потенциал по контролю за деятельностью зарегистрированных религиозных объединений, проявив себя активными участниками государственно-конфессиональных отношений. Именно на первую половину 60-х годов приходится пик их правотворческой и организаторской деятельности.

Перемены в отношениях между государством и религиозными объединениями начались в октябре 1964 года в связи с отстранением Н.С. Хрущева с занимаемых постов. Антирелигиозная кампания свернулась так же быстро, как и началась. Официальным, юридическим признанием ее краха можно считать постановление Президиума Верховного Совета СССР от 27 января 1965 года «О некоторых фактах нарушения социалистической законности в отношении верующих».

Кузубова Ангелина Юрьевна,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры философии, экономики
и социально-гуманитарных дисциплин
Воронежского государственного педагогического университета
(Воронеж, Россия)

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ДОКТРИНЕ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА

Правовые ценности существуют только в рамках конкретного общества, являются порождением его правовой культуры. Правовая культура аккумулирует, перерабатывает и распространяет правовые ценности в различных сферах жизнедеятельности социума. А они, в свою очередь, наполняют содержанием многообразие общественных отношений, являясь условием их гармоничного и стабильного развития.

¹О религиозных объединениях. Постановление Всесоюзного Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров 8 апреля 1929 года, с внесенными в это постановление ВЦИК и СНК РСФСР изменениями Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 декабря 1962 года, № 212/9 «Для служебного пользования» // ГАКО. - Ф. Р 5200. Оп. 3. Ед. хр. 23. Л. 11-24.

Правовые ценности - это не только набор компонентов, отражающих своеобразие соответствующего типа правопонимания, они выступают смыслообразующим элементом права, приближая его к человеку. Правовые ценности обеспечивают восприятие явлений и событий сквозь призму права. И наоборот, в поисках идеального образа права человек стремится получить то, что соответствует его представлениям через формирование правовых ценностей.

Выявление онтологических оснований права невозможно без понимания того, что право всегда является зеркалом определенного культурно-исторического типа. Ведь право не ограничивается совокупностью юридически оформленных предписаний государственной власти, оно объединяет все разнообразие видов правового мышления в контексте определенной культуры.

Ценностная система России отличается спецификой, обусловленной цивилизационной идентичностью, что выдвигает на передний план проблему сохранения культурно-исторической вариативности в эпоху глобализма. Изучение проблематики позволяет подвергнуть критике идею приоритета системы европейских правовых ценностей над какими-либо иными, включая отечественные. Можно согласиться с мнением В.Н. Синюкова, обосновывающего как критерий выделения славянской правовой семьи в качестве самостоятельной группы национальных правовых систем значительную специфику правовых ценностей славянских стран, обусловленную не столько дифференциацией в формально-юридической плоскости, а в большей степени отличиями социально-культурного и государственного уклада¹.

Следует остановиться на наиболее существенных признаках, определяющих своеобразие национальной правовой системы. Во-первых, это исторически преобладающая коллективная форма хозяйствования. Российская община как особая форма ведения коллективного хозяйствования и институт самоуправления представляла собой сложный социально-экономический феномен, отражающий традиционность бытия крестьянства². Сложившаяся исторически земельная община выполняла административно-хозяйственные, фискальные, социальные, воспитательные функции. Община являла собой особое образование, членам которого принадлежали только права пользования землей - право распоряжения имела сама община как коллективный институт. Община исторически представляла собой принудительное объединение лиц, относящихся к одной социальной страте. В крестьянской общине с ее коллективистской идеологией все основывалось на религиозно-православных нормативах. Община формировала морально-нравственные представления крестьянства, воспитывала и порицала. Традиции общинного хозяйствования создали опыт управления коллективной собственностью: землей, инвентарем, иными общественными объектами.

С первым признаком самым тесным образом связан второй: приоритет коллективных начал над индивидуальными, идентификация себя не как индивидуума, а как части целого, общности. В силу чего основным назначением государства представля-

¹ Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. Саратов: Полиграфист, 1994. С. 171-174.

² Кузубова А.Ю. Земельная община и кооперация: взаимовлияние и взаимообусловленность в реалиях XIX столетия // Социально-экономические, правовые и общегуманитарные аспекты модернизации российской экономики: межвузовский сборник научных трудов. Воронеж, 2010. С. 86-87.

лась защита общих ценностей. Наконец, третий, глубокая взаимосвязь права и государства с православием, в силу чего правовые нормативы обретали значение при условии их соответствия религиозным установлениям. Соборность христианского общества подразумевала обретение силы и власти только сообща, вместе. При этом, христианское мирозерцание предопределяло размышления о праве и государстве, а ценности правовой сферы обосновывались через их корреляцию с религией и национальной традицией.

В качестве четвертого признака нельзя не отметить отсутствие культа права, свойственное западно-христианской традиции. Как отмечал К.С. Аксаков: «Россия никогда не обоготворяла права, никогда не верила в его совершенство, совершенства от него не требовала... считая первым делом веру и спасение души»¹. В православной парадигме на первое место выдвигалось нравственное самосовершенствование личности через следование этико-православным нормам.

При исследовании правовых феноменов важно учитывать специфику национального (цивилизационного) мышления с его своеобразными понятиями и категориями, методологией, формами и результатами рефлексии. Именно способ юридическое мышления, по утверждению А.И. Гусейнова, «определяет границы правовой рефлексии для каждой конкретной цивилизации»². Стабильность правовой системы невозможна без взаимодействия нормативной основы права и правовых ценностных отношений социальных субъектов. В российской юриспруденции XIX века преобладал позитивизм, отрицающий аксиологию права и признающий лишь ценность закона. На этом фоне консервативная политико-правовая мысль в лице своих сторонников предприняла попытку обосновать связь права с национальными ценностями и традициями, обратить внимание на культурологическое своеобразие. Аксиологическая проблематика русского консерватизма позволила приблизиться к познанию процессов соотношения идеальной сферы бытия с нормативной системой общества.

Отечественный консерватизм XIX века исходил из признания невозможности государственно-правового регулирования спасения человека, достижимого исключительно в процессе саморазвития человека на его пути к Богу. При этом обосновывалась необходимость сохранения исторически присущих конкретной культуре государственно-правовых институтов, органично развивающихся на национальной почве. Консервативная правовая мысль попыталась акцентировать внимание не на формальных сторонах закона, а на духовной сущности права, его связи с культурными традициями. При этом, характерной чертой было рассмотрение феномена права через выявление его аксиологических констант. Восприятие правовых ценностей в политико-правовой доктрине русского консерватизма было многоаспектным, к тому же оно эволюционировало, демонстрируя как крайний социоцентризм, так и признание духовной ценности личности.

Национальные основы российского права, обусловленные особенностями отечественной культуры, на которую оказали влияние западные и восточные, римские, византийские, тюркские и иные идеи, все же характеризуются самобытностью. Отличия проявляются,

¹ Цит. по Глухареву Л.И. Предмет как критерий научности юридического знания // Юриспруденция 2010. № 2(18). С. 21.

² Гусейнов А.И. Проблема ценностей в праве // Право и политика. 2007. № 7. С. 21.

прежде всего, в ценностях: если центральными элементом западной правовой системы является свобода, сильны индивидуалистические начала, то в нашей традиции приоритет отдается правде и справедливости, акцент смещен в сторону коллективных установок. Идеи коллективности, правды, справедливости, долженствования, приоритета общественных целей – относятся к основным правовым ценностям традиционного российского общества. Коллективность или соборность являет собой духовное и материальное единение людей во имя общего блага. А российская моральность носит ярко выраженный религиозный характер, с акцентом на самоотверженность и жертвенность.

В политико-правовой доктрине русского консерватизма акцент сделан на взаимосвязь правовых ценностей с моральными и религиозными ценностями, приоритет последних. Ведь существование долговременных ценностных ориентаций в праве возможно благодаря солидарному действию права с моралью, обычаями и обычаями частносемейной или публичной жизни¹. Формирование особого рода нравственно-правовых ценностей, где нравственность и право дополняют и поддерживают друг друга, характерно для отечественной правовой системы. Они позволяют воспринимать право не как государственное принуждение, а как порядок, правду и справедливость. В ценностной плоскости нравственность и право максимально сближаются, обеспечивая торжество справедливости, равенства, свободы, предотвращая произвол.

В обществе с доминированием либеральных ценностей в качестве главных ценностей-целей признаются индивидуальная свобода, права и свободы личности. К приоритетным правовым ценностям относят индивидуальное благо, равенство, безопасность и др. Частный интерес выступает отправным ориентиром в либеральной парадигме. В качестве важнейших ценностей в либеральной доктрине принято считать основные гражданские права, включающие жизнь, здоровье, свободу мысли, совести, слова, передвижения, выбора места жительства, неприкосновенность жилища.

Народы и нации, находящиеся вне западной правовой парадигмы не отрицают ценности свободы, прав человека, гражданского общества, индивидуализма, а воспринимая указанные феномены по-своему, сквозь свой цивилизационный опыт. Следовательно, утверждение об универсальном характере либеральных ценностей не имеет под собой почвы, ведь восприятие одних тех же правовых феноменов различаются в исламской, западнохристианской, восточнохристианской, буддистской и иных культурах. В частности, по-разному трактуются вопросы приоритета прав или обязанностей, индивидуального или коллективного, равенства или подчинения в иерархии, свободы или принуждения и др.

Право – динамично развивающийся многомерный феномен, упорядочивающий общественные отношения, и в то же время, отражающий и сохраняющий ценности своей цивилизации и культуры. Многие категории обретают характер правовых ценностей только через их признание, то есть обретение свойств быть не формальностью, а реальной действительностью.

Инокультурные ценности с трудом поддаются освоению и включению в общественную практику не только из-за сложностей их понимания, но и по причине отсутствия опыта применения. Национальное право должно сохранять свои особенности, вытекающие из культуры, традиций и обычаев конкретного общества, уровня развития его социально-

¹Графский В.Г. Традиции и обновление в праве: ценностное измерение перемен // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление. М., 1996. С. 81.

экономической сферы, истории становления и развития. Ведь общественное сознание веками вырабатывает интеллектуальные установки, передаваемые из поколения в поколение, не для того, чтобы в одночасье отречься от предшествующего опыта.

Уяснение содержания основных правовых ценностей, уровня и способов воздействия на правовое поведение представляет собой важную задачу, реализация которой будет способствовать повышению эффективности всего правового регулирования, укреплению авторитета права. Реформирование должно обладать нравственным смыслом, только тогда оно способно запустить механизм мотивации принятия проводимых изменений. От того, какие правовые ценности будут выступать фундаментом права, зависит судьба всего правового пространства.

Мунтян Анатолий Сергеевич,

Преподаватель Московского государственного института
международных отношений (Университета) МИД России
(Москва, Россия)

ДУХОВНАЯ СФЕРА ОБЩЕСТВА: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ СОВРЕМЕННОСТИ

Современная российская государственность и присущая ей правовая система прошли длинный, местами трудный путь развития - с момента принятия Декларации о государственном суверенитете РСФСР Съездом народных депутатов Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (РСФСР) 12 июня 1990 года и до сегодняшнего дня. Несмотря на движение вперед общественных и экономических отношений в течение последних 16 лет, все более и более становится очевидным тот факт, что правовая система, в рамках которой сегодня функционирует государство и общество, является больше продуктом советской системы права. Безусловно, для правовой системы немаловажным является не только наличие связей между конституцией, системой законодательства и другими ее составляющими, но и общность с социумом, духовной сферой народа страны¹.

Последняя, или как еще ее обозначил Владимир Путин «духовные скрепы», оказывает все возрастающее воздействие на правовую систему. К духовной сфере можно отнести вопросы религии и морали, науку и искусство, образование. Все составляющие этой области имеют под собой конституционное основание. В соответствии со ст. 14 Конституции РФ Российская Федерация провозглашена светским государством, при этом никакая религия не может быть установлена в качестве государственной или обязательной, а все религиозные объединения отделены от государства и имеют равный статус перед законом. Ст. 28 Основного Закона закрепляет за каждым свободу совести, свободу вероисповедания включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними. Список прав и свобод в этой сфере можно продолжать и дальше, тем не менее между строк прослеживается необычная взаимосвязь. Несмотря на все завоевания Конституции, которая закрепляет светский характер государства.

¹ См.: Левакин И.В. Субъектность народа Российской Федерации // Гражданин и право. 2007. № 6. С. 16-21.

гарантирует свободу мысли и слова (ст.29), свободу совести и вероисповедания, провозглашает приоритет прав и свобод, Основной Закон ставит все это в зависимость от норм нравственности. Это четко прописано в ч.3 ст. 55 Конституции РФ, в которой говорится : «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

Вопросы нравственности не закреплены на законодательном уровне, чего нельзя сказать о механизме защиты нравственности, которую государство охраняет при помощи целого ряда нормативно-правовых актов, к числу которых безусловно относятся Уголовный кодекс РФ. Ст. 240-245 закрепляют виды преступлений, наносящих непосредственный вред общественной нравственности. К числу таких деяний относятся: ст. 240 «Вовлечение в занятие проституцией», ст. 241 «Организация занятия проституцией», ст. 242 «Незаконное изготовление и оборот порнографических материалов или предметов», ст. 242.1 «Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних», ст. 243 «Уничтожение или повреждение памятников истории и культуры», ст. 244 «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения», ст. 245 «Жестокое обращение с животными».

В шестой главе Кодекса РФ об административных правонарушениях закреплен перечень административных правонарушений, посягающих на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность. Среди них: распространение информационной продукции среди детей, содержащей информацию, причиняющую вред их здоровью и(или) их развитию и т.д. Гражданский кодекс РФ также затрагивает вопросы защиты нравственности. В ст.169 и ст.167 речь идет о ничтожности и недействительности сделки, если та была заключена с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности.

Стабильность и фундаментальность законодательной системы и исчерпывающее правовое регулирование в духовной сфере общества по идее должны сводить к нулю все шероховатости в этой области. Однако в основе всего этого лежат вопросы нравственности, которые, с одной стороны, нигде не прописаны, а с другой стороны, отношение к ним со временем меняется как со стороны общества, так и со стороны государства, что неминуемо отражается на правовой системе. Нагляднее всего это прослеживается в отношении государства к религии. От тотального атеизма, лейтмотивом которого было саркастическое изречение Ленина «Религия – опиум для народа», хотя формально ст. 52 Конституции 1977 г. гарантировала гражданам СССР свободу совести, «то есть право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду», до нынешней псевдорелигиозности. Это тенденция свидетельствует о том, что представители государственных структур все активнее вмешиваются в духовную сферу, что увеличивает количество правовых прецедентов и общественных деяний, порой весьма резонансных, ставящих под вопрос прошлое и отрицающих современные реалии¹.

¹ См., подробнее: Левакин И.В. Право и религиозно-нравственные нормы российского общества // Журнал российского права. № 6, 2012. С. 97-106.

В 2015 году внимание общественности привлекло здание на Петроградской стороне, с фасада которого был сбит барельеф, изображающий Мефистофеля. Стоит отметить что данное сооружение относится к числу охраняемых государством памятников архитектуры. Часть отделки дома вместе с Мефистофелем была варварски уничтожена анонимной организацией «Казаки Петербурга», которая, руководствуясь поправками в ст. 148 УК, препятствующей оскорблению чувств верующих¹, посчитали, что дьяволу с крыльями не место напротив православного храма, совершили самосуд и уничтожили часть культурного наследия страны. Хотя стоит отметить, что Мефистофель является литературным героем, чей образ можно найти на страницах мировой и российской литературы и сценического искусства. Все это может спровоцировать цепную реакцию и вызвать стремление у отдельных категорий граждан потребовать запрета литературных произведений, театральных постановок и музейных экспозиций. Оптимизм вселяет то, что пока данный закон не получил активного применения.

Безусловно, правовая система должна учитывать исторические, культурные и социальные аспекты, при этом не перегибая палку в духовной сфере, которая имеет свои объективные пределы в стране, в основе конституционного строя которой лежит светский тип государства.

Пасенов Александр Николаевич,
аспирант кафедры административного и международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

«КОНЦЕПЦИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ» О ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ

На настоящий момент сложилось множество учений о дальнейшем развитии общества. Одним из таких учений является «концепция устойчивого развития». Данная концепция предлагает сформировать такую модель общества, в котором будут разумно сочетаться созидание экономики, улучшение условий жизни человека и бережное отношение к окружающей среде. Концепция получила свое нормативное закрепление в ряде международных документов политического и правового характера, как на универсальном, так и на региональном уровне.

Написано много работ, посвященных становлению и развитию самой концепции, а также анализу тех преобразований, которые предлагаются в экономической, социальной и экологической сферах жизни общества². Однако, мало внимания было уделено исследованию политико-правовых аспектов концепции.

В данной статье ставится цель проанализировать ключевые документы универсального характера, принятые под эгидой ООН, в которых получила закрепление

¹См., Федеральный закон от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса РФ и отдельные законодательные акты»)

²См.: Кузнецова Ю. А. Этапы формирования и развития концепции устойчивого развития // Молодой ученый. 2013. №5. С. 337-339.; Шакиров А.Д. О концепции устойчивого развития и ее принципах // Ученые записки Казанского университета. Серии: Гуманитарные науки. 2011. №1. С. 217-225

«концепция устойчивого развития», чтобы выявить характеристики, присущие государству и праву в предлагаемой модели развития общества.

Первым документом являлась Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию. В ней отмечается, что «Государства сотрудничают в духе глобального партнерства в целях сохранения, защиты и восстановления здорового состояния и целостности экосистемы Земли»¹, «Государства развивают и поощряют информированность и участие населения путем широкого предоставления информации. Обеспечивается эффективная возможность использовать судебные и административные процедуры, включая возмещение и средства судебной защиты»². Также «Государства принимают эффективные законодательные акты в области окружающей среды»³.

Следующим значимым документом стала Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций. В данном акте указывается, что государства «преисполнены решимости укреплять уважение к принципу верховенства права, причем как в международных, так и во внутренних делах»⁴. Подчеркивается, что достижение целей тысячелетия возможно при обеспечении «благого управления в каждой стране»⁵. Также в Декларации отмечается, что государства будут уважать и защищать права человека, поддерживать практику демократии, вести борьбу с насилием в отношении женщин, стремиться к обеспечению согласия в обществе, достигать открытости политических процессов, обеспечивать свободу деятельности средств массовой информации⁶.

В 2002 году проводилась Всемирная встреча на высшем уровне по устойчивому развитию. На данной конференции была принята Йоханнесбургская декларация по устойчивому развитию. В ней главы государств и правительств взяли на себя обязательство «усилить и улучшить управление на всех уровнях»⁷.

Во исполнение данного акта был принят План выполнения решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию. В нем содержатся следующие положения: «Необходимым условием обеспечения устойчивого развития является благое управление. Основой для поступательного экономического роста, искоренения нищеты и создания рабочих мест являются разумная экономическая политика, наличие прочных демократических институтов, реагирующих на потребности населения, и улучшение состояния инфраструктуры»⁸. Также в данном документе подчеркивается, что все страны должны содействовать достижению устойчивого развития путем

¹ См.: Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl (дата обращения: 15.09.2016).

² См.: Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl (дата обращения: 15.09.2016).

³ См.: Там же.

⁴ См.: Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения: 15.09.2016).

⁵ См.: Там же.

⁶ См.: Там же.

⁷ См.: Йоханнесбургская декларация по устойчивому развитию. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ecolodessire.ru/desecs-24-3.html> (дата обращения: 15.09.2016).

⁸ См.: План выполнения решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ecoaccord.org/doc/rio-plan8.htm> (дата обращения: 15.09.2016).

«принятия и обеспечения соблюдения четких и эффективных законов»¹, а также «посредством мер, обеспечивающих доступ к информации о законодательстве, положениях, деятельности, стратегиях и программах»². Им также следует обеспечить участие общества в «разработке и осуществлении политики в области устойчивого развития»³.

В Итоговом документе Всемирного саммита 2005 года большинство членов международного сообщества в лице своих глав подтвердили приверженность принципам благого правления и верховенства права⁴, а также подчеркнули, что «демократия – это универсальная ценность, основанная на свободном волеизъявлении народа, который определяет свои политические, экономические, социальные и культурные системы, и на его активном участии в решении вопросов, касающихся всех аспектов его жизни»⁵.

В документе, принятом на шестьдесят пятой сессии Генеральной Ассамблеи ООН, который получил название «Выполнение обещания: объединение во имя достижения целей в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия», отмечается важность осуществления борьбы с коррупцией и проведения взвешенной налогово-бюджетной политики. В частности, подчеркивается, что «коррупция в значительной мере препятствует эффективной мобилизации и распределению ресурсов и отвлекает их от тех направлений деятельности, которые имеют крайне важное значение для обеспечения устойчивого развития»⁶. Также указывается на важную роль парламентов в процессе достижения целей устойчивого развития⁷.

В 2012 году на конференции в Рио-де-Жанейро, посвященной двадцатилетию с момента принятия Декларации по окружающей среде и развитию, был принят документ под названием «Будущее, которого мы хотим». В нем отмечается, что «для достижения наших целей в области устойчивого развития мы должны создать на всех уровнях эффективно действующие, транспарентные, подотчетные и демократические институты»⁸. Также в данном акте подчеркивается «важное значение для продвижения идеи устойчивого развития широкого участия в этом общественности и обеспечения доступа к информации и судебно-административным механизмам»⁹.

На конференции 2012 года была поставлена задача проработать направления дальнейших усилий мирового сообщества по построению устойчивого общества. Результатом этой работы стало принятие документа, который получил название «Пре-

¹ См.: Там же.

² См.: Там же.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902131568> (дата обращения: 15.09.2016).

⁵ См.: Там же.

⁶ См.: «Выполнение обещания: объединение во имя достижения целей в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия». [Электронный ресурс]. URL: <https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Fwww.preventionweb.org> (дата обращения: 16.09.2016).

⁷ См.: Там же.

⁸ См.: «Будущее, которого мы хотим» (Итоговый документ конференции ООН по устойчивому развитию). [Электронный ресурс]. URL: <https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Fwww.iblfrussia.org> (дата обращения: 16.09.2016).

⁹ См.: Там же.

образование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года».

В данном акте, который содержит 17 целей устойчивого развития, одним из важнейших направлений работы определяется содействие построению миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях. Для достижения обозначенной цели предлагается: сокращать распространенность всех форм насилия, в том числе в отношении детей; укреплять верховенство права на национальном и международном уровнях и обеспечивать всем равный доступ к правосудию; сокращать незаконные финансовые потоки и потоки оружия; уменьшать масштабы коррупции и взяточничества; создавать эффективные, подотчетные и прозрачные учреждения на всех уровнях; обеспечивать ответственное принятие решений репрезентативными органами с участием всех слоев общества; обеспечивать людей законными удостоверениями личности; обеспечивать доступ общественности к информации¹.

Таким образом, проанализировав данные документы, мы можем сформулировать характеристики государства и права с позиции «концепции устойчивого развития». К ним можно отнести верховенство права, принятие эффективных законодательных актов, защита прав человека, информирование населения о принимаемых актах, свободный доступ к судебным и административным органам, открытость политического процесса, свобода деятельности СМИ, особая роль парламента как высшего представительного и законодательного органа, демократия как режим, при котором широкие массы населения участвуют в управлении государством, благое правление как деятельность государства, направленная на обеспечение доступности для человека всех необходимых благ, борьба с коррупцией, проведение взвешенной налоговой-бюджетной политики, обеспечение согласия в обществе, стремление государства к сотрудничеству с группами внутри, а также другими членами мирового сообщества.

Эфрикия Рубен Альбертович,
к. ю. н., доцент, доцент кафедры конституционного и административного права
Краснодарского университета МВД России
Луков Михаил Геннадьевич,
доцент кафедры конституционного и административного права
Краснодарского университета МВД России
(Краснодар, Россия)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПО ПРЕДОСТАВЛЕНИЮ МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

В сфере экономики муниципальные услуги чаще всего предоставляются самими органами местного самоуправления, а точнее – соответствующими структурными подразделениями местных администраций. Это обусловлено объективным фактором, а именно тем, что сам характер таких услуг предполагает решения преимущественно

¹ См.: «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda> (дата обращения: 15.09.2016).

разрешительного и регистрирующего характера, которые, в свою очередь, позволяют заявителям услуг приложить свои усилия, знания, опыт для создания (а не получения) какого-либо социально-экономического блага (развитие бизнеса, строительство дома, совершение гражданско-правовой сделки и т.д.).

Тем самым в данной сфере исключается целый пласт проблем, связанных с необходимостью разграничивать муниципальные услуги с теми услугами, которые предусматривают непосредственное предоставление каких-либо социально-экономических благ. Наиболее часто встречающиеся муниципальные услуги в сфере экономики связаны с имущественными и земельными отношениями, а также с предпринимательством. Конечно, эти направления тесно, а нередко непосредственно переплетаются друг с другом, и указанное деление во многом является условным. Тем не менее, оно позволяет выявить ряд особенностей в правовом регулировании и практике предоставления соответствующих муниципальных услуг.

В сфере имущественных отношений типичной является услуга, в рамках которой органами местного самоуправления решается вопрос о переводе жилого помещения в нежилое и наоборот (например, административный регламент предоставления муниципальной услуги «Прием заявлений и выдача решений о переводе или об отказе в переводе жилого помещения в нежилое или нежилого помещения в жилое помещение в жилых домах, расположенных на территории городского округа города Котельнича Кировской области»¹). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что основная часть объема данного регламента представляет собой дублирование соответствующих норм ЖК РФ (глава третья), Постановления Правительства РФ «Об утверждении формы уведомления о переводе (отказе в переводе) жилого (нежилого) помещения в нежилое (жилое) помещение»² и др. Такой подход, разумеется, нельзя считать недостатком, однако, на наш взгляд, он не должен доминировать и использоваться в ущерб той информации, которая необходима для заявителей, обратившихся за данной муниципальной услугой в г. Котельнич.

Другое дело, что серьезным испытанием для заявителей этой услуги является подготовка и оформление в установленном порядке проекта переустройства и (или) перепланировки переводимого, имея в виду, что подготовка проекта осуществляется только физическими или юридическими лицами, которые соответствуют требованиям законодательства Российской Федерации, предъявляемым к лицам, осуществляющим архитектурно-строительное проектирование; кроме того, проект подлежит согласованию с заинтересованными организациями и учреждениями, а конкретный перечень согласований проекта определяет лицо, осуществляющее проектирование, и (или) орган, осуществляющий согласование, с соответствующим обоснованием и ссылкой на

¹ См.: Административный регламент предоставления муниципальной услуги «Прием заявлений и выдача решений о переводе или об отказе в переводе жилого помещения в нежилое или нежилого помещения в жилое помещение в жилых домах, расположенных на территории городского округа города Котельнича Кировской области» (утвержден постановлением администрации города Котельнича от 17.06.2011 № 300) // Официальный сайт городского округа города Котельнича Кировской области (дата обращения – 11. 07. 2016 г.).

² См.: Постановление Правительства РФ от 10.08.2005 N 502 «Об утверждении формы уведомления о переводе (отказе в переводе) жилого (нежилого) помещения в нежилое (жилое) помещение» // Российская газета. 2005. 10 августа.

действующие нормы и регламенты. Это – важнейший документ, без которого, в случае, если переустройство или перепланировка помещения необходимы, рассматриваемая муниципальная услуга не может быть предоставлена. Как показывает изученная нами практика, именно в этом вопросе возникают наибольшие трудности (проект и его согласование).

И в этой связи мы полагаем, что не менее, а более востребованной должна быть услуга, связанная с решением именно этих вопросов. В этом смысле более продуманным представляется подход в г. Краснодаре, где принят муниципально-правовой акт¹, в котором довольно подробно описаны согласительные процедуры.

В другом административном регламенте, утвержденным администрацией города Березники², как нам представляется, имеет место административно-бюрократический перегиб. Речь в этом муниципально-правовой акте идет о предоставлении муниципальной услуги в виде предоставления информации об объектах недвижимого имущества (земельных участках), находящихся в государственной и муниципальной собственности и предназначенных для сдачи в аренду. От заявителя требуется только заявление, которое можно подать любым способом (на личном приеме, по почте, по телефону, и соответственно результатом услуги является предоставление информации).

Перегиб, на наш взгляд, заключается в том, что столь простейшая муниципальная услуга оформлена муниципально-правовым актом (административным регламентом) объемом в 21 лист формата А4. Подобный вариант, причем в еще большем объеме (25 листов) предусмотрен в Весьегонском муниципальном районе Тверской области³. Срок предоставления информации в соответствии с этими регламентами составляет 30 дней со дня обращения заявителя, при этом подробнейшим образом описываются все мельчайшие процедуры. А ведь речь идет о единственном документе – заяв-

¹ См.: Постановление администрации МО город Краснодар от 12.08.2010 № 6099 «Об утверждении порядка принятия решений о переводе (об отказе в переводе) жилого (нежилого) помещения в нежилое (жилое) помещение, о согласовании (об отказе в согласовании) переустройства и (или) перепланировки жилых (нежилых) помещений, о согласовании (об отказе в согласовании) сохранения самовольно переустроенных и (или) перепланированных жилых помещений, о признании жилого помещения муниципального и частного жилищного фондов пригодным (непригодным) для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, о признании жилых строений на садовом земельном участке пригодным для постоянного проживания в муниципальном образовании город Краснодар» // Вестник местного самоуправления МО город Краснодар. 2010. № 15.

² См.: Административный регламент по предоставлению муниципальной услуги «Предоставление информации об объектах недвижимого имущества (земельных участках), находящихся в государственной и муниципальной собственности и предназначенных для сдачи в аренду» (утвержден постановлением администрации города Березники Пермского края от 11. 12. 2011 г.) // Официальный сайт города Березники Пермского края (дата обращения – 11. 07. 2016 г.).

³ См.: Административный регламент предоставления комитета по управлению имуществом и земельными ресурсами Весьегонского района муниципальной услуги «Предоставление информации о форме собственности на недвижимое и движимое имущество, земельные участки, находящиеся в собственности муниципального образования, включая предоставление информации об объектах недвижимого имущества, находящихся в муниципальной собственности и предназначенных для сдачи в аренду» (утвержден постановлением администрации Весьегонского района Тверской области от 31. 01. 2012 г. № 42) // Официальный сайт Весьегонского района Тверской области (дата обращения – 11. 07. 2016 г.).

лении, которое подается в произвольном виде, и заявитель просит предоставить информацию, которая, как правило, должна быть в открытом доступе для неопределенного круга лиц. Мы полагаем, что такого регламенты должны быть предельно упрощены.

Достаточно сложными по содержанию являются муниципальные услуги, связанные с земельными отношениями. Типичным является административный регламент предоставления муниципальной услуги «Предоставление земельных участков, находящихся в муниципальной собственности, в аренду под строительство объектов капитального строительства на территории городского округа «Город Хабаровск»»¹. Особенностью данного регламента является то, что исполнителями услуги обозначены сразу два подразделения местной администрации городской администрации города Хабаровска, а именно: 1) департамент архитектуры, строительства и землепользования; 2) департамент муниципальной собственности.

Мы полагаем, что такой подход, избранный администрацией города Хабаровска, представляется малопродуктивным. Дело в том, что регламент предполагает непосредственное взаимодействие заявителя данной услуги с двумя структурными подразделениями местной администрации. В частности, заявителю предлагается самостоятельно взять выписки из ЕГРП и ряд других документов, требующих значительных затрат времени и специальных знаний. В данном случае, как нам представляется, органы местного самоуправления могли взять на себя подготовку указанных документов по запросу заявителей, причем в данном случае такая услуга может платной, и предоставлять ее могло бы созданное для этих целей муниципальное учреждение или муниципальное унитарное предприятие. Как показал проведенный нами опрос лиц, которые уже получили данную услугу, они готовы были оплатить официальной структуре немалые средства для того, чтобы решить данный вопрос. Мы полагаем, что в пользу такого подхода и тот аргумент, что специалистам с учетом опять же имеющихся информационных баз решить данный вопрос значительно проще, чем каждому в отдельности заявителю. Помимо этого, такой подход, на наш взгляд, снижает степень коррупционности в деятельности органов муниципального управления.

Таким образом, анализ административных регламентов предоставления муниципальных услуг в сфере экономики позволяет выявить ряд аспектов, требующих своего совершенствования. Так, с точки зрения юридической техники при регулировании наблюдается неоправданное дублирование норм из федерального законодательства, нередко простая муниципальная услуга (предоставление информации об объектах собственности, выставляемых на продажу или в аренду) имеет несопоставимо большой и детальный объем регулирования, при этом в недостаточной мере используются возможности информирования неопределенного круга лиц посредством размещения данных в средствах массовой информации и на официальных сайтах муниципальных образований. Если иметь в виду содержательную сторону, то представ-

¹ См.: Административный регламент предоставления муниципальной услуги «Предоставление земельных участков, находящихся в муниципальной собственности, в аренду под строительство объектов капитального строительства на территории городского округа «Город Хабаровск» (утвержден постановлением администрации города Хабаровска от 31. 05. 2011 г. № 1584) // Официальный сайт администрации городского округа «Город Хабаровск» (дата обращения – 11. 07. 2016 г.).

ляется неправильным, когда орган местного самоуправления при предоставлении муниципальных услуг ограничивается, по сути, технической стороной (прием, проверка представленных документов, подготовка и выдача результирующих актов), в то время как выполнение сложных и затратных действий (топографическая съемка, подготовка градостроительного плана и др.) приходится организовывать самим заявителям. Более эффективным является подход, когда орган местного самоуправления, формируя и предоставляя муниципальные услуги, закладывает в нее максимальное возможное число действий, требующих специальных знаний и навыков, поскольку более быстрое и комфортное решение заявителями своих потребностей будет способствовать более эффективному социально-экономическому развитию муниципального образования. При этом сложные и затратные муниципальные услуги в сфере имущественных, земельных и градостроительных отношений целесообразно предоставлять через муниципальные унитарные предприятия на платной основе.

Косолапова Наталья Александровна,
к.ю.н., ст. преподаватель кафедры конституционного и муниципального права
Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

ВИДЫ ГАРАНТИЙ ПРАВА НА КВАЛИФИЦИРОВАННУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ В РОССИЙСКОМ КОНСТИТУЦИОННОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В Российской Федерации, несмотря на конституционный приоритет человека, его прав и свобод в качестве высшей ценности (ст. 2), по-прежнему актуальны мероприятия, направленные на создание оптимальных условий для обеспечения достойной жизни личности¹. В этой связи права и свободы человека и гражданина обуславливают законодательное регулирование всех общественных отношений, выступают ключевым принципом в организации механизма государственной власти и управления.

Вместе с тем конституционное судопроизводство не может не иметь общей родовой основы с иными видами судопроизводства, которой, однако, не исключается, а предполагается ряд особенностей. Так, у сторон в конституционном судопроизводстве могут быть свои представители, действующие от имени стороны в ее отсутствие или совместно с ней в рамках судебного заседания.

Применительно к личности речь идет о представительстве по найму (доверенности). В этом случае квалифицированная юридическая помощь реализуется адвокатами или лицами, имеющими ученую степень по юридической специальности, полномочия которых подтверждаются соответствующими документами.

Полагаем, специфика конституционного судопроизводства влияет на реализацию права на квалифицированную юридическую помощь в конституционном судопроизводстве, что обусловило авторский подход к формулированию данного вида га-

¹ Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 5.02.2014 г. № 2-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 9. Ст. 851.

рантий. Итак, по нашему мнению, гарантии права на квалифицированную юридическую помощь в конституционном судопроизводстве представляют собой совокупность благоприятных условий, норм, средств и способов базово-судебного и статусно-представительского характера, комплексно обеспечивающих каждому правовые возможности для реализации указанного субъективного права. При этом приведенные разновидности (базово-судебные и статусные гарантии) в своем числе включают и нормативные, и организационные (институциональные) и процессуальные гарантии.

С точки зрения автора базово-судебные гарантии субъективного права на квалифицированную юридическую помощь в конституционном судопроизводстве представляют собой совокупность конституционно-правовых норм, средств и определяемых на их основе способов в единстве обеспечивающих каждому доступ к правосудию и защиту в рамках конституционного судопроизводства.

В нормативном аспекте к данному виду гарантий относятся:

- конституционные нормы, которыми определено право на судебную защиту, формы таковой (ст. 18, ч. 1 ст. 46, ч. 2 ст. 118);
- конституционные нормы, конкретизирующие статус Конституционного Суда Российской Федерации, а также его судей;
- нормы статусного и процессуального характера Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»¹.

Статусно-представительские гарантии субъективного права на квалифицированную юридическую помощь в конституционном судопроизводстве, по мнению автора, включают в себя совокупность конституционно-правовых норм и средств, определяющих статус субъектов и способы осуществления квалифицированной юридической помощи в конституционном судопроизводстве.

Ключевым институтом, обусловленным ч. 1 ст. 48 Конституции Российской Федерации, ст.ст. 52 и 53 федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ, а также Федеральным законом от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ)², следует указать адвокатуру.

В научной литературе адвокатуру определяют профессиональным сообществом юристов-профессионалов, которые объединены в коллегии адвокатов для оказания юридической помощи физическим и юридическим лицам, включающей участие в разных видах судопроизводства, разъяснение правовых вопросов, подготовку юридических документов (заявлений, жалоб, договоров и т.п.)³. Деятельность адвокатуры является важной гарантией осуществления права на получение квалифицированной юридической помощи.

С целью обеспечения доступности для населения юридической помощи и действия адвокатской деятельности органами государственной власти обеспечивается независимость адвокатуры, осуществляет: финансирование деятельности адвокатов.

¹ Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 04.06.2014 г.) // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447; 2014. № 23. Ст. 2922.

² Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (ред. от 02.07.2013 г.) // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102; 2013. № 27. Ст. 3477.

³ Яценко А.И., Яценко И.С. Адвокатура в зарубежных странах и Российской Федерации сравнительно-правовой и институциональный анализ / Под гауч. ред. проф. И.С. Яценко. М., 2002. С. 22.

которые оказывают юридическую помощь гражданам Российской Федерации бесплатно в законодательно предусмотренных случаях, а также при необходимости выделяют адвокатским образованиям служебные помещения и средства связи. Каждому адвокату гарантировано предусмотренное Конституцией России социальное обеспечение¹.

Статусные особенности адвокатов предусмотрены в федеральном законе от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ, а формы его деятельности, права и обязанности закреплены процессуальными нормами, как указанного акта, так и федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ.

Основополагающей в этом смысле является ст. 53 федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ, в которой указаны права и обязанности сторон и их представителей.

Так, у сторон и их представителей есть право знакомиться с материалами дела, излагать собственную позицию по делу, задавать вопросы другим участникам процесса, заявлять ходатайства, в том числе об отводе судьи.

Что касается обязанностей, то по вызову Конституционного Суда РФ стороны или их представители должны явиться, дать объяснения и ответить на вопросы. Вместе с тем законодательством не предусмотрены какие-либо санкции за неисполнение указанных обязанностей. Поэтому неявка стороны или ее представителя не препятствует рассмотрению дела, за исключением случаев, когда сторона ходатайствует о рассмотрении дела с ее участием и обосновывает уважительность причины своего отсутствия.

Таким образом, будучи формально закрепленной как обязанность сторон или их представителей, явка этих лиц в заседание Конституционного Суда РФ не обеспечена какими-либо механизмами реализации. Негативный эффект от неисполнения закрепленной обязанности сводится к риску неблагоприятных последствий от того, что сторона не представила свою позицию в самом выгодном свете и не ответила на доводы и утверждения другой стороны. В то же время, поскольку Конституционный Суд РФ оценивает только вопросы права, а не фактические обстоятельства дела и при этом не связан доводами сторон, неявка стороны в судебное заседание, очевидно, сама по себе не означает проигрыша дела. Кроме того, в распоряжении Конституционного Суда РФ могут находиться письменные материалы, представленные неявившейся стороной и содержащие ее доводы по существу рассматриваемого вопроса².

Федеральным законом от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ решен вопрос по поводу видов адвокатской деятельности (ст. 2), которые при определении содержательной стороны адвокатского статуса воспринимаются в качестве права адвоката вступать в соответствующие правоотношения при оказании квалифицированной юридической помощи, закрепленной в ст. 48 Конституции России.

Федеральным законом от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ устанавливаются также права и обязанности адвоката как члена сообщества.

¹ Права и свободы человека и гражданина в современной России и роль адвокатуры в их защите / Под ред. заслуженного юриста РФ, д-ра юрид. наук, проф. Т.П. Радько. М.: Российская Академия адвокатуры. 2004. С. 76.

² Комментарий к Федеральному Конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» под ред. Г.А. Гаджиева. М.: Норма, 2012. С. 13.

Адвокат может не иметь ученой степени, а кандидат (доктор) юридических наук может не быть адвокатом. Не имеет значения также юридическая специализация представителя заявителя (адвокат по уголовным делам, кандидат юридических наук, специализирующийся на налоговом законодательстве, и т.п.).

Так как российское законодательство не предусматривает обязательное участие представителя в каждом деле, то важной гарантией в данном случае является вознаграждение (гонорар) адвоката. Оно определяется в соглашении сторон и может учитывать объем и сложность работы, продолжительность времени, которое требуется для ее выполнения, опыт и квалификацию адвоката, сроки, степень срочности выполнения работы и другие обстоятельства: размер и характер ответственности адвоката за исполнение поручения.

Исходя из практики, в соглашении об оказании юридических услуг отражается, что на адвоката возлагается ответственность за неисполнение договора на основании действующего законодательства. Крайне редко встречаются так называемые «джентльменские соглашения», когда в случае неудачного исполнения поручения доверителю возвращается часть суммы, уплаченной им по договору¹.

Договор может предусматривать оплату услуг адвоката при подписании договора, по истечении определенного срока одновременно или по частям, по достижении определенного результата и т.д. В данном случае сторонами по взаимной договоренности определяются порядок и сроки оплаты.

Право требования адвоката на оплату услуг по договору может быть переуступлено им в рамках договора цессии, если имеется согласие доверителя. Это подтверждается то, что для данного договора особое значение состоит в личном участии сторон в процессе его реализации.

По отношению к соглашению на оказание юридической помощи действует принцип свободы договора, предусмотренный российским гражданским законодательством (ст. 421 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Полагаем, предложенные нами гарантии права на квалифицированную юридическую помощь в российском конституционном судопроизводстве в качестве специальной разновидности гарантий будут способствовать не только развитию российской правозащитной теории, но также и упорядочению законодательства и правоприменительной практики.

Зинковский Максим Александрович,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса
Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

ДОГОВОР ПОСТАВКИ ОПАСНЫХ И ЯДОВИТЫХ ВЕЩЕСТВ

Товары, формирующие предпринимательский рынок разнообразны. Предметом договора поставки могут выступать продукты питания, оборудование, станки и ин-

¹ Степашина М.С. Комментарий к Федеральному закону от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (постатейный) / под ред. А.Б. Смушкина, В.Н. Барбарича // СПС КонсультантПлюс, 2008

струменты, парфюмерная продукция и многое другое. Встречаются поставочные отношения в деловой среде, когда поставка осуществляется в отношении опасных и ядовитых веществ.

Предметом договора поставки опасных и ядовитых веществ выступают названные вещества. Условие о предмете прописывается как в разовых договорах поставки, где механизм сделки осуществляется по принципу один договор – один предмет, так и в договорах поставки с вариативной спецификацией, где сам текст договора, зачастую ни говорит, ни о чем, а главенствующая роль отведена спецификации (приложение к договору), которая определяет каждую отдельную поставку по принципу «здесь и сейчас».

Обе договорные конструкции имеют свои плюсы и минусы. Разовый договор – прост, лаконичен, минимизирует дублирование цифр. Договор с вариативной спецификацией – современный в бизнесе, все хотят видеть многоступенчатую сделку, чтобы подчеркнуть статус в гражданском обороте, расписать все возможные сценарии.

Говоря об опасных и ядовитых веществах, можно заметить, что названный предмет поставки перемещается от поставщика к покупателю специальным образом. Здесь имеют место быть железнодорожный и автомобильный транспорт, используются специальные цистерны и емкости, современное оборудование. Ядовитые и опасные вещества – это такие вещества, которые могут нанести смертельный вред человеку и окружающей среде, следовательно, условие о перевозке их специальным транспортом и в специальной таре относится к ключевым условиям договора.

Права и обязанности сторон по договору поставки опасных и ядовитых веществ традиционны и близки к правам и обязанностям обычной поставки товара. Исключение составляют случаи, когда мы имеем дело с самими довитыми и опасными веществами. Специфичен и порядок действий сторон, связанный с риском случайно гибели, случайного повреждения товара в пути следования.

В этом случае, как правило, осуществляется страхование груза и жизни людей.

Механизм перехода права собственности на опасный груз от поставщика к покупателю обычный, за тем лишь исключением, что для принятия опасного груза, как правило, требуются специальные помещения, цистерны, оборудование и обученный персонал. В случае, когда покупатель опасных и ядовитых веществ не готов на практике надлежащим образом принять товар, то здесь можно вести речь о том, что такой договор требует обязательного включения условия о запасном или экстренном варианте утилизации или складирования груза. Такое положение вещей обусловлено опасными свойствами груза и тем, что в случае невозможности его принятия со стороны покупателя, такой груз необходимо где-то разместить. При этом место для размещения груза должно быть специально оборудовано. Такие ситуации повышают риски названного договора.

Часто договоры поставки опасных и ядовитых веществ содержат в себе элементы договоров перевозки, хранения на товарном складе.

Ответственность сторон по договору поставки базируется на традиционных началах. Некой особенностью является страхование различных рисков.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что договор поставки опасных и ядовитых веществ имеет незначительное количество особенностей в отличие от традиционного договора поставки товаров.

Белецкая Анастасия Анатольевна,
ст. преподаватель кафедры трудового и предпринимательского права
Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НАРУШЕНИЙ В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ СИНГАПУРА

Нарушение прав интеллектуальной собственности имеет высокую степень значимости, потому что включает не просто нарушение прав собственности другого лица, но так же использование этого нарушения с целью получения финансовой выгоды. Такое нарушение отличается от воровства или незаконного присвоения собственности, потому что включает не просто растрату собственности, но ее дальнейшую эксплуатацию.

Серьезность преступления подчеркнута тем фактом, что нарушение обычно волекает преступников, работающих не просто в одиночку, но в группах организованным способом.

Преступлениях в сфере интеллектуальной собственности могут быть совершенны с большей непринужденностью, чем воровство или неправомерное завладение материальной собственностью, - все, что требуется, - воспроизводство дизайна, формы или торговой марки определенного носителя. Нет никакой потребности лишать владельца физического владения. К тому же, незаконное воспроизводство может быть относительно недорогим.

Сингапур предпринимает большие усилия для того, что бы стать местом, привлекательным для действий прав интеллектуальной собственности. У Сингапура также есть международные обязательства по защите прав интеллектуальной собственности владельцев, например, в соответствии с соглашением ТРИПС и совместным Соглашением с США о свободной торговле¹.

Торговые марки в праве Сингапура имеют относительно недавнее происхождение, и обязательство соблюдать их возникает не только из Соглашения ТРИПС, но также и из Сингапурского договора о законах по товарным знакам². Первоначально, торговые марки могли быть зарегистрированы только для товаров. Существуют отдельные положения, имеющие дело со знаками обслуживания, но принципы, на которых основано их правовое регулирование - те же самые.

Не может быть признано нарушением торговой марки зарегистрированная торговая марка относительно товаров, которые были помещены на рынок или в Сингапуре, или за пределами Сингапура, под этой торговой маркой владельцем зарегистрирован-

¹См.: The Enforcement of intellectual property rights. 2012. [Электронный ресурс] // http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/intproperty/791/wipo_pub_791.pdf (Дата обращения: 15.09.2016).

²См.: Сингапурский договор о законах по товарным знакам и Инструкция к Сингапурскому договору о законах по товарным знакам. // Приняты на Дипломатической конференции 27 марта 2006 г. // Ратифицирован Федеральным законом от 23 мая 2009 г. № 98-ФЗ «О ратификации Сингапурского договора о законах по товарным знакам».

ной торговой марки или с его явного или подразумеваемого согласия.

Однако, этот принцип не применяется если: свойства товаров изменились и ухудшились после того, как они были помещены на рынок; использование зарегистрированной торговой марки относительно таких товаров вызвало их ухудшение, ввиду использования в зарегистрированной торговой марке отличительных черт незаконного характера.

В отношении торговых марок существует требование, согласно которому подделанная торговая марка была зарегистрирована. В Сингапуре любой человек, который подделывает зарегистрированную торговую марку, виновен в нарушении. Многие действующие законы, которые регулируют данную сферу, не требуют «действительной» регистрации. Они определяют подделывание в отношении «зарегистрированных» торговых марок, таким образом подразумевая, что, пока в регистре существует отметка о регистрации, непозволительно подделывать их.

При этом, законодательство Сингапура в отношении данного нарушения закона предусматривает, что обвиняемый знал или должен был обоснованно знать, что он имеет дело с контрафактной копией, и то же самое относится к импорту контрафактных товаров и других запрещенных действий в указанной области. Такое знание со стороны обвиняемого может быть установлено через косвенные доказательства. Типичные косвенные доказательства включают в себя, но не ограничиваются этим, доказательства покупки или продажи ответчиком товаров, занижение цены, манипуляции с товарами, способами доставки.

Сингапурский закон позволяет получать доказательства в виде показаний под присягой в гражданском, а также уголовном судопроизводстве. Эти доказательства могут установить что: в определенное время авторское право существовало в работе или другом объекте, к которому имеет отношение переход; или в определенное время авторское право в той работе или объекте было принадлежавшим, в том числе на основании исключительной лицензии, конкретному человеку.

Многие работы, которые порождают дизайнерские права, одновременно подпадают под действие и защиту авторского права, вот что отражается в Положении о Сообществе дизайнера.

Так, к примеру, дизайн, защищенный указанным Положением о Сообществе, должен также иметь право на защиту в соответствии с законом авторского права государств-членов от даты создания или первоначальной фиксации в любой форме. Степень и условия такой защиты, включая уровень требуемой оригинальности, должны быть определены каждым участником Сообщества¹.

Это обстоятельство породило множество практических проблем. Потому что означает, что запасная часть или деталь автомашины может быть защищена как минимум 50 или 70 лет, что большинство законов рассматривают как недопустимое.

Закон в Сингапуре, гласит, что создание любой полезной статьи, зафиксированное в трех измерениях, не нарушает авторское право в художественном произведении, если, полезная статья или ее копии сделаны после того, как художественное произведение было промышленно применено. Художественное произведение имеет промышленное применение, если, например, больше чем 50 копий, имеющих трехмерное изме-

¹См.: Регламент Совета (ЕС) № 6/2002 от 12 декабря 2001 г. О дизайнах Сообщества / Council Regulation (EC) No 6/2002 of 12 December 2001 on Community designs.

рение, сделано на его основе в целях продажи или аренды; и полезная статья означает изделие, имеющее внутреннюю утилитарную функцию, которая не просто изображает процесс создания статьи или передает информацию об этом.

Ввиду широкого определения термина товарный знак, которое включает в себя, например, формы контейнеров, обязательно существует некоторое пересечение между двумя областями (товарный знак и дизайн). Поскольку срок охраны товарного знака может быть продлен на неопределенный срок, в то время как срок защиты дизайнерской конструкции нет, они имеют различные коммерческие значения. Дело в том, однако, что существующий товарный знак может уничтожить новизна конструкции.

Таким образом, правовая система Сингапура в сфере интеллектуальной собственности имеет специфические особенности, обусловленные особенностями правонарушений интеллектуальных прав и применяемых мер ответственности.

Шишкин Радий Владимирович,
ст. преподаватель кафедры уголовной политики
и организации предупреждения преступлений
Академии управления МВД России
(Москва, Россия)

ПРЕСТУПНОСТЬ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: АСПЕКТ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО РЫНКА

Преступность иностранных граждан в сфере потребительского рынка в Дальневосточном регионе существует на протяжении двух с половиной десятилетий. Географическое расположение вдоль границ российского Дальнего Востока, который находится в зоне приграничного соприкосновения со странами Азиатско-тихоокеанского региона (далее – АТР, куда входят Китай, Япония, Корея и др.), интерес которых привлекает к указанному региону из-за его особенности природного ресурса (лесного, биологического, животного и геологического потенциала и другого богатства).

Иностранцы граждане, прибывающие на территорию России по разным целям: туристической, коммерческой, деловой или рабочей визам, стремительными темпами пытаются заняться прибыльной коммерческой деятельностью и определиться со своей занятостью, и любыми путями проникнуть в сферу экономики и ее сектор потребительского рынка.

Прежде чем говорить о преступности иностранных граждан, которая распространилась в сфере экономической деятельности потребительского рынка необходимо определить, что такое потребительский рынок.

Несмотря на широкое использование указанного термина определение «потребительский рынок» отсутствует не только его законодательное, но и единое понимание в экономической теории.

По мнению М.М. Хубутия потребительский рынок - это «область экономической деятельности, осуществляемой юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями и физическими лицами с целью получения коммерческой прибыли, связывающей сферу производства со сферой потребления и реализуемой посредством

торговли потребительскими товарами и предоставления потребительских услуг населению¹.

Т. А. Якимова считает, что потребительским рынком признается совокупность общественных отношений, возникающих между хозяйствующими субъектами и потребителями в момент приобретения или использования товаров и услуг для нужд, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности².

С мнениями ученых перечисленных выше можно согласиться частично. Например, Якимова Т.А. определяет потребительский рынок, что это совокупность общественных отношений, которые происходят в момент приобретения потребителем товаров и услуг для себя, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. В таком случае, мы можем с одной стороны согласиться, а с другой нет, потому, что до конца не уверены в том, что потребители свои покупки (приобретенный товар) не связывают с осуществлением предпринимательской деятельности. Однако потребитель может в одном магазине приобрести товар по одной цене (дешевой), какого-то района и продать его в другом по завышенной цене целью, чего является конечный результат – прибыль, практически осуществляя действия незаконной предпринимательской деятельности (без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя)³. Автор исходит из личного практического опыта, накопленного за годы службы на различных должностях связанных с предупреждением, выявлением, пресечением преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности. Хубутия М.М. широко определяет сферу потребительского рынка, он говорит, что это область экономической деятельности, осуществляемой юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями и физическими лицами⁴ занимающимися бизнесом.

Однако, приведенные мнения выше указанных авторов способствуют только определить с посягательством в сфере потребительского рынка, и подойти к некоторым проблемным сторонам указанной сферы, при этом с преступностью иностранных граждан на потребительском рынке и посягающих на объект общественных отношений, складывающихся в данной сфере, ни Якимова Т.А., ни Хубутия М.М. свои исследования не связывали.

Поэтому, исходя из этого, с учетом мнений ученых определяющих термин потребительский рынок, у нас появилось свое представление, что такое «потребительский рынок».

На наш взгляд, потребительский рынок представляет собой качественно новое экономико-правовое регулирование со своей индивидуальной административно-хозяйственной структурой, который следует определять, как совокупность взаимосвя-

¹Хубутия М.М. Предупреждение экономических преступлений на потребительском рынке. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М.: 2002. С. 17.

²Якимова Т.А. Криминологическая характеристика преступлений в сфере потребительского рынка. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург. 2005. С. 8.

³Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 02.06.2016) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2016) <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=191661> / Дата обращения 24.07.2016 год.

⁴Хубутия М. М. Предупреждение экономических преступлений на потребительском рынке. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М.: 2002. С. 17.

занных общественных отношений, честной конкуренции с производством, продажей товаров, договорными связями независимо от гражданства субъектов и возникающими рыночными отношениями на всех уровнях (государственном, негосударственном, производственном, продавцом и покупателем и т.д.). Посредством «купли-продажи», выполнением работ или оказанием услуг потребителю, преследуя цель возмездной основы и конечного результата – прибыли. В том числе, криминализированной структурой поражающей сферу экономического развития и ее элементов, посредством чего выстраивается целостность механизма построения системной структуры, преступности иностранных граждан потребительского рынка».

Либеральный переход России, на новый для страны уровень жизни, упростил порядок въезда и выезда, в том числе большего потока миграции иностранных граждан на территорию Российской Федерации, а также ее регионы ДФО. Прибывшие мигранты-нелегалы как правило, занимаются незаконным бизнесом, связанного с объектами потребительского рынка, вокруг которого складываются криминальные, общественные отношения¹. Под разным взглядом из-за их маятниковой миграции и неопределенности, (что им надо) еще называют экономическими мигрантами, т.е. это те лица, которые покидают свою страну только по экономическим причинам в целях поиска материального улучшения своей жизни².

На современном этапе состояние преступности (ее современной оснащенностью и поддержкой международными организациями) требует большего внимания и вызывает обеспокоенность за будущее России, и экономическую безопасность. В силу этого необходимо консолидировать усилия правоохранительной системы на активизацию работы, направленной на подрыв экономических основ преступности иностранных граждан, выявление коррупционных связей нелегальных мигрантов во властных структурах, фактов сращивания с криминалом³, на территории Дальнего Востока. Потому, что основная часть доходов от незаконной деятельности не только используется для расширения экономической базы преступных формирований внутри страны, но и легализуется за рубежом, чтобы вернуться в оборот под видом «законных» денежных средств⁴.

Такое обстоятельство повлекло за собой ежегодное увеличение преступлений, совершаемыми иностранными гражданами на 10-15%⁵ в сфере экономической направленности, куда входит сектор потребительского рынка.

По данным ГИАЦ МВД России уровень преступности и совершаемых преступлений иностранными гражданами на территории Дальнего Востока в сфере потреби-

¹ Шишкин Р.В. Особенности миграционных процессов и их влияние на состояние преступности в Дальневосточном федеральном округе. Труды Академии управления МВД России. М.: 2012. С. 93.

² Преступность и правонарушения (2008-2012). Статистический сборник. МВД РФ, Судебный департамент при Верховном суде РФ, Департамент надзорной деятельности Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. М., 2013. С. 16-17.

³ Памятка о правовом положении лиц, ищущих убежище на территории Российской Федерации. Беженцы и экономические мигранты: в чем различия? Ростов-на-Дону.: 2003. С. 9.

⁴ Майдыков А. Ф. Проблемы сотрудничества ОВД МВД России и правоохранительных структур Европейских стран в сфере борьбы с преступностью. Академия управления МВД России. М.: 2000. С. 7.

⁵ Иностранная преступность в РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://govorimvsem.ru/viewtopic.php?t=21038> / Дата обращения 11.10.2015 г.

тельского рынка за период 2005-2015 гг. составила в среднем около 7 % от общего числа совершаемых преступлений на территории России указанной категорией граждан. Высокий уровень преступности иностранных граждан пришелся на период 2008-2012 годов. Основная часть преступлений иностранцами совершалась в больших регионах Дальнего Востока (например, Приморском, Хабаровском краях, Еврейской автономной области, Магаданской, Сахалинской и Амурской областях)¹.

На современном этапе тенденция преступности иностранных граждан в сфере потребительского рынка показывает, что на территории России и регионах Дальнего Востока меняется в сторону снижения.

В 2010 году иностранными гражданами на потребительском рынке по России совершено – 48.974 преступлений в указанной сфере, а через год (2011) количество совершенных деяний иностранцами уменьшилось и составило – 35.308 преступлений. Далее, в 2012 году количество совершаемых ими преступлений на потребительском рынке снизилось до – 30.066 преступлений. Еще меньше было совершено в 2013 году количество совершаемых преступлений иностранными гражданами в сфере рынка составило – 23.932. Спустя год в 2014, тенденция коренным образом изменилась, и динамика преступлений совершаемыми иностранцами на потребительском рынке снизилась до -50,5 % и составила – 11.908.

В регионах Дальнего Востока в период с 2005-2015 годы шло явное увеличение совершаемых преступлений иностранными гражданами. Сравнительный анализ преступлений, совершаемых данной категорией граждан на территории российского Дальнего Востока отражает положение криминализации сферы потребительского рынка исследуемого периода.

Период 2015 года заставляет задуматься над тем, что возможно возобновление новых тенденций роста преступности иностранных граждан, в целом по России, которая неравнозначна ее динамика склоняется в сторону увеличения, то есть больше, чем в 2014 году и составила – 11.199. удельный вес -5,9 %². Кроме того, нам стало известно, что преступления, совершаемые иностранными гражданами на территории ДФО связаны с потребительским рынком, и имеют разнообразную характеристику. В. В. Синченко считает, что основной вид преступлений, совершаемых иностранными гражданами на территории восточной части России – это «изготовление поддельных документов (25% в общей структуре преступности иностранцев и др.) основное количество преступлений совершается гражданами Таджикистана (30%), Армении (15%) и Китая (12,5%)»³.

Таким образом, иностранные преступники «специализируются» в основном на подделке документов и других преступлениях связанных с объектами потребительского рынка и складывающихся на нем общественных отношений. Поэтому, на наш взгляд, наиболее общественно опасными, остаются преступления, содержащие в себе

¹ Памятка о правовом положении лиц, ищущих убежище на территории Российской Федерации. Беженцы и экономические мигранты: в чем различия? Ростов-на-Дону.: 2003. С. 9.

² Официальный сайт МВД России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mvd.ru/folder/101762/> / Дата обращения 20.05.2016.

³ Синченко В. В. О правонарушениях совершаемых иностранными гражданами в Восточной Сибири и Забайкалье в начале XXI века / сб. Вопросы сотрудничества государств Азиатско-Тихоокеанского региона по противодействию преступности. Хабаровск, 2006. С. 60-61.

следующие признаки: продажу товаров и оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности (продажу спирта, не прохождения медосмотра при коммерческой перевозке пассажиров общественного транспорта и др. ст. 238 УК РФ), что может повлечь за собой тяжкие последствия, а также подделку документов (медицинских книжек, миграционных карт и др. ст. 327 УК РФ).

В заключении можно сделать следующие выводы, которые показали, что анализ проведенного исследования говорит о том, что результаты исследования вывели нас на определенный круг совершаемых преступлений на потребительском рынке в Дальневосточном регионе иностранными гражданами. И чаще всего они совершали преступления связанные с подделкой документов на потребительском рынке данного региона. Это говорит о некоторых пробелах уголовного законодательства, что необходимо восполнять нормами запрещающими на объектах потребительского рынка проявлению подобных фактов противоправного поведения, в том числе иностранными гражданами.

Жукова Наталья Алексеевна,
к.ю.н., доцент, заведующая кафедрой судебной экспертизы
и криминалистики Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

ВЛИЯНИЕ РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ИНСТИТУТ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Вопрос о том, являются ли постановления Конституционного Суда РФ источниками права - дискуссионный. По Конституции, названному суду не предоставлено право издавать какие-либо нормативные акты; одинаково обязательные для органов государственной власти и управления, общественных организаций, должностных лиц и граждан. Исключительная прерогатива принадлежит Федеральному Собранию РФ как конституционному органу законодательной и представительной власти (ст. 105 Конституции). Вместе с тем, принимаемые Конституционным Судом РФ постановления по отдельным процессуальным вопросам в ряде случаев кардинально меняют сущность и содержание норм и институтов уголовно-процессуального права и, по сути, создают новые нормы в уголовном процессе. Ряд ученых считают, что в настоящее время именно Конституционный Суд РФ «творит» новое право, в том числе и в области уголовного судопроизводства. При этом наблюдаются как положительные, так и негативные аспекты такого порядка.

Так, оценивая акты высшего органа конституционного правосудия, можно отметить, что именно в результате деятельности Конституционного Суда РФ за последние годы во многом удалось ограничить административное вмешательство в сфере уголовного судопроизводства, обеспечить реальную судебную защиту конституционных прав граждан. Безусловно, продуктивными, в этом направлении надо признать решения, связанные с возможностью судебной проверки решений органа предварительного расследования и прокурора о прекращении уголовного дела или об отказе в его возбуждении, поскольку именно посредством подобных решений граждане не-

редко необоснованно и в угоду ведомственным интересам ограничивались в своем конституционном праве на доступ к правосудию, признавались виновными в совершении преступлений вне судебной процедуры и приговора.

В соответствии с положениями Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» решения КС РФ:

- обязательны на всей территории Российской Федерации для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений (ст. 6);

- выражают соответствующую Конституции правовую позицию судей, свободную от политических пристрастий (часть 3 статьи 29);

- могут иметь различное наименование, в зависимости от их предназначения, значимости и процедуры принятия.

Наиболее важные – итоговые решения. Главной отличительной особенностью решений КС РФ является то, что они окончательны, не подлежат обжалованию и вступают в силу немедленно после провозглашения, действуют непосредственно и не требуют подтверждения другими органами и должностными лицами. Юридическая сила постановления КС РФ о признании какого-либо правового акта или нормы закона неконституционным не может быть преодолена никаким повторным решением. Правовые акты или их отдельные положения, признанные не конституционными, утрачивают силу. Решения судов и иных органов, основанные на актах, признанных неконституционными, не подлежат исполнению и должны быть пересмотрены в установленных законом случаях. В случае, если признание нормативного акта неконституционным создало пробел в правовом регулировании, непосредственно применяется Конституция Российской Федерации (статья 79).

Таким образом, становится очевидным исключительность и особое значение решений КС РФ для правового регулирования в уголовном судопроизводстве.

В связи с выяснением значения решений КС РФ в юридической литературе неоднократно поднимался вопрос об их правовой природе. В частности о том, можно ли решения КС РФ, связанные с толкованием положений Конституции применительно к содержанию и действию соответствующих нормативных актов считать источниками права. Одни ученые признают за решениями КС РФ значение источников права, в виде прецедентов¹, другие такое значение отрицают².

Если исходить из возможности признания решений КС РФ в качестве прецедентов, то следует рассматривать не собственно выводы по результатам рассмотрения конкретного дела, обычно отражающиеся в резолютивной части судебного решения, а правовые позиции, излагаемые, в описательно-мотивировочной части постановления или определения. Именно правовые позиции, по мнению одного из бывших членов КС РФ Б.С. Эбзеева, обладают характером правовых прецедентов. При этом, как специально разъяснил КС РФ в своем постановлении № 88-0 еще 7 октября 1997 г., «правовые позиции, содержащие толкование конституционных норм либо выявляющие

¹ Овсепян Ж.И. Конституционное судебно-исполнительное право: у истоков отрасли права, науки, учебной дисциплины. // Правоведение. 1999. № 2. С. 25.

² Божьев В. Научно-практический комментарий к ст. 1 УПК РФ // Уголовное право. 2002. № 1. С. 70.

конституционный смысл закона, на которых основаны выводы Конституционного Суда Российской Федерации в резолютивной части его решений, обязательны для всех государственных органов и должностных лиц».

Подтверждением возможности признания решений КС РФ в качестве прецедентов является тот факт, что КС РФ в своих последующих решениях нередко ссылается на ранее принятые им же решения, что характерно для прецедентного права.

Тем не менее, пока ученые спорят по поводу правовой природы решений КС РФ, они в указанном значении давно реально используются в современном правоприменении. Как отмечают специалисты в области конституционного права, суды на практике применяют правовые позиции КС РФ как норму права, толкуя расширительно или ограничительно, распространяют их на ситуации, ставшие предметом судебного рассмотрения¹. То же самое можно сказать и о прокурорах, следователях, дознавателях, которые зачастую при принятии процессуального решения опираются на соответствующие решения КС РФ.

Есть еще один довольно специфический аспект деятельности КС РФ, играющий весьма существенную роль в современном уголовном судопроизводстве – способность КС РФ влиять на его порядок путем оценки уголовно-процессуальных процедур с точки зрения их соответствия Конституции РФ в свете существующих на данный момент новаций в обществе и государстве в целом, выдвигания иных, чем ранее, приоритетов. Председатель Конституционного Суда В.Д. Зорькин признает, что «Конституционный Суд как хранитель Конституции, конечно, интерпретирует дух Конституции применительно ко времени. Это позволяет ему менять свои правовые позиции»². В своих решениях относительно производства по уголовным делам КС РФ проводит в сферу российского уголовного судопроизводства дух и букву Европейской конвенции, нередко ссылаясь на решения Европейского суда, чем способствует усилению гарантий прав и свобод участников уголовного процесса и иных лиц, а также формированию европейских стандартов судопроизводства.

Решения КС РФ повлекли за собой внесение в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации уже довольно значительного количества изменений и дополнений.

К сожалению, решения КС РФ в сфере уголовного судопроизводства, констатирующие несоответствие Конституции тех или иных статей уголовно-процессуального закона, имеют не только положительный, но и отрицательный эффект. Неустойчивость ведущих положений уголовного процесса дезориентирует правоприменителей, снижает уровень их доверия и уважения к существующему уголовно-процессуальному регулированию, не способствует формированию надлежащего правосознания дознавателей, следователей, прокуроров, судей. Проблема усугубляется тем, что законодатель нередко не спешит откликаться на решения Конституционного Суда. В то время как изложенные в решениях Суда правовые позиции не позволяют найти выход из ситуации, создавшейся в связи с признанием той или иной уголовно-процессуальной нормы неконституционной, без ликвидации образовавшегося

¹ Кряжков В. А., Кряжкова О. Н. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации в его интерпретации. // Государство и право. 2005. № 11. С. 17.

² Сытник А. Десять лет без права на изменения. // Рос. газета. 2004. 10 апреля. С. 3.

пробела в правовом регулировании путем внесения необходимых изменений и дополнений в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

Так. Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июля 2011 г. № 16-П по делу о проверке конституционности положений пункта 4 части 1 статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Вашенко, суд постановил «признать взаимосвязанные положения пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 УПК Российской Федерации, закрепляющие в качестве основания прекращения уголовного дела смерть подозреваемого (обвиняемого), за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего, не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 21 (часть 1), 23 (часть 1), 46 (части 1 и 2) и 49, в той мере, в какой эти положения в системе действующего правового регулирования позволяют прекратить уголовное дело в связи со смертью подозреваемого (обвиняемого) без согласия его близких родственников. При этом, пункт 1 статьи 254 УПК, взаимосвязан с рассматриваемым основанием для прекращения уголовного дела, поскольку предусматривает прекращение уголовного дела судом в судебном заседании в случае, если обстоятельство, указанное в пункте 4 части первой статьи 24 УПК, будет установлено во время судебного разбирательства»

Данное решение Суда окончательно, не подлежит обжалованию, вступило в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами. Однако, соответствующие изменения в УПК, закрепляющие, например, процедурные вопросы соблюдения решения Суда, до настоящего времени в УПК не внесены, что, несомненно, вызывает определенные трудности при решении частных случаев. Когда, например, местонахождение близких родственников не установлено, либо их участие в досудебном разбирательстве затруднено по различным причинам.

Следует отметить, что КС РФ часто признает действующие нормы уголовно-процессуального законодательства соответствующими Конституции.

Так, статья 213 «Постановление о прекращении уголовного дела и уголовного преследования» предусматривает, что «уголовное дело прекращается по постановлению следователя, копия которого направляется прокурору». Кроме того, определяет перечень обязательных сведений, которые должны быть отражены в постановлении.

Часть 4 указанной статьи, предусматривает, что следователь вручает либо направляет копию постановления о прекращении уголовного дела лицу, в отношении которого прекращено уголовное преследование, потерпевшему, гражданскому истцу и гражданскому ответчику. При этом потерпевшему, гражданскому истцу разъясняется право предъявить иск в порядке гражданского судопроизводства, если уголовное дело прекращается по основаниям, предусмотренным пунктами 2 - 6 части 1 статьи 24, статьей 25, пунктами 2- 6 части 1 статьи 27 и статьей 28 Кодекса.

Определением Суда от 18 января 2005 г. №11-О установлено, что часть 4 статьи 213 в ее конституционно-правовом истолковании, вытекающем из сохраняющего свою силу Постановления Конституционного Суда РФ от 24 апреля 2003 г. №7-П, не лишает лиц, потерпевших от преступлений, права отстаивать в суде свою позицию

относительно наличия оснований для применения амнистии и требовать компенсации причиненного ущерба в случае прекращения уголовного дела вследствие применения амнистии на стадии предварительного расследования.

Далее, положение части 1 статьи 214 Кодекса подлежит применению в соответствии с конституционно-правовым смыслом, выявленным в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 25 марта 2004 г. №157-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кириченко Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 214 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

В жалобе гражданин В.В. Кириченко оспаривает конституционность части первой статьи 214 Кодекса, согласно которой прокурор, признав постановление следователя о прекращении уголовного дела или уголовного преследования незаконным или необоснованным, отменяет его и возобновляет производство по уголовному делу. По мнению заявителя, данная норма допускает возможность многократного возобновления прекращенного уголовного дела, чем нарушает его право, гарантированное статьей 19 (часть 1) Конституции Российской Федерации. Конституционный Суд Российской Федерации, изучив представленные В.В. Кириченко материалы, не нашел оснований для принятия его жалобы к рассмотрению.

Так, Суд признал, что сама по себе возможность отмены незаконного и необоснованного постановления о прекращении уголовного дела и возобновления производства по делу вытекает из предписаний Конституции Российской Федерации, обязывающих органы государственной власти, должностных лиц и граждан соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы (статья 15, часть 2), гарантирующих государственную защиту прав и свобод человека и гражданина (статья 45, часть 1) и возлагающих на государство обязанность обеспечивать потерпевшим от преступлений доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (статья 52). Вместе с тем Суд указал, что при решении вопросов, связанных с возобновлением прекращенных уголовных дел, надлежит исходить из необходимости обеспечения и защиты как интересов правосудия, прав и свобод потерпевших от преступлений, так и прав и законных интересов лиц, привлекаемых к уголовной ответственности и считающихся невиновными до тех пор, пока их виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (часть 1 статьи 49 Конституции Российской Федерации).

В связи с этим недопустимо произвольное возобновление прекращенного уголовного дела, в том числе многократное его возобновление по одному и тому же основанию (в частности, по причине неполноты проведенного расследования), создающее для лица, в отношении которого дело было прекращено, постоянную угрозу уголовного преследования, и тем самым – ограничение его прав и свобод. Гарантией защиты прав и свобод – в силу правовых позиций, изложенных Судом, является право на судебное обжалование постановления прокурора об отмене постановления о прекращении уголовного дела и о возобновлении производства по делу. Таким образом, Суд определил, что сама по себе оспариваемая В.В. Кириченко часть 1 статьи 214 Кодекса не нарушает конституционные права и свободы.

В качестве общей причины, вызывающей необходимость принятия решений

Конституционного Суда РФ, выступают недостатки правоприменительной деятельности, оказывающие существенное влияние на законность и обоснованность принимаемых в уголовном процессе решений, что сказывается на гарантиях соблюдения прав личности и правосудия в уголовном судопроизводстве. Решения Конституционного Суда РФ по вопросам применения уголовно-процессуального законодательства институте прекращения уголовного дела направлены на разъяснение смысла и содержания закона, на то, чтобы обратить внимание на необходимость неукоснительного его исполнения, указать на некоторые моменты организационного порядка, способствующие правильному регулированию уголовно-процессуальных правоотношений в данной сфере.

Тищенко Юрий Юрьевич,
к.ю.н., начальник отдела НИЦ-3 ФКУ
Научно-исследовательский институт ФСИН России
Семенов Валентин Владимирович,
научный сотрудник НИЦ-3 ФКУ
Научно-исследовательский институт ФСИН России
(Москва, Россия)

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Исполнительная власть, осуществляя непосредственная государственное управление во всех сферах жизнедеятельности общества, реализует значительный объем мер по формированию правопорядка и, очевидно, наибольший – по его охране и защите¹. Деятельность по обеспечению правопорядка достаточно сложна и многоаспектна. Правопорядок как система действий и бездействий каждого человека имеет не только юридический, но, главным образом, фактический характер. Ощущение полной своей безопасности есть конечный результат достижения высокого уровня правопорядка. Следствие ведение активной политики по борьбе с преступностью является достижения желаемого результата. Основным способом достижения данной цели является четкое функционирование грамотной уголовной политики в стране.

Несмотря на то, что правопорядок обеспечивается лишь правоохранительными органами, мы приходим к выводу о том, что этого более чем недостаточно. Правопорядок – это юрисдикция всей государственной системы, а в частности всех трех ветвей власти, которые функционируют на основе Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ). В результате того, что судебная и законодательная ветви власти являются субъектами правового предупреждения, в данном исследовании будет анализироваться исполнительская ветвь власти как основной субъект государственного предупреждения правонарушений.

Во-первых, исполнительная власть реализует наибольший объем правоприменительных полномочий, отражающих законодательно зафиксированные интересы государ-

¹Хесина Н.М. Административно-правовое обеспечение механизма формирования и функционирования режима законности и правопорядка в Российской Федерации. дис...канд. юрид. наук. 12.00.14 // Наталья Михайловна Хесина. М., 2005. С. 93.

ства в сфере правопорядка. В силу этого исполнительная власть всегда рассматривалась в полиции и административном праве именно как правоохранительная.

Во-вторых, исполнительные органы, являясь участниками законопроектной деятельности и субъектами правотворчества, активно формируют правопорядок, формы и методы его обеспечения соответствующими структурами государственной администрации практически во всех сферах жизнедеятельности общества.

В-третьих, в систему исполнительной власти входят государственные органы, создающие организационно-правовые предпосылки правопорядка, осуществляя контроль и надзор за законностью в подведомственных им сферах и отраслях государственной деятельности.

В-четвертых, органы исполнительной власти наделены действующим законодательством исключительно широкими полномочиями в сфере административной юрисдикции, рассмотрения дел об административных правонарушениях.

В-пятых, именно в систему исполнительной власти входит большинство государственных структур, для которых правоохранительная деятельность является не факультативной, а основной – так называемые «правоохранительные органы»¹. Как справедливо выразился В. Иозефи: «Какие бы виды конкретной (исполнительной) деятельности государства мы ни брали, каждый раз эта деятельность всецело исчерпывается правовой охраной... Содержание всякой исполнительной власти – правовая охрана, а всякая исполнительная власть – правоохранительная»².

Вследствие тех объективных обстоятельств, которые способствовали увеличению преступности в Российской Федерации, мы можем констатировать тот факт, что правопорядок на данном этапе осуществляется лишь правоохранительными органами.

Единоличное со стороны правоохранительных органов обеспечение правопорядка привело к тому, что их деятельность постоянно находится под прессингом в результате получаемой критики от гражданского общества и средств массовой информации. В результате такого давления, психологической и физической сложности работы, не высокой заработной платы сотрудников правоохранительных органов создаются основные сложности при осуществлении своей деятельности, которые находят свои отражения в страхе перед увольнением за полученные замечания от СМИ и граждан, в нежелании полностью отдавать себя работе, в профессиональных ошибках и, наконец, в преступных действиях. Возникновение таких, неблагоприятных условий предопределяет и провоцирует создание целой системы непреодолимых проблем в процессе борьбы с преступностью.

Несмотря на это правоохранительные органы служат закону, обществу и людям добросовестно. Успешное предупреждение правонарушений, после которого лицо отказалось от противоправных намерений, – гораздо менее затратное как физическо-психологически, так и материально действие.

Большую роль в сфере предупреждения преступлений играют оперативные подразделения. Их деятельность осуществляется посредством оперативно-разыскных мероприятий, правом на проведение которых наделены лишь субъекты оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД), в соответствии с федеральным законодательством. Кроме проче-

¹Хесина Н.М. Указ.соч. С. 124.

²Иозефи В. Опыт юридической науки полицейского права. Основные понятия. Материальное полицейское право. Могилев-Подл., 1902. Ч. 1. С. 23,31.

го, в ст. 2 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» определена следующая задача: «Выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших». Данная задача дает возможность оперативным подразделениям осуществлять ОРД для предупреждения преступлений. В свою очередь, ст. 84 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации разрешает проводить ОРД в случаях нарушения установленного порядка отбывания наказания исправительных учреждениях.

Соответственно, обобщая проанализированный материал, хочется заметить, что предупреждением именно преступлений и административных правонарушений должны заниматься те органы государственной власти, которые законом уполномочены на расследование и раскрытие их.

Предупреждение иных правонарушений.

В результате того, что предупреждение может рассматриваться не только как активное действие, но и как пассивное, ведь органы государственной власти являются не только контролирующим звеном в общественных отношениях, но и также могут выступать в них субъектами. В результате этого, соблюдение принципа законности с их стороны, как обязательный признак их деятельности, присутствует в этих отношениях.

Организация закрепления, распространения и внедрения положительного опыта.

Положительный опыт очень важен для любой системы общественных отношений. Случаи успешного решения какой-либо проблемы выводит на новый уровень реализацию прав человека в частности и всего правопорядка в целом. Целью применения положительного опыта является реальная помощь практическим работникам в осуществлении ими государственных функций, в конечном счете для реализации, развития и получения положительных результатов, направленных на обеспечение правопорядка в стране. Основным же критерием эффективности внедрения положительного опыта в государственных органах является повышение итоговых результатов в сфере правопорядка не только в их деятельности, но и во всех общественных отношениях.

Организация закрепления положительного опыта.

Процесс организации закрепления положительного опыта из всех существующих процессов в данной сфере самый сложный по своей структуре, т.к. связан с такими процессами как наблюдение, поиск, систематизация, фиксации и передачи распространяющему подразделению.

Руководители подразделения государственных органов должны следить за тем, что при разработке полезных и положительных методик конкретных мероприятий, нахождения правовых непониманий (противоречий) или предложения положительной инициативы была проведена осуществлена фиксация конкретного предложения и направлена в подразделения, осуществляющему систематизацию таких предложений и при удовлетворительном результате организовать его последующую передачу другим территориальным органам.

Распространение положительного опыта подразумевает действия по передаче сведений о наиболее значимых мерах, позволивших повысить эффективность деятельности государственных органов и связанных с ними конкретных фактах такой деятельности в иные органы и подразделения. Так, например, положительный опыт может распростра-

няться через средства массовой информации, различные научно-практические конференции или периодические издания.

Во многих как в правоохранительных органах, так и в других государственных органах существуют свои периодические издания, в которых публикуют передовой опыт в различных отраслях деятельности. Имеются ввиду именно те периодические журналы, где систематизируются не все научные работы по специальности, а именно положительный опыт государственных органов в процессе осуществления своей деятельности. Подобные журналы существуют в МВД, ФСИН, МЧС и в других структурах государственных органов.

Внедрение положительного опыта.

Внедрение как процесс сложный по системе действий, так как совмещает в себе не только получение полезно значимой информации, но и введение ее в практическую деятельность таким образом, чтобы появился результат, который улучшит деятельность практических работников.

Так, официальный сайт МВД опубликовал материал по выявлению, внедрению и распространению положительного опыта в деятельность органов и подразделений внутренних дел: «В целом, применение научной продукции способствовало раскрытию 1398 преступлений (в т.ч. по ст. 228 УК РФ «незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов» - 234; ст. 158 «кража» - 424; ст. 256 «незаконная добыча водных животных и растений» - 35; ст. 119 УК РФ «угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью» - 128; ст. 222 «незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, боеприпасов, ВВ и ВУ» - 37; ст. 159 «мошенничество» - 85; ст. 161 «грабеж» - 38). выявлению 49152 административных правонарушений»¹.

Со стороны руководящих должностей должен проводится контроль с последующей отчетности о внедрения положительного опыта или невозможности такового, т.к. весь процесс закрепления, распространения и внедрения положительного опыта очень важен для всего механизма российского государства.

Подводя итоги вышесказанного, хотелось бы сделать следующий вывод, а именно раз правоохранительные органы занимают главенствующее место в системе борьбы с преступностью и в частности предупреждения правонарушений, в этой связи их деятельность должна быть направлена не только на ситуационное предупреждение, но и на создание условий, непосредственное предупреждение правонарушений и организация закрепления, распространения и внедрения положительного опыта.

¹О выявлении, внедрении и распространении новых форм и методов работы, передового и положительного опыта в деятельности органов и подразделений внутренних дел Краснодарского края в 2012 году // Материал с официального сайта МВД / 15.02.2013. URL: https://23.mvd.ru/best_practices/item/845111/.

Иваненко Ярослав Игоревич
 ассистент кафедры уголовного права и процесса
 Юридического института НИУ «БелГУ»
 (Белгород, Россия)

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Еще знаменитым итальянским просветителем, стоящим у истоков современного уголовного права и криминологии, Чезаре Беккариа был сделан вывод, о том, что лучше предупреждать преступления, чем наказывать¹. Особую актуальность данное утверждение приобретает применительно к массовым беспорядкам исходя из высокой степени их общественной опасности и множественности негативных последствий. Для эффективного предупреждения преступности необходимо определить ее детерминанты, на которые должно быть направлено предупредительное воздействие. Следует отметить, что совершение массовых беспорядков является результатом социальной напряженности на определенной территории. В одних случаях напряженность может возникать между представителями различных конфессий, национальностей, политических групп и т.д. В других случаях наличие социальной напряженности обусловлено агрессивным поведением представителей различных субкультур (например, футбольных фанатов, членов экстремистских организаций, лиц осужденных к лишению свободы).

Что же касается непосредственных детерминант массовых беспорядков, совершаемых в новейшей истории России, то таковыми являются:

- 1) неразрешенные социально-экономические вопросы в масштабах определенной территории;
- 2) игнорирование органами государственной власти и органами местного самоуправления интересов населения;
- 3) недостатки в осуществлении молодежной политики государства;
- 4) существование различных организаций деятельности, которых является экстремистской.

Следует отметить, что массовые беспорядки в местах лишения свободы являются специфическим видом рассматриваемого преступления, возникающего на почве:

- 1) недовольства лиц осужденных к лишению свободы действиями администрации исправительного учреждения, стремления данной категории лиц навязать свои условия администрации;
- 2) крупных недостатков администрации исправительных учреждений в деятельности по соблюдению режима на территории исправительных учреждений, осуществлению оперативно-розыскной деятельности.

Что касается мер предупреждения и профилактики массовых беспорядков, которые мы можем предложить с учетом рассмотрения конкретных фактов их проявления, а так же лежащих в их основе детерминант, то таковыми являются:

- 1) опросы населения о личном социально-экономическом благополучии;
- 2) принятие органами местного самоуправления оперативных мер по разрешению имеющихся проблем;

¹ Беккариа Чезаре. О преступлениях и наказаниях. М., 2010. С. 151.

3) попытки разрешить накаляющуюся ситуацию путем мирного диалога;

4) надлежащая организация проведения массовых мероприятий.

Предупредить возникновение массовых беспорядков в местах лишения свободы можно:

1) путем всемерного соблюдения прав и свобод заключенных;

2) исполнения требования уголовно-исполнительного законодательства;

3) оперативного реагирования со стороны администрации исправительного учреждения и специализированной прокуратуры на имеющиеся нарушения закона.

По нашему мнению применение данных мер уполномоченными субъектами может способствовать профилактике и предупреждению рассматриваемых преступлений и как следствие поможет избежать человеческих жертв, имущественного ущерба, дестабилизации обстановки в обществе.

В заключении отметим, что хотя количество массовых беспорядков совершаемых в России на сегодняшний день невелико, причины по которым они могут возникнуть существуют и до их полного разрешения в некоторых случаях еще достаточно далеко.

Батова Ольга Владимировна,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса
Юридического института НИУ «БелГУ»
Москаленко Станислав Александрович,
к.ю.н., преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин
Белгородского юридического института
Министерства внутренних дел России имени И.Д. Путилина
(Белгород, Россия)

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННЫХ КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИИ: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

Исторический аспект правового регулирования осуществления иностранными коммерческими организациями деятельности на территории России был рассмотрен лишь немногими современными авторами, и такие исследования посвящены развитию правового регулирования, или иностранных инвестиций, или предпринимательской деятельности иностранных субъектов в целом. При этом следует различать деятельность иностранных инвесторов, которыми на этапах зарождения инвестиционного права выступали в основном отдельные иностранные граждане в силу отдельных соглашений с иностранными государствами¹, предпринимательскую деятельность иностранных субъектов и коммерческую деятельность иностранных организаций на территории Российского государства, неизменно сопряженную с использованием находящегося на территории России имущества, участием в капитале совместных предприятий или формированием обособленных подразделений.

С.А. Смирнов указывает на то, что с начала 60-х гг. XIX в. в России вообще отсутствовали какие-либо нормативные правовые акты, регулирующие деятельность

¹ Курьес Н.В. Правовое регулирование иностранного инвестирования в промышленность России: историко-правовой аспект: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Старополь, 2000.

иностранных компаний, и расценивает это как запрет на ведение предпринимательской деятельности иностранными юридическими лицами на территории Российской империи¹.

В дореформенные десятилетия XIX в. правовое регулирование предпринимательской деятельности иностранных лиц характеризовалось общей ограничительной политикой в отношении иностранных подданных со стороны царского правительства, осуществляемой главным образом по политическим мотивам с целью предотвращения угрозы распространения революционных настроений из Европы². Однако с начала 60-х гг. XIX в. правовое положение иностранных субъектов, осуществляющих предпринимательскую деятельность, отличалось от российских лишь некоторыми ограничениями в сфере землевладения и реализации отдельных видов промыслов.

Е.Е. Кабалкина отмечает, ссылаясь на Закон 1863 г., что порядок учреждения акционерных обществ носил разрешительный характер и затрагивал не только российские, но и иностранные организации³.

В период с начала 1870-х и до конца 1880-х гг. происходило формирование комплекса правовых норм, регламентирующих порядок деятельности иностранных акционерных обществ в России. Эти условия, помимо обязательного получения разрешения русского правительства на ведение деятельности, а также на внесение изменений и дополнений в учредительные документы, устанавливали обязанность иностранного общества вносить залог в Государственный банк в качестве гарантии обеспечения исполнения обязательств общества перед русскими кредиторами; вводился особый разрешительный порядок приобретения недвижимого имущества при условии определения местным губернским начальством необходимости его приобретения и целевого использования. Устанавливалась обязанность создания специального ответственного агентства для управления делами иностранного общества в России, в том числе публикации ежегодных отчетов и балансов по всем операциям общества, а также информации о рассматриваемых общим собранием акционеров вопросах. При этом русское правительство оставляло за собой право в любой момент отозвать выданное ранее разрешение на осуществление деятельности без объявления причин, а также право вводить дополнительные условия, ограничивающие, например, территориальные пределы осуществления деятельности иностранными акционерными обществами в России.

В 1890-х гг. возникла новая тенденция, для которой была характерна постепенная отмена ранее устанавливаемых ограничений в отношении горно-промышленных, а впоследствии и иных иностранных предприятий. Эта тенденция обусловлена сформировавшимся недоверием иностранных компаний к российскому правовому регулированию предпринимательской деятельности, что создало угрозу резкого сокращения доли иностранного капитала в российской экономике.

¹ Смирнов С.А. Правовое регулирование иностранного предпринимательства в России во второй половине XIX - начале XX веков: Дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2002. С. 89.

² Там же. С. 15.

³ Кабалкина Е.Е. Развитие российского законодательства об иностранных инвестициях (основные исторические этапы) // Юрист. 2005. № 5. С. 21 - 23.

По мнению С.А. Смирнова, к концу XIX в. правовое положение иностранных подданных в сфере предпринимательской деятельности в России характеризуется почти полной свободой. В отношении иностранных акционерных обществ складывается такое положение, при котором для их деятельности в Российской империи существовали более льготные условия, чем для русских акционерных компаний¹.

Тенденция дальнейшего развития правового регулирования предпринимательской деятельности иностранных акционерных обществ характеризуется ослаблением административных барьеров, а также реализацией исключительных льгот в порядке издания индивидуальных актов в отношении конкретной иностранной компании в связи с особым значением их участия в конкретной отрасли российской экономики. Вместе с тем для периода конца XIX - начала XX вв. отличительной чертой является четко выраженная позиция правительства по обеспечению обороноспособности и национальных природных ресурсов Российского государства, путем запретов на допуск иностранных компаний к территориям Дальнего Востока и осуществление ими деятельности по разведыванию и добыче природных ископаемых.

На протяжении всего советского периода регулирование деятельности иностранных организаций осуществлялось в особом порядке на основании специальных актов правительства или в силу международных договоров, предполагающих достаточно узкую сферу деятельности таких организаций и непрерывный государственный контроль.

Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. не содержал правовых норм, регулирующих деятельность иностранных коммерческих организаций. Постановление ВЦИК от 11.11.1922 «О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР», принятое на IV сессии 31.10.1922, установило, что иностранные организации могут приобретать права юридического лица лишь с особого разрешения правительства.

Новая экономическая политика оказала влияние и на правовой статус иностранных коммерческих организаций. Процесс привлечения иностранного капитала через концессии в сфере промышленности отмечается исследователями в качестве характерной черты нэпа².

По сравнению с действующими в предреволюционный период на территории Российской Империи порядка 300 иностранных коммерческих организаций, количество концессий на 01.10.1927 составило 73 и, постепенно снижаясь, к 01.10.1929 достигло 56.

В принятом в марте 1931 г. Постановлении СНК СССР «О порядке допущения иностранных фирм к производству торговых операций на территории Союза ССР» получил более полную регламентацию разрешительный порядок, введенный ранее Декретом ВЦИК 1923 г. Предусматривалось, что перечень необходимых для получения разрешения сведений устанавливается инструкцией Народного комиссариата

¹ Смирнов С.А. Указ. соч. С. 111.

² Бсриштейн И., Ладау Б., Машкевич В. Правовые условия концессионной деятельности в СССР. М.: Госориздат, 1930; Голотик С.И., Данилин А.Б., Евсеева Е.Н., Карпенко С.В. Советская Россия в 20-е гг.: НЭП, власть большевиков и общество // Новый исторический вестник. 2000. № 2. URL: http://www.nivestnik.ru/2000_2/9.shtml; Донгаров А.Г. Иностранный капитал в России и СССР. М.: Междунар. отношения, 1990.

внешней торговли, закреплялись требования к содержанию самого разрешения, утяжелялась ответственность иностранной организации и ее подразделений по обязательствам, возникшим на территории СССР, основания прекращения торговых операций. Впервые иностранным организациям было предоставлено освобождение от получения разрешения на осуществление деятельности в случае ведения исключительно переговоров и заключения отдельных сделок со всесоюзными объединениями и автономными конторами по внешней торговле при отсутствии характера постоянной торговой деятельности, то есть в отношении деятельности подразделений со статусом, аналогичным современному понятию «представительство». Несмотря на то что Постановление СНК СССР 1931 г. в качестве оснований прекращения деятельности иностранных организаций предусматривало признание такой деятельности не соответствующей интересам СССР, что фактически не изменило возможность произвольных действий со стороны исполнительных органов власти, закрепление остальных существенных положений ознаменовало новый этап в истории правового регулирования деятельности иностранных коммерческих организаций на территории Российского государства.

В результате анализа нормативных правовых актов постреволюционного и советского времени нельзя не согласиться с мнением Е.Е. Кабалкиной о том, что с конца 1920-х гг. и вплоть до 1987 г. в СССР преобладало отрицательное отношение к иностранному капиталу и, следовательно, к коммерческой деятельности иностранных организаций, хотя сам СССР выступал в качестве иностранного инвестора за рубежом.

С конца 1990 г. иностранные организации получили право создавать на территории СССР юридические лица с исключительно иностранным капиталом, таким образом, возникла новая организационно-правовая форма деятельности иностранных коммерческих организаций.

В результате проведенного исследования можно выделить следующую периодизацию становления и развития правового регулирования деятельности иностранных коммерческих организаций в России:

1) имперский период:

- первый этап (1861 - 1870 гг.) - возникновение института правового регулирования деятельности иностранных коммерческих организаций, появление первых правовых актов в форме соглашений с отдельными иностранными государствами при отсутствии соответствующих национальных правовых норм, признание права иностранных организаций осуществлять деятельность на территории Российской империи без каких-либо специальных ограничений;

- второй этап (1870 - 1890 гг.) - возрастание роли административно-правовых методов регулирования, установление разрешительного порядка и формирование комплекса условий деятельности иностранных коммерческих организаций, постепенное усиление государственного контроля деятельности иностранных организаций на отдельных территориях и в отраслях, имеющих стратегическое значение, вплоть до применения метода запретов;

мического роста. По-праву Основной закон государства широко декларирует свободу экономической деятельности и право граждан на свободу распоряжения своими способностями и возможностями. Хотя буквально в начале девяностых тех, кого мы сейчас называем малым бизнесом, обидно называли «спекулянтами» и «челноками». Впрочем, пережитки советской эпохи с указанными формулировками присутствуют и в лексиконе нынешних граждан. В действительности, предпринимательской деятельности всегда сопутствует определенный риск, т.к. это самостоятельная деятельность лица, осуществляемая на свой страх и риск, связанная с получением дохода. Физическое лицо, зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя, обязано нести ответственность, не только как предприниматель, но и как гражданин. Но не стоит забывать, что статус индивидуального предпринимателя (далее – ИП) не только предполагает занятие определенного рода деятельностью, но и ответственность за ее легальное осуществление. Понятие «ответственность» в теории права является юридической категорией и представляет собой привлечение должностного лица к определенному виду наказания за совершенные действия (бездействия) противоправного характера. В связи с этим в отношении ИП в зависимости от инкриминируемого ему деяния могут применяться такие виды ответственности как: гражданская, административная и уголовная.

Для раскрытия проблемы правоприменения обратимся к судебной практике, а именно к статистическим данным сайта Росправосудия¹, на котором имеются судебные решения по интересующим нас категориям дел, взяв временной период с 2006 по 2016 год.

Таблица №1. Количество дел с участием индивидуальных предпринимателей рассмотренных судами РФ

Инстанция \ Вид производства	Первая инстанция	Апелляция	Кассация	Надзор	Итого по виду производства
Уголовное	79	-	4	-	83
Гражданское	233	12	17	1	263
Административное	14664	5446	584	256	20951
Арбитраж	78094	507	100	-	78701
Итого по инстанции	93070	5965	705	257	99998

Наиболее «мягкой» ответственностью относительно ИП является гражданско-правовая. Осуществление предпринимательской деятельности основано на определенном рода обязательствах, вытекающих из договора или сделки. Предварительно стороны определяют взаимные обязательства по любому договору и несут друг перед другом ответственность. В случае нарушений одной из сторон обязательств по договору, если не удастся решить проблему во внесудебном порядке, приходится обращаться к судебной защите.

¹ Данные с сайта РосПравосудие. Доступ к электронному ресурсу: <https://rospravosudie.com/act-административная+ответственность+индивидуальных+предпринимателей-q/>.

Административная ответственность сопутствующая неправомерным действиям при осуществлении ИП своей деятельности гораздо серьезнее, чем гражданско-правовая. Административное законодательство, в частности КоАП РФ, содержит институт административных правонарушений в области предпринимательской деятельности и саморегулируемых организаций (глава 14). При решении вопроса о составе административного правонарушения, суд обязан, как указано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.10.2006 № 18 (ред. от 09.02.2012) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» разрешить вопрос о том, что действия лица должны содержать признаки предпринимательской деятельности. И далее в постановлении дается детализация предпринимательской деятельности. Кроме того, суду следует учитывать отдельные случаи продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг лицом, не зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя, не образуют состав данного административного правонарушения при условии, если количество товара, его ассортимент, объемы выполненных работ, оказанных услуг и другие обстоятельства не свидетельствуют о том, что данная деятельность была направлена на систематическое получение прибыли¹.

Благодаря статистическим данным с сайта РосПравосудие можно проследить динамику количества видов правонарушений в численном составе, рассмотрим лишь некоторые из них.

Таблица №2. Примеры категорий дел по административным правонарушениям в отношении индивидуальных предпринимателей

Норма права	Вид правонарушения	Количество рассмотренных дел за 2006-2016 гг.
ч.1 ст. 18.15 КоАП РФ	Незаконное привлечение к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранных граждан	1 905
ч.1 ст. 14.1 КоАП РФ	Осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации	1 679
ч.1 ст. 20.4 КоАП РФ	Нарушение требований пожарной безопасности	1 363
ч.1 ст. 19.5 КоАП РФ	Невыполнение в срок законного предписания (постановления, представления, решения)	1 290
ч.3 ст. 14.25 КоАП РФ	Нарушение законодательства о государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей	1 178
ст. 6.3 КоАП РФ	Нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения	652
ч.2 ст. 14.4 КоАП РФ	Продажа товаров, выполнение работ либо оказание населению услуг ненадлежащего качества	542
ст. 6.6 КоАП РФ	Нарушение санитарно-эпидемиологических требований к организации питания населения	487

¹Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.10.2006 № 18 (ред. от 09.02.2012) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «Консультант Плюс».

- третий этап (1890 - 1917 гг.) - ослабление административных барьеров, введение льготного порядка деятельности иностранных коммерческих организаций, аналогичного режиму наибольшего благоприятствования;

2) советский период:

- первый этап (1922 - 1930 гг.) - иностранные организации официально не признавались субъектами правоотношений на территории СССР, отсутствие системности правового регулирования, правовые нормы допускали исключительные случаи совершения торговых операций иностранными организациями на основании специальных разрешений;

- второй этап (1931 - 1988 гг.) - развитие правовой регламентации разрешительного порядка деятельности иностранных организаций, определение условий деятельности представительств как особых подразделений иностранных организаций и оснований их деятельности без получения разрешений;

3) современный период (1989 г. - по настоящее время) - правовое признание иностранных организаций в качестве субъектов правоотношений, расширение организационно-правовых форм и видов деятельности, введение института аккредитации подразделений иностранных организаций на территории России, развитие законодательства, направленного на привлечение иностранных инвестиций.

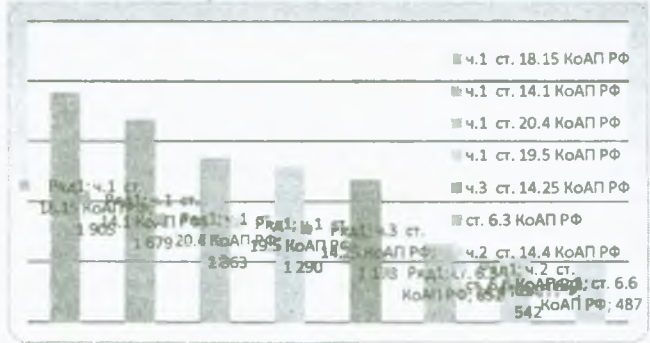
Коммерческая деятельность иностранных субъектов на протяжении всей истории Российского государства являлась особым предметом правового регулирования. Развитие правовых норм, устанавливающих правовой статус иностранных организаций, осуществляющих предпринимательскую деятельность, происходило неравномерно и с точки зрения государственного управления сопровождалось попеременным усилением или ослаблением ограничительных мер, применяемых к иностранным субъектам на территории России. Правовое положение иностранных коммерческих организаций выступало особым инструментом в достижении баланса между обеспечением государственной безопасности, защитой ее целостности, предотвращением негативного влияния иностранных государств на осуществляемую Российским государством политику и реализацией экономических интересов России, развитием отдельных отраслей российской экономики, привлечением иностранного капитала, внедрением передовых технологий в производственные процессы.

Алонцева Дина Викторовна,
к.ю.н., доцент кафедры теории и истории государства и права
Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина
(Елец, Россия)

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ ПО ВОПРОСАМ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Наша эпоха – это время свободной рыночной экономики, на которой строится вся экономическая система нашего государства. В конце прошлого столетия был взят курс на развитие малого бизнеса, который должен был стать аккумулятором эконо-

Для удобства анализа приведенных в таблице данных, рассмотрим выстроенную диаграмму
 Диаграмма № 1. Количество рассмотренных административных дел за 2006-2016 гг. в отношении конкретной нормы права.

Из приведенных данных можно сделать вывод, о том, что на территории нашего государства сложилась судебная практика по административным правонарушениям в отношении ИП, что говорит о стабильном нарушении представителями малого бизнеса административно-правовых норм, причем с различных общественных сфер, начиная от незаконного привлечения к трудовой деятельности иностранных субъектов и продолжая нарушением санитарно-эпидемиологического благополучия населения и окружающей среды.

Стоит обратить внимание и на те обстоятельства, что:

из 20951 административных дел, вынесено постановление о назначении административного наказания;

по 14959 делам, назначено административное наказание;

по 4619 категориям дел, вынесено постановление о прекращении производства по делу об административном правонарушении;

по 1 076 дел, отменено с прекращением производства;

по 308 категориям дел, остальные оставшиеся дела можно отнести к числу прочих.

Подводя итог вышеизложенному, отметим следующее. Развитие малого бизнеса на территории нашего государства постепенно набирает обороты, что хорошо проследживается исходя из анализа правоприменительной деятельности. Количество судебных дел с участием ИП возрастает, что свидетельствует о том, что субъекты предпринимательства при осуществлении своей деятельности с одной стороны не всегда следуют букве закона, а с другой отстаивают свое нарушенное право, прибегая к системе российского правосудия.

Воткин Владимир Александрович,
аспирант кафедры судебной экспертизы и криминалистики
Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

О НАУЧНЫХ ПРЕДПОСЫЛКАХ ФОРМИРОВАНИЯ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ С УЧЁТОМ ОСОБЕННОСТЕЙ ИХ СОВЕРШЕНИЯ В СУБЪЕКТАХ ФЕДЕРАЦИИ

Возникновение и разработка методики расследования преступлений в современных условиях требуют создания и обоснования нового структурного построения частных криминалистических методик. Вопросы о дальнейшем совершенствовании системы научных положений этого раздела криминалистики необходимо разрешать комплексно. Прежде всего, комплексный подход включает в себя разработку частных методик расследования исходя не только из положений общей теории криминалистики, криминалистической техники и криминалистической тактики, но также исходя из взаимосвязанных основ иных отраслей права. Наука криминалистика призвана разрешить дискуссионные теоретические вопросы с тем, чтобы способствовать повышению эффективности раскрытия и расследования преступлений, для чего наиболее предпочтительны индивидуальные методики, формирующиеся именно на частных. Криминалистическая методика расследования преступлений, говоря простым языком, представляет собой научно-практические рекомендации о том, что и как, в какой последовательности, должен делать следователь при расследовании каждого конкретного преступления. Некоторые учёные-криминалисты, в частности, О.С. Кучин (автор одной из частных криминалистических методик), предлагают разрабатывать алгоритмы расследования, или юридические (криминалистические технологии). Представляется, что такие предложения получают дальнейшее развитие и криминалистические технологии, с учётом современных условий, будут трансформированы.

Возвращаясь собственно к проблеме создания методики расследования, хотелось бы обратиться к таким авторам, как А.Ю. Головин и Н.П. Яблоков, которые пришли к выводу о том, что «методикой разрабатывается стратегия всей криминалистической деятельности по расследованию преступлений»¹. Причиной этого является то, что уменьшение количества категорий исследуемых предметов позволяет выявить большее количество взаимосвязей и детерминант, окружающих их, определить более конкретно взаимное влияние предмета на окружающую среду и наоборот. Максимально подробное выявление существенных связей дает исследователю знание о закономерностях детерминации, взаимоопосредованности, обусловленности протекания изучаемых процессов ограниченной группы общественно опасных деяний и позволяет смоделировать целостную картину общности изучаемых объектов.

В науке неоднократно утверждалось, что «содержание конкретных частных криминалистических методик и есть то особенное, ради разработки которого существует этот раздел криминалистической науки»², что «нет и не может быть единой

¹ Яблоков Н.П., Головин А.Ю. Криминалистика: природа и система. М., 2005. С.141.

² Адельянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г. Криминалистика / под ред. Р.С. Белкина. М., 1999. С. 681.

структуры для всех методик»¹. Создание новых частных методик при определенных условиях должно обуславливать формирование новых общих методик, либо вносить изменения и дополнения в структуру и содержание уже имеющихся, формируя своеобразный круговорот зависимости развития двух этих сущностей.

Рассматривая вопрос о формировании частной методики расследования применительно к географической области, отличающейся собственным культурно-этническим своеобразием, мы выдвигаем гипотезу о том, что такие основания весьма существенны и также могут служить определяющими для выбора тактико-методических приемов расследования. Для того, чтобы приведенное утверждение было убедительным, мы предлагаем обратиться к первому уровню сведений – к криминально-криминологическому своеобразию совершения разбоев в Северо-Кавказском федеральном округе.

Северо-Кавказский федеральный округ состоит из следующих субъектов федерации: Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия - Алания, Ставропольский край, Чеченская Республика. Он был выделен из состава Южного федерального округа сравнительно недавно – в 2010 г.

По данным оценки численности постоянного населения на 1 января 2016г. и в среднем за 2013г. общая численность населения СКФО составила 9 718 001 человек, что составляет 6, 63 % от числа жителей России (против 6% в 2014 г.). При этом, площадь территории округа составляет 1% площади территории Российской Федерации. Плотность населения достаточно высока – 57,02 чел./кв.км. Национальный состав округа представлен 26 национальностями. 48% от числа жителей составляет городское население. На территории округа располагается 56 городов. Крупнейшим из них является Махачкала с численностью населения свыше 587 876 человек. Административный центр округа – г. Пятигорск, численность населения которого составляет 145 448 жителей, он же является центром одноименного городского округа.

В Северо-Кавказском федеральном округе, нет ни одной области, кроме того, он является единственным в Российской Федерации, в котором этнические русские не имеют абсолютного большинства населения. Именно поэтому преступность этого региона «обладает рядом специфических признаков, порождённых присутствием здесь детерминант регионального, геополитического, военно-политического, исторического, социально-экономического и этнопсихологического характера»².

Проявления региональной особенности преступности стали особенно остро проявляться на фоне изменившихся социально-экономических и политических условий жизни, сепаратизма, в связи с чем, это стало предметом специальных исследований учёных-криминологов. У.Т. Сайгитов пришел к выводу о том, что смена государственного устройства привела к усилению «вакуума духовности, который во многом теперь заполняется за счёт экспансии, как правило, худших вариантов западной культуры, укрепления позиций доморощенной криминальной субкультуры. Вместе с

¹ Корноухов В. Е. Понятие и виды методик расследования преступлений // Вестник криминалистики. М., 2003. Вып. 2 (6). С. 12

² Заурбеков Ю.З. Региональные особенности преступности в Чеченской Республике. Российская юстиция. №9.2006 г. С.55.

тем, определённые сдвиги общественного правосознания происходят под традицион-но-национальным воздействием, в рамках «реабилитационной активности» отдельных этносов как реакции на советское прошлое, принимающей нередко демонстра-тивный характер. Особенно остро эти процессы проходят в республиках Северного Кавказа». В своём исследовании он отмечает, что судопроизводство там изобилует массой примеров такого рода, когда обычаи препятствовали раскрытию и расследо-ванию преступлений, розыску преступников, в том числе, со стороны сотрудников правоохранительных органов¹. В настоящее время многие учёные видят причину криминогенности в особенностях культуры и духовного сознания целых народов.

Между тем, для криминалистики интерес представляют сугубо профессиональ-ные моменты: особенности механизма преступного поведения, побудительные моти-вы соучастия в преступлениях, или их сокрытии, особенности раскрытия и расследо-вания преступлений в условиях тотального главенства родственных и дружеских обя-зательств над гражданским или служебным долгом и т.п. Как отмечает У.Т. Сайгитов в своём исследовании, судопроизводство изобилует массой примеров такого рода, ко-гда обычаи препятствовали раскрытию и расследованию преступлений, розыску пре-ступников, в том числе, со стороны сотрудников правоохранительных органов.

Наряду с этим, в каждом субъекте Северо-Кавказского федерального округа имеются свои особенности. Так, Ю.З. Заурбеков в своей статье тезисно обозначил особенности преступности в Чеченской Республике. Но даже этого материала доста-точно, чтобы увидеть, насколько хорошо и глубоко автор понимает существующие проблемы и совершенно обоснованно выделяет специфические характеристики пре-ступности, не сводя их только лишь к количественным показателям. Это, само по се-бе, свидетельствует о необходимости построения частных методик расследования применительно к региональным особенностям, что должно оказывать положительное влияние на повышение расследования преступлений на территории СКФО.

Наибольшая часть населения Северо-Кавказского федерального округа прожи-вает в городах. По сведениям МВД РФ о состоянии преступности в январе-апреле 2016 г., значительная часть преступлений была зарегистрирована именно в городах – республиканских, краевых и областных центрах – 42,0%. Существенную часть всех заре-гистрированных преступлений – 42,1 % составляют хищения чужого имущества, из них разбой – 9,9%, а каждое двенадцатое разбойное нападение было сопряжено с незакон-ным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище. В январе-апреле 2016 г. с использованием оружия совершено 2,2 тысячи преступлений, из них наиболь-шее количество отмечается в Республике Дагестан - 102, тогда как в таком мегаполисе, как г. Москва – 91 зарегистрированное преступление указанной категории.

Такой многонациональный, населенный округ, граничащий с пятью государ-ствами, известный повышенной активностью террористических и бандитских форми-рований требует разработки специальных рекомендаций по осуществлению деятель-ности правоохранительных органов. Для наглядности вновь хотелось бы обратиться к статистическим данным МВД России о динамике роста преступности за период с 2010

¹ У.Т. Сайгитов. Влияние традиций и обычаев на преступность в Республике Дагестан. Журнал рос-сийского права. №3, 2004 г., С.43.

по 2016 г. В Республике Ингушетия он составил 15,7%, в Чеченской Республике - 20,2%, в Республике Дагестан - 20,4%.

Совершенно очевидно, что если при формировании частной криминалистической методики использовать данные одной только криминалистики – таких исходных позиций будет недостаточно. При проведении исследования были получены различной степени значимости сведения о тех составляющих, которые позволяют обосновать необходимость создания методики не только расследования указанной категории преступлений, но и их выявления, поскольку именно население Северо-Кавказского федерального округа, как никакое другое, не желает сотрудничать с правоохранительными органами, не желает становиться участниками уголовного судопроизводства. Этим объясняется высокий уровень латентности, в том числе, разбойных нападений.

Говоря о структурном соотношении разбоев и иных близких составов преступлений – прежде всего, грабежей, исследователи отмечают, величины этих структурных данных в целом по Российской Федерации и в Северо-Кавказском федеральном округе, в частности, в Чечне, существенно отличаются. Если в целом по России грабежей совершается значительно больше, чем разбоев, то, например, в Чеченской Республике разбоев совершается почти в 7 раз больше, чем грабежей. Практически «такое же соотношение доли грабежей к доле разбоев наблюдается и в Дагестане. Этот факт является эмпирическим свидетельством особого характера проявления преступной агрессии в Чечне и Дагестане – более конкретного, дерзкого, более опасного для жизни»¹.

Разбой, представляя собой самостоятельный состав преступления, с криминологической точки зрения, является корыстно-насильственным преступлением и рассматривается в системе криминального насилия². Корыстно-насильственную преступность можно определить как совокупность преступлений, направленных на задержание чужим имуществом, совершаемых с корыстной целью, с применением физического или психического насилия или с угрозой его применения.

Разбой, как криминальные компоненты социальной динамики общества, занимают свое место в системе общепреступного противостояния, определено их место и в системе преступного насилия. Разбой включены в систему как корыстной, так и насильственной преступности, а в своей совокупности образуют специфический вид преступности - корыстно-насильственную³.

Анализ всех преступлений, совершенных в СКФО за период с 2008 по 2013 годы показывает нам, что корыстные преступления занимают в общей численности первое место, располагаясь по нисходящей: кражи, грабежи, разбой. При этом по уровню раскрываемости разбой занимают первое место – в среднем 42,6% от общего числа зарегистрированных.

¹ Заурбеков Ю.З. Региональные особенности преступности в Чеченской Республике. Российская юстиция. №9.2006 г. С.55.

² Кохова Д.Д. Корыстно-насильственная женская преступность как объект криминологического исследования. Дисс. ...канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2003. С. 32.

³ Кириллов СИ. Общеуголовная корыстно-насильственная преступность: проблемы теории и методологии. Коломна, 1999

По мнению некоторых ученых, правоохранительные органы в настоящее время не могут адекватно реагировать на большой рост разбоев, что является одной из причин их плохой раскрываемости¹. При анализе состояния разбоев они исходят из статистических данных от общего числа выявленных и зарегистрированных в органах внутренних дел. При этом за пределами анализа остается латентная часть преступлений, в частности, разбоев, о которых в правоохранительные органы не заявлялось, или которые, по тем, или иным причинам, не были зарегистрированы. При этом латентность разбоев в анализируемом регионе выше, чем в целом по России. В общей сложности 45% респондентов от общего числа потерпевших, не обращаются в правоохранительные органы, при этом данный показатель имеет тенденцию к росту. По некоторым криминалистическим исследованиям, «факторами, обуславливающими латентность, являются: неуверенность в реальности наказания преступника, особые, а иногда и родственные взаимоотношения потерпевшего, свидетелей с преступником; боязнь угрозы со стороны преступника или его родственников, сознательная неправомерная уголовно-правовая оценка и даже укрывательство грабежей и разбоев правоохранительными органами»².

Статистические данные свидетельствуют и о другом удручающем факторе - каждый третий разбой на территории СКФО совершается с проникновением в жилище, что повышает общественную опасность этого вида преступности. Кроме того, наибольшее количество разбоев совершают на территориях региональных центров. Последнее обусловлено тем, наиболее высоким жизненным уровнем населения, сосредоточением наибольшего количества объектов промышленности, предприятий и торговых точек, а также высокой плотностью населения и его движения.

Еще одна характерная черта разбойной преступности в СКФО отличается тем, что в подавляющем числе случаев это - преступность несовершеннолетних, причем год от года процент таких лиц в общей структуре разбоев растет, в некоторых районах - в два, три раза. Предварительный сговор характерен для групп, состоящих из несовершеннолетних мужского пола в возрасте 16-17 лет. Организаторами групповых разбоев почти в 100% случаев являются несовершеннолетние мужского пола, что характерно для исследуемого региона. Некоторые источники указывают, что возрастает также и женская несовершеннолетняя разбойная преступность³ - эта тенденция начала отслеживаться с 2002 г.

Оценивая в целом преступные группы, совершающие разбои, можно отметить, что основной массив составляют несовершеннолетние мужского пола в возрасте 16-17 лет и молодежь, также мужского пола, в возрасте 18-20 лет и 21-30 лет. В результате исследования отмечено, что чем моложе преступник, тем чаще разбои совершаются им в составе преступной группы. Однако роль взрослых мужчин, особенно ранее судимых, не только не ослабевает, но и усиливается. Как правило, они являются

¹ Солодовников С.А. Криминологический анализ грабежей и разбоев в системе преступного насилия и их противодействие интересам личности и общества. Дисс. ... канд. юрид. наук М., 1997. С. 11.

² Юсупкадиева С.Н. Методика расследования грабежей и разбоев (по материалам Республики Дагестан). Автореферат дисс. канд. юрид. наук М., 2006. с.3

³ Состояние и тенденции преступности в Российской Федерации: криминологический и уголовно-правовой справочник. М.: Экзамен, 2007. С. 176.

организаторами преступления, планируют действия преступной группы, определяют роли соучастников.

Проведенное исследование уголовных дел и обобщение судебной практики показало, что 89,6% разбоев совершено группами. Преступность на современном этапе характеризуется ростом групповых преступлений.

В результате проведенного нами исследования осужденных выявлены характерные социально-демографические признаки, присущие именно данной категории преступников. Такая информация способствует не только глубокому познанию причин совершаемых ими посягательств, но и составляет основу для организации научно обоснованной системы предупреждения, раскрытия и расследования разбоев.

Наличие определенной зависимости между полом и преступным поведением представляет собой явление, хорошо известное в науке и практике. Рассматривая данный признак, следует отметить, что по половому составу изменения в женской преступности происходят по иным направлениям, нежели в мужской.

Лишь в редких случаях рассматриваемое преступление было совершено женщинами. Такое положение во многом объясняется местными особенностями, в частности, традиционно более жестким социальным контролем поведения женщин, характером уклада ее жизни в национальных республиках. Однако и здесь, особенно в последние годы, по мере распространения и влияния различных негативных явлений и разрушения традиционного уклада жизни, наблюдается неблагоприятная тенденция в динамике женской преступности.

Это можно объяснить с одной стороны активизацией их социальной, культурно-досуговой деятельности, с другой - увеличением числа неблагополучных женщин, злоупотребляющих алкоголем, ведущих антиобщественный (и аморальный) образ жизни.

Значительную часть осужденных за разбой составляют лица в возрасте 18-19 лет - 17%. На наш взгляд, это объясняется тем, что на данный период жизни человека приходится первый этап становление личности, первое столкновения со сложными жизненными ситуациями, которые могут при определенных условиях способствовать конфликтам с окружающими. В связи с этим формируются негативные сдвиги психологии конкретных лиц, жизненный опыт которых еще не велик.

В то же время необходимо отметить, что совершение значительного числа разбоев в данном возрасте обусловлено также воздействием разнообразных отрицательных явлений на формирование личности в молодом возрасте. Иногда этому способствуют такие качества, характерные для данного возраста, как повышенная активность, стремление к подражанию, неумение сдерживать свои желания, желание показать себя «смелым» в глазах товарищей. Это же объясняет отход от культурного соответствия принятым национальным традициям, повышающуюся тенденцию к неуважению мнения старших членов семьи.

Подавляющее большинство лиц, осужденных за разбой, в момент совершения посягательства являлись холостыми. Указанные лица, не имея обязанностей, вытекающих из брачно-семейных отношений, не всегда правильно использовали свое свободное время, часто ограничиваясь только развлечениями: гулянием по улицам, танцами, игрой в карты, выпивкой и т.п. Это приводило к появлению пристрастия к ал-

коголю, наркотикам, завязывались знакомства с антиобщественными элементами, которые выводили их на преступный путь.

На наш взгляд, наличие брачно-семейных отношений, особенно в традиционных этно-культурных микросоциумах, налагает определенные обязанности, которые ограничивают его свободное время, причем характер использования этого времени, как правило, в какой-то мере контролируется семьей. Поэтому нормальная семейная обстановка ограничивает возможности воздействия и ослабляет само воздействие различных отрицательных явлений на лицо.

В результате изучения уголовных дел нами установлено, что указанные лица, как правило, ведут паразитический образ жизни, не имеют постоянного места работы или профессии, а также постоянного места проживания. Из числа изученных лиц работают примерно 12%, причем выполняют работу низкой квалификации, часто меняют место работы (разнорабочие, грузчики, заправщики бензоколонок, сварщики, скотники и т.п.), 5% военнослужащие.

Остальные «занятые» представляют собой учащихся различных учебных заведений, включая школьников, и составляют 23% от общей массы лиц, совершивших разбой. Лица, не занятые общественно полезной деятельностью составили 60%. Последние в основном часто злоупотребляют спиртными напитками, иногда наркотиками. К сожалению. Такое положение вещей вызвано, во-первых, высоким уровнем безработицы в регионе среди молодых лиц, а, во-вторых, отсутствием финансовой возможности для них получить высшее образование, продолжить обучение.

Все перечисленные обстоятельства позволяют нам сформировать криминологический портрет преступника, совершающего разбой в СКФО. Как мы видим, имеются существенные отличия между приведенными данными и общей структурой этого вида преступности в России. Мы полагаем, что именно криминологическое своеобразие влечет за собой те особенности расследования, которые отражаются на эффективности методики в целом.

Бурцев Андрей Сергеевич,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института НИУ «БелГУ»

Миرونюк Иван Владимирович,
к.ю.н., старший преподаватель кафедры уголовного права
и процесса Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

СУДЕБНЫЙ ШТРАФ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Чуть более двух месяцев прошло с момента опубликования в Российской газете Федерального закона от 03.07.2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уго-

ловной ответственности»¹. Но уже сегодня можно смело сказать, что содержащиеся в нем новеллы произвели ошеломительный эффект. Особенно это касается положений, связанных с судебным штрафом.

Действительно, ст. 76.2 УК РФ², предусматривает возможность освобождения судом от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, лица, в случае если оно впервые совершило преступление небольшой или средней тяжести, возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред.

В соответствии с п. 1 ст. 25.1 УПК РФ³ данное право суд реализует либо по собственной инициативе, либо по результатам рассмотрения ходатайства, поданного следователем с согласия руководителя следственного органа либо дознавателем с согласия прокурора.

Безусловно, следует положительно расценивать такую инициативу законодателя, которая в известной мере позволит разгрузить суды первой инстанции. Кроме того она полностью соответствует логике уголовной политики современного Российского государства, взявшего курс на гуманизацию уголовного законодательства.

Первыми, кто отреагировал на изменение уголовного законодательства, были представители адвокатского сообщества, увидевшие возможность смягчить участь своих подзащитных, в случае если к тому имелись основания. Их интервьюирование⁴, касающееся вопросов правовой конструкции ст. 76.2 УК РФ, а так же процессуальных аспектов дознания и предварительного следствия, связанных с применением данной нормы, позволило нам прийти к определенным выводам.

Естественно, что формой обращения защитников было ходатайство (ст. 119 УПК РФ), в котором они просили о вынесении постановления о возбуждении ходатайства о прекращении уголовного дела с применением уголовно-правовой меры в виде судебного штрафа. Показательно, что в одном случае в удовлетворении ходатайства было отказано, поскольку с точки зрения лица, осуществляющего уголовное преследование, инициатива по прекращению уголовного дела целиком и полностью принадлежит только ему. По второму уголовному делу, дознаватель, согласившись в итоге с доводами защитника, попросил его ходатайство забрать, пояснив, что исходя из содержания ст. 76.2 УК РФ адвокат не имеет права заявлять подобное ходатайство. Все это свидетельствует, во-первых, о низком профессионализме этих сотрудников полиции, желании подстраховаться в глазах своего руководства, а так же о том, что законодатель не достаточно четко и конкретно сформулировал норму.

Поэтому считаем необходимым дополнить ст. 76.2 УК РФ и ст. 25.1 УПК РФ указанием на то, что правом обращаться с подобным ходатайством, наряду с уже ука-

¹ Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности // Российская газета, № 149, 08.07.2016.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

⁴ На наши вопросы согласились ответить 2 адвоката, занимающиеся адвокатской практикой в г. Белгороде.

занными в статьях лицами обладают подозреваемый, обвиняемый, подсудимый и их защитник.

Так же следует законодательно обязать лиц, осуществляющих уголовное преследование, в процессе следствия или дознания рассматривать вопрос о возможности либо невозможности освобождения лица от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным ст. 76.2 УК РФ, с вынесением мотивированного постановления об отказе в возбуждении подобного ходатайства. Наличие такого процессуального документа позволит более полно реализовывать подозреваемому и обвиняемому право на защиту, а так же всестороннее и объективное следствие (дознание).

Далее следует сказать об основаниях прекращения уголовного дела. Отнесение к ним преступлений небольшой и средней тяжести у интервьюируемых нами адвокатов возражений не вызвало. Сложнее дело обстоит с подлежащим возмещению ущербом и заглаживаемым вредом.

Так, у дознавателя возникло мнение, что, поскольку по находящемуся в его производстве уголовному делу, возбужденному по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 228 УК РФ «Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества», ущерб и вред не выявлены, то их отсутствие не позволяет ему ходатайствовать о прекращении уголовного дела. То есть, следуя его логике, выходит, что законодатель предусмотрел возможность освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших отдельные категории преступлений, например, хищение. Такая позиция представляется нам совершенно неверной, поскольку очевидно, что ст. 76.2 УК РФ в равной степени распространяется на все составы преступлений, а рассматриваемое основание имеет факультативное значение для преступлений с формальным составом.

Показательно, что в другом случае следователь отказался ходатайствовать о прекращении уголовного преследования на том основании, что ущерб потерпевшим возмещен не в полном объеме. Из материалов находящегося в его производстве уголовного дела, возбужденного по п.п. «а», «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ «Кража» следует, что один из обвиняемых в ходе предварительного следствия по своей инициативе возместил потерпевшим больше половины материального ущерба, причиненного потерпевшим в результате кражи нескольких голов крупного рогатого скота. Сделал он это добровольно, при том, что гражданский иск по делу заявлен не был.

Считаем, что лицо с таким посткриминальным поведением может быть освобождено от уголовной ответственности на том основании, что все остальные основания для этого имеются. В конце концов, у потерпевших остается право обратиться в суд с иском и попытаться там взыскать дополнительные денежные средства.

Стати, наличие потерпевших по делу так же вызвало вопросы у следователя, поскольку в соответствующих нормах уголовного и уголовно-процессуального законодательства ничего не сказано о том, нужно ли их согласие на применение к подозреваемому, обвиняемому, подсудимому положений ст. 76.2 УК РФ, при том, что согласие перечисленных лиц обязательно. Такая законодательная неурегулированность

послужила препятствием при рассмотрении ходатайства о прекращении уголовного преследования.

Так же препятствием для прекращения уголовного дела, возбужденного по факту покушения на приобретение наркотических средств чуть было не явился предмет преступления – героин, в количестве 2,45 гр. Именно это обстоятельство серьезно влияло на позицию дознавателя, поскольку он считал, что героин это тяжелый наркотик. Защитнику стоило немалых усилий, чтобы доказать отсутствие взаимосвязи предмета преступления с основаниями освобождения от уголовной ответственности.

К сказанному следует обратить внимание на то, что и следователь, и дознаватель совершенно не принимали во внимание положительные характеристики обвиняемых, отсутствие их на учетах в наркологическом и психиатрическом диспансерах, наличие у них постоянного места жительства, работы, иждивенцев и пр. Вместе с тем считаем, что указанные обстоятельства должны учитываться при рассмотрении вопроса о назначении судебного штрафа.

Отдельно следует сказать еще об одном основании прекращения уголовного преследования – совершении преступления впервые. Со слов одного из интервьюируемых защитников, в процессе дознания были получены сведения о судимости его подзащитного в 2006 г. по ч. 1 ст. 161 УК РФ «Грабеж». На момент совершения, 1 января 2016 года, инкриминируемого ему преступления, его судимость за грабеж была погашена. Однако дознаватель, ознакомившись с ходатайством о прекращении уголовного дела, счел это невозможным поскольку, по его мнению, свое первое преступление обвиняемый совершил в 2006 году. В итоге, мнение дознавателя удалось изменить ссылкой на учебник уголовного права¹.

Вместе с тем, вопрос отнесения преступления к категории совершенного впервые имеет длительную историю, точка в которой не поставлена до сих пор. Учитывая объем настоящей статьи, сошлемся на несколько публикаций², а так же материалы судебной практики³. Ознакомление с ними позволяет оценить глубину проблемы и ее практическую значимость, которая возросла с вступлением в законную силу Федерального закона от 03.07.2016 г. № 323-ФЗ ФЗ, а, следовательно, и необходимость осуществления фундаментальных исследований в указанной сфере.

¹ Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.В. Лунеева, А.В. Наумова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2005. С. 444.

² Нагуляк М.В. Понятие лица, совершившего преступление впервые, при прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон // Вестник ЮУрГУ. 2011. № 27. С. 59-62; Ларина Л.Ю. Понятие лица, впервые совершившего преступление // Юридическая наука. 2014. № 1. С. 87-90; Минькова А.М. Категория лица, впервые совершившего преступление, в свете разъяснений Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 2 от 11 января 2007 года «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Данные интернет-сайта Саратовского центра по исследованию проблем организованной преступности и коррупции НИП «Центр научных и правовых инициатив Н.А. Лопашенко»: URL: [http://sartraccs.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/minkova\(11-07-09\).htm](http://sartraccs.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/minkova(11-07-09).htm) (дата обращения 20.09.2016).

³ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ прекращения военных судами уголовных дел в связи с примирением с потерпевшим и деятельным раскаянием, утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 01.06.2005 г. // URL: <https://sudrf.ru/index.php> (дата обращения 20.09.2016); Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 30 мая 2013 г. № 33-АПУ13-3. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.09.2016); Постановление Конституционного Суда РФ № 18-П от 28 октября 1996 г. «По делу о проверке статьи 6 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина О.В. Сущкова» // СЗ. РФ. 1996. № 45. Ст. 5203.

В качестве вывода отметим, что законодатель, предусмотрев еще одно основание для освобождения от уголовной ответственности и закрепив его в ст. 76.2 УК РФ, предоставил правоприменителю весьма «сырой» инструментарий, не исключающий разночтений в толковании содержания данной нормы, а специалистам в области уголовного права – поле для дискуссий, чем они незамедлительно воспользовались.

Долженко Наталья Игоревна,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры судебной экспертизы
и криминалистики Юридического института НИУ «БелГУ»

Ляхова Анжелика Ивановна,
к.ю.н., доцент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

РЕАЛИЗАЦИЯ АДВОКАТОМ-ЗАЩИТНИКОМ ПРАВА НА ПРИВЛЕЧЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Как отмечается в юридической литературе, закрепленный в Конституции принцип состязательности сторон послужил одним из стимулов для прогрессивного развития форм привлечения сторонами уголовного судопроизводства сведущих лиц¹. Использование в качестве доказательств по уголовному делу заключений и показаний специалиста позволяет оспорить заключение эксперта, представленное стороной обвинения и (или) установить доказательства, оправдывающие обвиняемого (подсудимого), тем самым расширяя возможности стороны защиты и укрепляя реализацию принципа состязательности в уголовном судопроизводстве².

Статья 53 УПК РФ предусматривает право защитника привлекать специалиста при осуществлении защиты по уголовным делам, однако необходимо отметить, что реализация указанного права стороной защиты затруднена в связи с отсутствием четкой законодательной регламентации данного механизма.

Положения Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» (п. 4 ч. 3 ст. 6) также предоставляют адвокату-защитнику право привлекать на договорной основе специалистов для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи. Под специалистами в данном случае рассматриваются сведущие лица, а не специалисты как участники уголовно-процессуальной деятельности. Таким образом, возникает вопрос о моменте появления специалиста в уголовном судопроизводстве по приглашению защитника.

Право следователя на привлечение к участию в следственном действии специалиста, а также его обязанность перед началом следственного действия, в котором участвует специалист, удостовериться в его компетентности, разъяснить специалисту

¹ Лазарева Л.В. Использование специальных знаний органами предварительного расследования на досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью. Научно-практическая конференция 26 февраля 2009 г. Орел: ОрЮИ МВД России, 2009. С. 49-52.

² Шейфер С.А. Куда движется российское судопроизводство? (Размышления по поводу векторов развития уголовно-процессуального законодательства а) // Государство и право. 2007. № 1. С. 28-37.

его права и ответственность, закреплены в ст. 168 УПК РФ. Порядок привлечения специалиста защитником к производству по уголовному делу законом не установлен, что вызывает определенные трудности реализации защитником своих процессуальных прав.

Специалист, который привлекается к участию в уголовном судопроизводстве адвокатом-защитником, имеет ограниченные возможности участия в уголовном процессе по сравнению со сведущим лицом, привлеченным органами предварительного расследования. Основные объекты работы сведущих лиц, привлеченных сторонами: это содержание материалов уголовного дела, с которыми вправе знакомиться участники уголовного судопроизводства.

Одним из аргументов привлечения специалиста адвокатом-защитником ученые называют сомнения стороны защиты в обоснованности и достоверности заключения эксперта по уголовному делу¹. Особое значение для усиления адвокатом позиции защиты имеет возможность привлечения специалиста при наличии сомнения в обоснованности выводов эксперта в целях мотивировки ходатайства о назначении дополнительной или повторной экспертизы. В этом случае адвокат-защитник должен самостоятельно определить степень профессиональной компетентности специалиста, сформулировать перед ним вопросы, требующие специальных знаний. При этом защитник может представить в распоряжение специалиста имеющиеся у него копии процессуальных документов уголовного дела, а также материалы, полученные в рамках своей компетенции и в порядке, установленном ч. 2 и ч. 3 ст. 86 УПК.

Как отмечает Е.Р. Россинская, специалист привлекается адвокатом-защитником для анализа экспертного заключения в случае необходимости решения следующих вопросов:

- о пригодности представленных вещественных доказательств и сравнительных образцов для исследования;
- о достаточности (с точки зрения используемых экспертных методик) имеющихся объектов и образцов для дачи заключения;
- о методах, использованных при производстве судебной экспертизы, оборудовании, с помощью которого реализованы эти методы (обеспечен ли метрологический контроль и поверка оборудования, его юстировка и калибровка);
- о научной обоснованности экспертной методики, граничные условия ее применения, допустимость применения избранной методики в данном конкретном случае.

Даже в случае, когда адвокат-защитник сам способен опровергнуть вывод содержащийся в заключении эксперта, соответствующее заключение специалиста будет ему в этом серьезным подспорьем, поскольку статус пояснений адвокат защитника не предполагает их использования в качестве доказательства².

¹ Участие адвоката-защитника в формировании доказательств на стадии предварительного расследования: Семенов В.А., Скребец Г.Г. М.: Юрлитинформ, 2009. С.60.

² Россинская Е.Р. Реалии и перспективы использования специальных знаний по новому УПК // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: год правоприменения и преподавания. Материалы международной научно-практической конференции, 27-28 октября 2003 г. – М.: Изд. МГЮА, 2004. С. 153-163.

Если специалист, анализируя представленные стороной защиты материалы, придет к выводу о каких-либо обстоятельствах, свидетельствующих в пользу обвиняемого (подсудимого), которые совпадают с выработанной тактикой осуществления защиты доверителя, то основания отвергать полученное заключение специалиста отсутствуют. Оценка заключения специалиста должна осуществляться в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства, что позволит исключить из доказательственной базы немотивированные и необоснованные выводы специалиста.

В современном российском уголовном судопроизводстве адвокат-защитник наделен процессуальными правами по вовлечению в уголовно-процессуальную деятельность специалиста, и получению в качестве доказательств его заключения, однако процессуальные возможности по обеспечению участия специалиста в процессуальных действиях, и решение вопроса о приобщении такого заключения к материалам дела в качестве доказательства, является прерогативой следователя, дознавателя и суда. Реализация адвокатом-защитником права закрепленного в п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ и п. 4 ч. 3 ст. 6 Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» осуществляется исключительно путем заявления ходатайства о приобщении полученного им заключения специалиста к материалам уголовного дела. Разрешение заявленного адвокатом ходатайства отнесено к компетенции наделенных государственно-властными полномочиями участников уголовного процесса и зависит от их субъективного мнения.

Таким образом, несовершенство действующего уголовно-процессуального законодательства существенно ограничивает возможности адвоката-защитника по привлечению специалиста на стадии предварительного расследования уголовного дела. Кроме этого, отсутствие законодательно закрепленного в УПК процессуального механизма получения показаний специалиста и совокупности требований, которые предъявляются к его заключению, приводит к снижению доказательственной ценности показаний и заключений специалиста, и, как следствие, не позволяет в полной мере реализовывать процессуальные права адвокатов-защитников на привлечение специалиста.

Степанюк Оксана Сергеевна,
к.ю.н., доцент, заведующая кафедрой уголовного права и процесса
Юридического института НИУ «БелГУ»

Степанюк Андрей Вячеславович,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА, СОВЕРШЕННОГО С ОСОБОЙ ЖЕСТОКОСТЬЮ

Современное понимание особой жестокости при совершении убийства раскрывается в п.8 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ)» от 27 января 1999 года № 1 (далее – ППВС № 1): «при квалификации убийства по п. «д» ч.2 ст.105 УК РФ надлежит исходить из того, что понятие особой жестокости связывается как со способом убийства, так и с други-

ми обстоятельствами, свидетельствующими о проявлении виновным особой жестокости. При этом для признания убийства совершенным с особой жестокостью необходимо установить, что умыслом виновного охватывалось совершение убийства с особой жестокостью. Признак особой жестокости наличествует, в частности, в случаях, когда перед лишением жизни или в процессе совершения убийства к потерпевшему применялись пытки, истязание или совершалось глумление над жертвой либо, когда убийство совершено способом, который заведомо для виновного связан с причинением потерпевшему особых страданий (нанесение большого количества телесных повреждений, использование мучительно действующего яда, сожжение заживо, длительное лишение пищи, воды и т.д.)¹.

По мнению ряда авторов, под особой жестокостью следует понимать предшествующее убийству или сопровождающее его умышленное действие (бездействие), не обязательное для причинения смерти человеку и состоящее в причинении потерпевшему или его близким дополнительных физических или психических особых страданий². Анализируя п.8 ППВС № 1 года можно сделать вывод, что особая жестокость при убийстве характеризуется одним из следующих обстоятельств:

1) поведение виновного до лишения жизни потерпевшего (пытки, истязание, глумление, издевательство и т.п.); при этом сама смерть может быть мгновенной (выстрел, удар ножом и т.п.);

2) способ убийства (использование мучительно действующего яда, сожжение заживо, оставление без пищи или питья и т.п.), когда смерть является конечным результатом действий виновного;

3) обстановка убийства (причинение смерти в присутствии близких потерпевшего, в отношении беспомощного лица в силу возраста (малолетний, престарелый), болезни (физические или психические особенности потерпевшего) или иного состояния (сильное опьянение, непреодолимая сила и т.п.)³, когда потерпевший понимал, осознавал, что его пытаются лишить жизни, просил пощады, умолял виновного не убивать его, изо всех сил пытался хоть как-то себя защитить, убежать от убийцы, а виновный, несмотря на все это, тем не менее, причиняет потерпевшему смерть⁴.

В юридической литературе неоднозначно решается вопрос об уголовно-правовой оценке деяния виновного, когда он заблуждается относительно испытываемых потерпевшим страданий. То есть, когда виновный желает причинить особые страдания потерпевшему, но не может это сделать по причинам, от него не зависящим (потерпевший умер после первого удара ножом или от травматического шока в

¹ См.: Ткаченко В.В., Ткаченко С.В. Уголовная ответственность за убийство: Монография. М.: ИН-ФРА-М, 2014. С.74.

² См.: Закалюк А.П., Жарый В.Д., Ковальский В.С. и др. Преступления, совершаемые с особой жестокостью (научный обзор результатов исследования). Киев, 1989. С.8.

³ См.: Попов А.Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах. СПб.: «Юридический центр Пресс», 2003. С.388-445.

⁴ См.: Магомедов А.А., Миньковский Г.М., Ревин В.П. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. В.П. Ревина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юстициформ, 2009. С.47.

Анализируя положения уголовно-процессуального законодательства, следует отметить, что привлечение защитником специалиста возможно только для участия в тех следственных действиях, в которых участвует сам адвокат-защитник. Он должен обеспечить явку специалиста, заявив следователю (дознавателю) соответствующее ходатайство о допуске специалиста к участию в следственном действии.

Разъяснение специалисту его прав и обязанностей, предупреждение об уголовной ответственности, выяснение компетентности специалиста возлагается на следователя. Если следователю при проведении процессуального или следственного действия стали известны обстоятельства, препятствующие участию специалиста в уголовном судопроизводстве процессе, перечень которых дан в ст.70 УПК РФ он должен принять решение об отводе специалиста.

Привлечение специалиста необходимо защитнику для участия в следственных действиях и оценки их результатов. Одним из таких следственных действий является осмотр места происшествия. Большинство осмотров проводится без участия защитника по уголовному делу, поскольку лица причастные к совершению преступления на момент проведения осмотра не установлены, либо защитник у них отсутствует. Однако доказательства, полученные в ходе осмотра места преступления, имеют большое значение для анализа и выработки адвокатом позиции защиты. Участие квалифицированного специалиста позволяет установить доказательства интересующие защиту и оказать помощь в их оценке. Участие специалиста в следственном эксперименте позволяет адвокату – защитнику получить необходимую информацию для определения стратегии и тактики защиты интересов доверителя.

В целях наиболее полной и квалифицированной защиты интересов доверителя представляется необходимым участие специалиста в производстве обыска. Как показывает практика при планировании сложных обысков в жилище подозреваемого или обвиняемого специалист как обладатель специальных знаний во многих областях, часто дает консультации и разъяснения следователям, либо принимает непосредственное процессуальное участие в самом следственном действии¹. Однако случаи привлечения специалистов для участия в производстве обыска стороной защиты единичны. Одной из причин подобной ситуации является то обстоятельство, что многие исследователи негативно относятся к самой возможности стороны защиты приглашать специалиста, полагая что участие специалиста на договорной основе предполагает заключение конкретного содержания. поэтому следует всегда следует устанавливать условия такого привлечения специалистов к участию в деле и решать вопрос о его объективности и основаниях отвода². Следует согласить с позицией А.В. Рагулина, который отмечает, что нельзя рассматривать как незаконное обращение адвоката-защитника к специалисту, которое имеет целью уточнить возможность получения заключения конкретного содержания, соответствующего интересам стороны защиты³.

¹Кислицина Н.И. Основы справочной и консультационной деятельности специалиста в досудебном производстве по уголовному делу // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2011. №14 (109). С.87-94.

²Темирасов О. Компетентность специалиста // Законность. 2005. №6. С. 39-40.

³ Рагулин А.В. Адвокат в уголовном процессе: учебно-практическое пособие Ростов-на-Дону, «Феникс», 2007. С.377.

начале истязаний, в силу сильного опьянения или иного бессознательного состояния не чувствовал боли и т.п.)¹.

Квалифицирующий признак особой жестокости носит сугубо оценочный характер. Оценочным является, во-первых, само понятие жестокости. Во-вторых, в законе говорится об особой жестокости, а не просто о жестокости. Жестоко почти каждое убийство, но особая жестокость - это крайнее, высшее проявление данного качества². Анализируя оценочное понятие, правоприменитель обычно руководствуется не только собственными представлениями, моралью и этикой, но и общепризнанным стандартом - судебной практикой, квинтэссенцией которой являются руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ.

С учетом сложившейся судебной практики убийство может быть признано особо жестоким, когда: а) перед лишением жизни или в процессе совершения убийства к потерпевшему применялись пытки, истязания или совершалось глумление; б) убийство совершено способом, который заведомо для виновного связан с причинением потерпевшему особых страданий: нанесение большого количества ранений, использование мучительно действующего яда, кислоты или других агрессивных веществ; причинение смерти путем применения огня, электротока бытового напряжения; закапывание заживо; замедленное утопление или удушение; причинение смерти путем лишения пищи или воды и т.п.; в) убийство совершено в присутствии близких потерпевшему лиц, если виновный сознавал, что своими действиями причиняет присутствующим особые душевные страдания; г) в целях продления мучений жертвы виновный препятствует оказанию помощи умирающему.

Вместе с тем нанесение множественного количества ранений, в том числе и при совершении убийства в состоянии аффекта, не может расцениваться как проявление особой жестокости если у виновного не было умысла на совершение убийства с особой жестокостью. Глумление над трупом само по себе не может расцениваться как обстоятельство, свидетельствующее о проявлении особой жестокости, впрочем, как и уничтожение или расчленение трупа с целью сокрытия преступления.

Для признания убийства совершенным с особой жестокостью необходимо установить, что умыслом виновного охватывалось совершение преступления именно с особой жестокостью. Убийство может быть квалифицировано по п. «д» ч.2 ст.105 УК не только в том случае, когда виновный специально стремился проявить особую жестокость, но и когда он сознавал особую мучительность для жертвы данного способа лишения жизни и заведомо шел на это.

Заслуживает быть отмеченной практика квалификации умышленного убийства по указанному признаку в уголовном законодательстве Республики Беларусь от 9 июля 1999 года (Союзном государстве). Уголовный закон союзного с РФ государства регламентирует ответственность за убийство в статье 139, которая включает в себя две части. Так, п.6 ч.2 ст.139 УК Республики Беларусь предусматривает ответственность за убийство, совершенное с особой жестокостью. В Республике Беларусь квалифицированное убийство наказывается лишением свободы на срок от восьми до

¹ См.: Стельмах Т.А. Проблемы теории и судебной практики квалификации убийства по признаку особой жестокости // Российский судья. 2010. № 10. С.17-19.

² См.: Уголовное право России. Особенная часть. В 2 т. Т. 1 / отв. ред. О.С. Капинус. М., 2016. С. 64.

двадцати пяти лет, или пожизненным заключением, или смертной казнью. В отличие от Российской Федерации, где действует мораторий на применение смертной казни, в Республике Беларусь подобного ограничения нет, поэтому приговоры к смертной казни приводятся к исполнению. Разъяснение вопроса о толковании понятия «особая жестокость» при убийстве содержится в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 17 декабря 2002 года № 9 «О судебной практике по делам об убийстве (ст.139 УК)». В п.10 указанного постановления, в частности, указывается следующее:

«Обратить внимание судов, что понятие особой жестокости при квалификации убийства по п. 6 ч. 2 ст. 139 УК связывается как со способом лишения жизни, так и с другими обстоятельствами, свидетельствующими о проявленной виновным такой жестокости. При этом необходимо установить, что виновный сознавал особо жестокий характер избранного им способа лишения жизни и желал либо сознательно допускал его.

Признак особой жестокости имеется, в частности, в случаях, когда непосредственно перед лишением жизни или в процессе совершения убийства к потерпевшему применялись пытки, истязания или совершалось глумление над жертвой либо когда убийство совершено способом, который заведомо для виновного связан с причинением потерпевшему особых страданий (умышленное нанесение большого количества телесных повреждений, использование мучительно действующего яда, кислоты или других агрессивных веществ, сожжение заживо, длительное лишение пищи, воды, воспрепятствование оказанию помощи умирающему в целях продления мучений жертвы и т.д.).

Особая жестокость может выражаться также в совершении убийства в присутствии близких потерпевшему лиц, когда виновный сознавал, что своими действиями причиняет им особые страдания, в убийстве потерпевшего в присутствии следующей жертвы, если виновный сознавал, что второй потерпевший понимает характер его последующих действий и их направленность, и желал таким образом причинить потерпевшему особые страдания и мучения.

Если убийство совершено группой лиц и, хотя бы один исполнитель действовал с особой жестокостью, вместе с ним по п.6 ч.2 ст.139 УК несут ответственность и те участники группы, которые сознавали, что кто-либо из них действует с особой жестокостью, и их умыслом охватывалось совершение убийства с особой жестокостью.

Глумление над трупом само по себе не может расцениваться в качестве обстоятельства, свидетельствующего о совершении убийства с особой жестокостью. Содеянное в таких случаях, если не имеется других данных о проявлении виновным особой жестокости перед лишением потерпевшего жизни или в процессе совершения убийства, надлежит квалифицировать по соответствующей части ст. 139 УК и по ст. 347 УК¹.

Следует отметить, что разъяснения данные Пленумом Верховного Суда Республики Беларусь частично совпадает с толкованием убийства, совершенного с особой жестокостью, которое приводится в п.8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 года № 1 «О судебной практике по делам убийстве (ст.105 УК

¹ [http://www.pravo.by/pdf/2003-8/2003-8\(097-106\).pdf](http://www.pravo.by/pdf/2003-8/2003-8(097-106).pdf) Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь.

РФ)». Однако, по нашему мнению, разъяснения Верховного Суда Республики Беларусь являются более удачными. В частности, это касается перечисления форм проявления особой жестокости, оценки убийства, совершенного группой лиц.

В свою очередь вызывает интерес вопрос об уголовной ответственности за убийство в Китайской Народной Республике при наличии традиционной для российской правовой системы квалифицирующих признаков.

Статья 232 Уголовного кодекса Китайской Народной Республики 1997 год предусматривает, что умышленное убийство – наказывается смертной казнью, бессрочным лишением свободы или лишением свободы на срок свыше 10 лет; при смягчающих обстоятельствах – наказывается лишением свободы на срок от 3 до 10 лет.

В начале 60-х гг. XX века проф. Н.И. Загородников отмечал, что для уголовного законодательства КНР характерно отсутствие квалифицирующих признаков, применительно к убийству¹. Как мы можем видеть за прошедший период подход китайского законодателя не изменился. В связи с этим Р.М. Раджабов подчеркивает, что Уголовный кодекс КНР, ничего не говорит об особой жестокости как об обстоятельстве, отягчающем ответственность². По мнению Р.М. Раджабова, законодатель КНР предполагает, что особая жестокость преступных действий как признак объективной стороны будет сразу относить убийство к категории наиболее тяжких убийств с соответствующей дифференциацией наказаний. Поэтому какая-либо дополнительная квалификация с учетом квалифицирующих признаков не требуется. По нашему мнению, это связано со спецификой национальной правовой традиции Китая.

Вместе с тем, более предпочтительным нам представляется подход российского законодателя, который выделяет и требует учитывать соответствующие квалифицирующие признаки при уголовной ответственности за совершение убийства.

Жилина Наталья Юрьевна
к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

ОТЛИЧИЕ УБИЙСТВА, СОВЕРШЕННОГО С ОСОБОЙ ЖЕСТОКОСТЬЮ ОТ УБИЙСТВА, СОВЕРШЕННОГО В СОСТОЯНИИ АФФЕКТА

Особая жестокость принадлежит к числу тех понятий, которые труднее всего поддаются точному юридическому определению и вызывают наибольшую сложность в установлении ее уголовно-правовых признаков. В судебной и следственной практике, а также и в юридической литературе возникает немало спорных вопросов.

Убийства, совершенные с особой жестокостью на практике, нередко приходится ограничивать от иных видов преступлений. Для нас определенный научный интерес представляет отличие изучаемой категории преступлений от убийств, совершенных при смягчающих обстоятельствах, но вместе с тем, содержащих в себе признаки проявления особой жестокости.

¹ См.: Загородников Н. И. Уголовная ответственность за преступления против жизни в законодательстве стран народной демократии // Правоведение. 1963. № 1. С.90-99.

² См.: Уголовный кодекс КНР. М.: издательский дом "Муравей", 2000. С.336.

Проблема разграничения убийства, совершенного с особой жестокостью, от убийства, совершенного в состоянии аффекта впервые была упомянута в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 27 июня 1975 года. В нем внимание судов акцентировалось на том, что причинение множественных телесных повреждений при внезапно возникшем сильном душевном волнении, вызванным тяжким оскорблением или насилием со стороны потерпевшего, должно квалифицироваться как убийство в состоянии аффекта, и не может рассматриваться как убийство с особой жестокостью¹.

Как отмечает А. Н. Попов, в судебной практике проблема ошибочной квалификации встречается нередко. Так, «завышение» квалификации, имеет место в том случае, если содеянное следует квалифицировать как убийство в состоянии аффекта, а квалифицировали, как убийство с особой жестокостью; «занижение» квалификации - содеянное необходимо квалифицировать как убийство с особой жестокостью, а квалифицировали, как убийство в состоянии аффекта; ошибочная квалификация наличествует, если виновному вменяют или убийство в состоянии аффекта, или убийство с особой жестокостью, хотя признаки как первого, так и второго отсутствуют².

В ходе изучения судебной практики мы пришли к выводу, что завышение квалификации является самой распространенной ошибкой.

На наш взгляд, об умысле на убийство особой жестокостью при нанесении множественных ранений могут свидетельствовать такие обстоятельства как: длительность избивания жертвы, сознательный выбор орудия убийства; применение которого не могла не привести к множественности ранений; наступление смерти потерпевшего в результате болевого шока; характер и локализация имеющихся повреждений, наличие на теле потерпевшего характерных для истязания повреждений, например, надрезов на коже, характерного сечения; значительное физическое превосходство виновного над потерпевшим; характер избивания потерпевшего (удары ногами, различными предметами в область жизненно важных органов, а также голову, живот, грудь); в некоторых случаях, обстановка происшедшего, дающая возможность виновному поизмыываться над потерпевшим.

Обстоятельства должны свидетельствовать о том, что умыслом виновного охватывалось причинение потерпевшему особых физических страданий, в процессе нанесения ему множественных ранений. Виновный должен осознавать, что он совершает убийство с особой жестокостью, т.е. лишает потерпевшего жизни, одновременно причиняя ему длительные многократные сильные физические боли, страдания, предвидеть подобные последствия и либо желать их, либо допускать или относиться к ним безразлично наступления. Как правило, о совершении убийства с особой жестокостью при множественности ранений, свидетельствует относительная длительность процесса лишения жизни, а также нанесение повреждений, которые объективно вызывают либо должны вызвать сильные страдания потерпевшего.

Представляется, что убийство, совершенное в состоянии аффекта при наличии обстоятельств, указывающих на проявление особой жестокости виновным, может

¹Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 27 июня 1975 года «О судебной практике по делам об умышленном убийстве» (утратило силу) // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1975. № 4.

²Попов А.Н. Убийство при отягчающих обстоятельствах/ А.Н. Попов. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С.43.

быть квалифицированно по ч.1 ст.107 или п. «д» ч. 2 ст.105 УК РФ, только в тех случаях, когда наличествуют все признаки состава того или иного преступления.

В отдельных случаях, содеянное не подлежит квалификации по ч.1 ст.107 ил п. «д» ч. 2 ст.105 УК РФ, даже при наличии некоторых признаков их составов. Так, П был осужден по ч.1 ст. 105 УК РФ областным судом при следующих обстоятельствах дела: П. проживал в одном домовладении с матерью и отчимом своей жены. Отчим (М.) неоднократно поднимал скандал, с целью выселения П. с семьей из дома. Вечером П. ремонтировал мебель в комнате, в связи с чем, стучал молотком продолжительное время. Тогда М. стал через стену оскорблять П., за то, что тот не дает ему уснуть, а затем предложил ему выйти на улицу. Когда П. вышел на улицу М. схватил палку и набросился на П., после чего последний отобрал у нападающего палку и нанес ему не менее трех ударов в область головы, отчего М. потеряв сознание, упал на землю и скончался. В соответствии с заключением судебно-медицинской экспертизы смерть наступила вследствие обширных повреждений костей черепа и головного мозга¹.

Таким образом, наличие объективных обстоятельств, свидетельствующих о проявлении особой жестокости виновным, само по себе не может являться основанием для невозможности квалификации содеянного, как совершенного в состоянии аффекта, так как последнее неразрывно связано с обстоятельствами предшествующими совершению убийства, так же как и психическим состоянием виновного.

В связи с этим нам представляется целесообразным кратко охарактеризовать основные признаки убийства, совершенного в состоянии аффекта, так как их наличие исключает вменение признака особой жестокости.

Аффект как уголовно-правовая категория характеризуется как внезапно возникшее сильное душевное волнение, представляющее собой, быстро возникающее и бурно протекающее кратковременное эмоциональное состояние². Данное состояние характеризуется дезорганизацией волевых и интеллектуальных свойств психики виновного, в форме «сужения» сознания, которое не исключая вменяемость лица, затрудняет адекватное восприятие действительности.³ В большинстве случаев состояние аффекта у виновного возникает в связи с противоправным или аморальным поведением потерпевшего, а также издевательствам, насилием или тяжким оскорблением в его адрес, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, обусловленной систематическим неправомерным поведением потерпевшего, или иными противоправными действиями.

При физиологическом аффекте человек находится во вменяемом состоянии, однако при этом его сознание сильно заторможено, что толкает на необдуманные поступки из-за сильного эмоционального взрыва.

Для второго вида аффекта характерна абсолютная потеря сознания и парализация воли. Патологический аффект несет кратковременный характер, во время которого

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. №9.

² См.: Ситковская, О.Д. Аффект: Криминально-психологическое исследование – М.: ИНФРА-М, 2001. С. 34.

³ Судебная психиатрия: Руководство для врачей / Под ред. Т.В. Морозова. М., 1988. С. 90.

го полностью исключается вменяемость человека, поэтому, он не может нести уголовную ответственность за содеянное преступление.

Однако доказать состояние аффекта бывает довольно непросто. Для этого нужно провести судебно-психиатрическую экспертизу, которая подтвердит или опровергнет предполагаемый аффект. Но зачастую судьи выражают свое несогласие с результатами экспертизы, и тогда возникает необходимость в повторном судебно-психиатрическом исследовании.

Изучение объективных и субъективных признаков преступления необходимо не только для того, чтобы установить последовательность событий преступления и обстоятельства, в которых оно происходило, но, прежде всего это необходимо для того, чтобы правильно квалифицировать совершенное преступное деяние

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что убийство, совершенное в состоянии аффекта при наличии обстоятельств, указывающих на проявление особой жестокости виновным, может быть квалифицировано по ч.1 ст.107 или п. «д» ч. 2 ст.105 УК РФ только в тех случаях, когда наличествуют все признаки состава того или иного преступления. Отграничение этих составов на практике требует как высокого уровня юридических знаний, глубокого анализа объективных и субъективных признаков обоих составов преступлений, так и тщательного, всестороннего изучения фактических обстоятельств дела.

Купряшина Елена Александровна,
к.ю.н., доцент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института НИУ «БелГУ»
Четвериков Владимир Валентинович,
магистрант кафедры уголовного права и процесса
Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ (НА ПРИМЕРЕ СТ.228 УК РФ)

Субъективная сторона преступления также является одним из обязательных элементов состава абсолютно любого преступления. Общепринято, что внутреннюю (психическую) сторону противоправного деяния, содержание которой составляют вина, мотив, цель и эмоции лица, совершающего преступления – субъективная сторона состава преступления¹. В качестве основного и обязательного признака субъективной стороны является вина, а факультативные признаки представлены мотивом и целью. Представляется необходимым в рамках данной статьи провести анализ элементов, составляющих субъективную сторону преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ на примере ст. 228 УК РФ.

¹ Бриллиантов А.В. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Гроспект, 2015. С. 97.

Большинство ученых единогласны в том, что незаконные изготовление, приобретение, хранение, перевозка, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (ст. 228 УК РФ) совершаются исключительно с прямым умыслом¹.

Стоит не упустить из виду, что рассматриваемое преступление (ст. 228 УК РФ) по конструкции отнесено к числу формальных, соответственно, последствия находятся за рамками состава преступления. Однако, в преступлениях с формальными составами интеллектуальное и волевое отношение, необходимое для установления вины принято переносить с последствий на действие (бездействие). Согласимся, что «при формальных преступлениях у виновного отсутствует предвидение последствий в конкретной форме. Но совершающий формальное преступление сознает в большой форме, что его действие причиняет вредные последствия»².

Интеллектуальный момент прямого умысла для рассматриваемого преступления заключается в том, что лицо, совершающее данное преступление, должно осознавать опасность действий в отношении НСПВ или их аналогов, а также понимать существующий контроль со стороны государства в части оборота таких препаратов. В свою очередь волевой момент прямого умысла – характеризуется желанием лица совершить соответствующие деяния, общественную опасность которых оно осознает. Под желанием стоит понимать мобилизацию воли на тот или иной объект (предмет) в целях удовлетворения ощущаемой потребности посредством преступного посяательства³.

Мотив, как один из признаков субъективной стороны состава преступления для преступления, обозначенного ст. 228 УК РФ, не является обязательным признаком. Как правило, специалисты выделяют следующие мотивы: болезненное пристрастие к НСПВ или их аналогам; стремление достичь состояния эйфории, вызванного наркотическим опьянением, либо уйти от реальной действительности; любопытство, потребность в самоутверждении перед сверстниками, неверно толкуемая мода (характерны для подростков)⁴.

Кроме того, для правомерной квалификации содеянного по ч. 1 ст. 228 УК РФ необходимо установить, что у виновного отсутствовала цель сбыта при совершении такого деяния. Виновный, приобретая или храня НСПВ, не имеет умысла на передачу их в распоряжение другого лица. Об отсутствии намерения на сбыт может свидетельствовать наличие у виновного шприцев, вскрытых ампул и таблеток, устройств для переливания крови, других предметов, а также тот факт, что само лицо является

¹ См.: Гладких В.И., Федотов П.В., Шумов Р.Н. Уголовное право. Общая и Особенная части: Курс лекций. М., 2013. С. 287. Есаков Г.А. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. А.И. Раго. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2011. С. 568.

² Утевский Б. С. Вина в советском уголовном праве. М., 1960. С. 238.

³ Раго А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2003. С. 85.

⁴ Раго А. И. Там же. С. 85.

наркотическими средствами¹. Однако, на практике зачастую сотрудники правоохранительных органов на основании обнаружения у задержанного крупного или особо крупного размера наркотических средств усматривают наличие цели сбыта, при этом не подкрепляя обвинение другими доказательствами. Стоит согласиться, что значительное количество наркотических средств, обнаруженных и изъятых у задержанных, не указывает на наличие цели сбыта².

Изложенное позволяет сделать ряд выводов: во-первых, преступление, предусмотренное ст. 228 УК РФ совершается только с прямым умыслом, т.е. виновный осознает опасность своих действий с НСПВ или их аналогами, совершает незаконные действия с такими препаратами, при этом преследует свои те или иные цели, исключая цель сбыта таких препаратов; во-вторых, в большинстве случаев мотивом совершения таких деяний выступает болезненное пристрастие к НСПВ или их аналогам, либо стремление «уйти» от реальной действительности, любопытство, следование моде (характерно для подростковой среды); в-третьих, виновный, приобретая, храня, перевозя, изготавливая, перерабатывая запрещенные вещества, не должен иметь намерения передать их другому лицу, т.е. должна исключаться цель сбыта.

Таким образом, подводя итог изложенному выше, отметим, что субъектом преступления, образующего большинство составов незаконного оборота НСПВ или их аналогов, в т.ч. состав, предусмотренный ст. 228 УК РФ, признается вменяемое физическое лицо, достигшее на момент совершения общественно опасного деяния возраста шестнадцати лет.

Стоит добавить, что от правильного толкования характеристик субъекта и субъективной стороны преступлений, связанных с незаконным оборотом НСПВ или их аналогов во многом зависит соответствующая квалификация преступлений, предусмотренных ст. 228-233 УК РФ.

Мальцева Наталья Николаевна,
студентка Юридического института НИУ «БелГУ»
Научный руководитель – доц. А.В. Степанюк
(Белгород, Россия)

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ СОСТАВА КРИМИНАЛЬНОГО АБОРТА В УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ РОССИИ И КИТАЯ

Уголовное законодательство всех стран мирового сообщества включает в себя нормы, касающиеся незаконного проведения искусственного прерывания беременности (далее - ИПБ). По данным ученых-медиков более чем в 98% современных государств разрешение аборта обусловлено необходимостью спасения жизни беременной женщины, а в 62 % – направлено на сохранение ее физического или психического

¹ Бриллиантов А.В. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015. С. 597.

² Женимырзасва Б. Ж. Субъективная сторона незаконного оборота наркотических средств (сравнительно-правовой анализ ст. 228 УК РФ и ст. 246 УК Кыргызстана) // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 1 (56). С.48-51.

здоровья. Производство аборта в 42 % стран разрешено в случае наступления беременности вследствие изнасилования, инцеста. Дефекты, аномалии плода и иные медицинские показатели является причиной разрешения аборт более чем в 40% государств, социально-экономические показатели принимаются во внимание лишь в 29% стран. Совершение искусственного прерывания беременности «по просьбе» женщины предусмотрено немногим более чем 20% государств¹.

Позиция зарубежного законодателя относительно уголовно-правового регулирования производства ИПБ неоднородна. Это объясняется различным отношением к проблеме аборт, сложившимся в том или ином государстве и обществе под влиянием религиозных, национально-культурных, демографических и других факторов. Проведенное исследование позволило выделить три основных уголовно-правовых подхода к законодательному регулированию аборт: 1. Категоричный запрет (Афганистан, Иран, Ирак, Ирландия, Чили и другие); 2. Частичное разрешение по медицинским, социально-экономическим показателям (Великобритания, Мексика, Польша, Япония и другие); 3. Отсутствие запрета на аборт (страны СНГ, Италия, Канада, КНР, США и другие).

В рамках заявленной темы уделим предельное внимание сравнительно-правовому анализу юридической конструкции состава криминального аборт в отечественном уголовном праве и уголовном праве Китайской Народной Республики. Характеризуя место криминального аборт в системе Особенной части уголовного закона рассматриваемых государств, стоит заметить, что российский законодатель незаконное проведение искусственного прерывания беременности относит к преступлениям против личности (Раздел VII УК РФ), а именно против жизни и здоровья (гл. 16 УК РФ). Законодатель КНР анализируемое уголовно-наказуемое деяние поместил в § 5 «Преступления против общественного здравоохранения» главы 6 («Преступления против общественного порядка и правка управления»). Выявленные различия в определении объекта преступного посягательства, исходя из положения состава криминального аборт, занимаемого в системе УК РФ и УК КНР, обусловлены отличным друг от друга политическим курсом государств, культурными традициями, особенностями менталитета и иными религиозными, демографическими, социальными или национальными факторами.

Страна	УК КНР (ст. 336)	УК РФ (ст. 123)
Составообразующий признак, санкция	§1.самовольное проведение операции по прерыванию беременности лицом, не получившим квалификацию врача	ч. 1 проведение искусственного прерывания беременности лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля

¹Руженков В.А., Боева А.В., Дикарев Е.Р. Основы медицинской биоэтики: Учебное пособие. Белгород. 2009. С.202.

	– лишение свободы на срок до 3 лет, арест или надзор, штраф	– штраф (до 80 тысяч руб. или в размере з/п или иного дохода за период до 6 мес.); – обязательные работы (до 480 часов) исправительные работы (до 2 лет)
Квалифицирующий признак, санкция	§2. те же деяния, повлекшие серьезный вред здоровью лица, проходившего обследование – лишение свободы до 10 лет, штраф	Утратила силу. (Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ)
Особо квалифицирующий признак, санкция	§3. те же деяния, повлекшие причинение смерти лица, проходившего обследование – лишение свободы на срок от 10 и более лет, штраф.	ч. 3 то же деяние, если оно повлекло по неосторожности смерть потерпевшей либо причинение тяжкого вреда ее здоровью – принудительные работы (до 5 лет) – лишение свободы (до 5 лет) с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (до 3 лет)

РФ и КНР отнесены к группе либеральных стран, законодательство которых предоставляет женщине право самостоятельно решать вопрос о материнстве, включая реализацию права на искусственное прерывание беременности, исключая запрет на проведение такой операции. В России и Китае аборт «по желанию», порядок и условия их проведения прямо предусмотрены законодательством. Во многом это обуславливает наличие в УК РФ и УК КНР единственного вида преступления, образующего состав криминального аборта, которым является незаконное проведение ИПБ с согласия женщины. Критерий «незаконности», как составообразующий признак уголовного наказания, для России заключается в отсутствии у лица высшего медицинского образования соответствующего профиля (ч. 1 ст. 123 УК РФ), для Китая – отсутствие у лица квалификации врача (§1 ст. 336 УК КНР).

Примечательно, что иные критерии, в частности: срок беременности, место проведения ИПБ, наличие противопоказаний к проведению такой операции, – не учитываются ни российским, ни китайским законодателем при выстраивании уголовно-правовой политики в репродуктивной сфере. Наличие столь мягкой формулировки в уголовном законе, по мнению О.С. Капинус, определяет возможность безнаказанно проводить аборт «дилетантами» в любых условиях и на любом сроке беременности, конечно, при отсутствииотягчающих обстоятельств¹.

¹ Капинус О.С. Современное уголовное право в России и за рубежом: некоторые проблемы ответственности: Сборник статей. М.: Букмед. 2008. С. 254.

В том случае, когда проведение ИПБ осуществляется без согласия потенциальной матери, содеянное квалифицируется как причинение вреда здоровью. Считаем, что такой подход не вполне обоснован¹.

В УК РФ и УК КНР имеют место квалифицированные материальные составы криминального аборта, которые предполагают наступление последствий в виде причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшей или ее смерти.

Уголовная политика современных законодателей относительно регламентации санкции за криминальный аборт чрезвычайно разнообразна, а вид и размер наказания за рассматриваемое деяние варьируется от наказания как за тяжкое преступление до наказания как за малозначительное деяние. Во многом это обусловлено сложившимся отношением в том или ином обществе и государстве к такому социально-правовому явлению как аборт, а также правовыми нюансами, отражающими национально-культурные особенности страны, различия в ориентирах и методах уголовной политики². Более обоснованным, на наш взгляд, представляется подход зарубежного законодателя к регламентации видов и размеров наказания за квалифицированные составы криминального аборта. Это говорит о том, что *de lege lata* характер и степень вреда, причиненного при отягчающих обстоятельствах, свидетельствуют о повышенной степени общественной опасности преступного посягательства.

Изложенное еще раз доказывает тезис о том, что действующая редакция ст. 123 УК РФ, представляется несовершенной и требует пересмотра. В решении данной проблемы считаем целесообразным принимать во внимание многовариантность правового подхода зарубежных государств к регулированию указанной области. Согласимся с тем, что «восприятие наиболее эффективных методов», выработанных в иностранном уголовном праве, а также «заимствование наиболее эффективных уголовно-правовых институтов из зарубежного права», позволят разрешить задачи, стоящие перед российским государством³. Учет зарубежного опыта российским законодателем при выработке государственной политики в рассматриваемой области позволит оптимизировать применение отечественной уголовно-правовой нормы о незаконном прерывании искусственного прерывания беременности (ст. 123 УК РФ).

¹ См. подробнее: Мальцева Н.Н. Криминальный аборт и его модификации в уголовном законе современных государств // мат. II Всерос. науч.-практич. конф. «Грядущим поколениям завещаем: творить добро в защиту права» г. Оренбург, ОГУ, 16-18 марта 2016 года / отв. ред. Е.В. Ерохина. – ООО ИПБ «Университет». 2016. С. 491.

² Додонов В.Н., Капинус О.С. Незаконный аборт и современное уголовное право // Закон. 2005. № 10 / С. 94.

³ Дядюн К.В. Специфика регламентации ответственности за незаконное производство аборта по уголовному законодательству России и европейских стран // Юридические записки. 2014. № 2. С. 107.

Погорелов Дмитрий Викторович,
к.ю.н., доцент кафедры социологии и управления
Белгородского государственного технологического
университета им. В.Г. Шухова
(Белгород, Россия)

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЙ «ИННОВАЦИЯ» И «ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

Кризисные процессы в экономике и обусловленный ими курс на импортозамещение делают ключевыми такие категории, как инновация и инновационная деятельность. И если экономической теории они широко используются и обычно означают полный цикл производства новаторского продукта (от самой идеи до внедрения в производство)¹, то в праве данные явления должны еще анализироваться. В противовес международным санкциям Россия должна продолжить глобальную технократическую интеграцию, а для этого требуется современная нормативно-правовая база и соответствующая правовая методология.

В 1997, 1999 и 2010 гг. Государственная Дума РФ предпринимала попытки нормативно определить понятия «инновация», «инновационная деятельность» (см.: Проект федерального закона № 97090719-2 «Об инновационной деятельности в Российской Федерации». Снят с рассмотрения Советом Государственной Думы РФ 13 сентября 1999 г.; Проект Федерального закона № 99029071-2 «Об инновационной деятельности и государственной инновационной политике». Отклонен Президентом РФ 3 января 2000 г.).

Проект Федерального закона № 344994-5 «Об инновационной деятельности в Российской Федерации» (отклонен Государственной Думой РФ 5 октября 2010 г.) давал такие понятия:

- инновация – и оговый результат инновационной деятельности, полученный в виде новейшего или усовершенствованного продукта, технологии, который используется в экономической деятельности;

- инновационная деятельность – деятельность, целью которой является трансформация результатов интеллектуальной деятельности в виде изобретений, полезных моделей, промышленных образцов и пр.

Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике»² дает такие определения: инновации - введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях; инновационная деятельность - деятельность (включая научную, технологическую, организационную, финансовую и коммерческую деятельность), направленная на реализацию инновационных проектов, а также на создание инновационной инфраструктуры и обеспечение ее деятельности.

¹ См.: Глаголев С.Н., Моисеев В.В. Импортзамещение в экономике России: монография. Белгород. 2015. С. 12.

² Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 06.11.2013) «О науке и государственной научно-технической политике» // Собрание законодательства РФ. 1996. - № 35. - Ст. 4137.

Как видим, законодатель довольно широко трактует рассматриваемые понятия. Для полноты анализа стоит обратиться к лингвистической трактовке: слово *innovation* латинского происхождения и означает «обновление» или «улучшение», от него английское *innovation* – инновация. Подразумевается внесение в жизнь нового, научно-технические достижения в области науки и техники. Оксфордский толковый словарь понимает под инновацией какой-либо новейший метод в конструировании, производстве, сбыте, в результате применения которого инноватор получает приоритет перед конкурентами¹.

Для действующих нормативно-правовых актов характерно, что инновации инновационная деятельность понимается именно как экономические категории при том, что правовые исследования проблематики инновационных отношений не распространены. Едва ли не первым официальным определением инновационной деятельности явился тезис совместного письма, утвержденного Инновационным советом при Председателе Совета министров РСФСР 19 апреля 1991 г. и Министерство финансов РСФСР 14 мая 1991 г. «Об инновационных (внедренческих) сферах деятельности». Под этим понималось создание и использование интеллектуального продукта, новые оригинальные разработки, которые получили свое воплощение вплоть до готового товара. К такому письму относилось следующее: проверка, распространение изобретений, «ноу-хау», разработок, научных произведений, открытий, промышленных образцов, получение опытных образцов, проведение испытаний, новейшие технологии в производстве, патентно-лицензионная деятельность.

В дальнейшем нормативное определение инноваций получило своей закрепление в Постановлении Правительства РФ от 24 июля 1998 г. № 832 «О концепции инновационной политики Российской Федерации на 1998-2000 годы»². Инновация здесь определялась как итог инновационной деятельности, которая имеет в форму новейшего либо принципиально обновленного продукта, нацеленного на реализацию на рынке, новейшей или принципиально усовершенствованной технологии, нацеленной на практическое применение.

Правовое определение инноваций и инновационной деятельности осложнено тем, что за этими явлениями кроются чрезвычайно широкие по своему содержанию общественные отношения. И это закономерно, так как все они связаны с человеческим творчеством и трудовой деятельностью, которые в наше время носят всеобъемлющий и многосторонний характер. Инновации – это и результаты научной технической деятельности, и новые технологические решения, и новые организационные формы человеческого труда. Кроме того, вызывает вопрос о «привязке» инноваций к «коммерческой ценности», а этот признак мы видим почти во всех легальных определениях в отечественном праве. Д.В. Грибанов указывает на такие признаки инноваций: новизна; трансформация; интеллектуальная деятельность как основа; при

¹ Оксфордский толковый словарь английского языка. Oxford. - University Press. 2015.

² Постановление Правительства РФ от 24 июля 1998 г. № 832 «О концепции инновационной политики Российской Федерации на 1998 - 2000 годы» // Собрание законодательства РФ. 1998 № 32. Ст. 3886.

меняемость в производстве; коммерческая эффективность; экономическая выгода¹. Однако преобразование инновации в товар, который будет вследствие своей новизны пользоваться повышенным спросом, может быть обусловлено немалым отрезком времени. Рыночная востребованность инноваций диктуется конъюнктурой, обусловленной текущим положением дел в экономике. Поэтому принципиально новаторские решения, которые в силу своей дороговизны (а стоимость прорывных решений, как правило, высока) не могут стать объектом массового спроса, должны считаться инновациями, так как их коммерческая невостребованность может быть компенсирована в будущем (таковы, например, идеи создания водородного автомобильного двигателя, либо автомобиля на электрической тяге, которые ранее считались едва ли не абсурдными, а в настоящее время активно занимают место на потребительском рынке)². Кроме того, инновации не в каждом случае выражаются в товарной форме. Поэтому коммерциализация - потенциальное свойство инновации, может считаться ее факультативным признаком, но не обязательным.

Еще одним признаком можно считать то, что инновация не является предметом материального мира, она неовеществлена. Материальным объектом выступает только носитель инновации – документ или опытный образец. С этим связан еще один признак, который имеет уже чисто юридическое содержание – необходимость правовой защиты.

В праве отсутствует общепризнанная классификация инноваций. Например, классифицируют инновации по уровню новизны: радикальные и ординарные либо по сфере применения – управленческие, промышленно-производственные, социально-организационные. Иногда критериями классификации инноваций иногда выступают масштаб инноваций, их эффективность, этап научно-технического процесса, темпы выполнения.

В самом обобщенном критерии инновации можно разделить на две большие группы: технологические и нетехнологические. Технологические инновации строятся на средствах, методах, технологиях производства, они определяют научно-технический прогресс, а нетехнологические – это организационные, управленческие, социальные. Таким образом, данная классификация обусловлена инновационной деятельностью, которая является самостоятельной правовой категорией.

В выше указанном Постановлении Правительства РФ «О концепции инновационной политики Российской Федерации на 1998-2000 годы» инновационной деятельностью назывался процесс, предназначенный к реализации итогов завершенных научных исследований и разработок, воплощение научно-технических достижений в новую или усовершенствованную продукцию, реализуемую на рынке, в новую или усовершенствованную технологию, применяемую в практике.

Понятие инновационной деятельности подлежит достаточно широкой трактовке. Во-первых, в наиболее широком смысле, инновационная деятельность подразуме-

¹ См.: Грибанов Д.В. Ресурсы и правовое регулирование инновационной экономики // Российский юридический журнал. 2010. № 4. С. 144-155.

² См.: Рождественская Я. Toyota запускает водородомобиль // Коммерсантъ. 19 ноября 2014г.; Жук А.З., Клейменов Б.В., Фортов в.е., Шейндлин А.Е. Электромобиль на алюминиевом топливе. М.: Наука, 2012.

вает использование знаний в науке и технике в целях преобразования всевозможных сторон жизни общества. Во-вторых, в узком смысле, это деятельность, целью которой является обретение новейших научно-технических знаний с их последующей реализацией в отдельных сферах производства, для повышения конкурентоспособности товара.

Для того чтобы в полной мере осознать суть инновационной деятельности, следует выявить те общественные процессы, которые ею движут. Очевидно, что инновационные процессы сильно зависят от социально-экономических преобразований. Й. Шумпетер представил инновационную деятельность как основную функциональную характеристику предпринимательства. Он говорил о бизнесмене, изменяющего экономическую жизнь по принципу «большой частнохозяйственной целесообразности»¹. Отчасти можно считать инновационную деятельность по своей природе предпринимательской, так как она самодостаточна и всегда означает готовность субъекта принимать на себя все риски по выполнению новых проектов и брать на себя ответственность. Но все же формально-предпринимательские черты присущи этой деятельности только на завершающей стадии, ведь исследования теоретические и прикладные, экспериментирование не относятся к предпринимательству, это – научно-исследовательская и опытно-конструкторская деятельность. Что же касается коммерциализации готовых продуктов, их внедрение в производственные циклы, то на данной стадии инновационная деятельность становится публичной, и приобретает характер предпринимательской. Таким образом, видна специфика инновационной деятельности, успех которой определяется качеством научного знания поэтапно переходящего в качество технологических процессов, продукции, а затем в маркетинговые приемы при ее коммерческой реализации.

Сегодня перед Российской Федерацией стоит ряд серьезных задач, которые связаны с преодолением таких негативных факторов, как невостребованность инновационных разработок в предпринимательской среде, разрыв межгосударственных хозяйственных связей в сфере hi-tech в результате «западных санкций», слабая мотивация к повышению эффективности управления качеством, недостаточная организационная поддержка инновационной деятельности, все еще невысокие бизнес-культура и культуры производства, а также необходимость повышенной защиты результатов интеллектуальной деятельности. Для этого есть соответствующая база: сейчас в России работают около сорока инновационно-технологических центров, восьмидесяти технологических парков и около шестидесяти бизнес-инкубаторов. Нельзя также преуменьшать роль наукоградов, сосредоточивших научный потенциал оборонной промышленности и крупных исследовательских вузов. Кризисные явления в России должны смениться бурным социально-экономическим развитием.

¹ См.: Шумпетер Й. Теория экономического развития. М. 1982. С. 182.

Лишкова Оксана Сергеевна,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры трудового и предпринимательского права
Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ «НУЖДАЕМОСТИ» ПРИ ОКАЗАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В соответствии с законодательством Российской Федерации до принятия Федерального закона "О государственной социальной помощи" от 17 июля 1999 года точного и конкретного понятия государственной социальной помощи не существовало на законодательном уровне. Данное обстоятельство делало возможным произвольное определение государственной социальной помощи, что являлось значительным препятствием в её получении определённым группам лиц. Так, в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 19 февраля 1992 года №121¹ право на получение помощи предоставлялось особо нуждающимся пенсионерам, инвалидам, лицам, имеющим иждивенцев (детей и нетрудоспособных членов семьи), другим нетрудоспособным гражданам, у которых совокупный среднедушевой не превышает установленного на региональном уровне минимума. Контингент получателей помощи, её виды, формы и размер определялись органами социальной защиты населения в соответствии с установленными социальными нормативами и условиями.

По нашему мнению, такой подход к понятию государственной социальной помощи, ограничивал круг лиц, которые могли бы получать данную социальную помощь, а также не указывал за счёт каких средств выделяется данная помощь. Как следствие этого государством не гарантировалось получение малоимущим слоям населения социальной помощи, не устанавливался её минимальный размер, не был чётко очерчен круг лиц, которые могли бы получить данную помощь, а также порядок её получения. В результате данная неопределённость приводила к тому, что лица, которые особо нуждались в поддержке государства оказывались законодательно не защищёнными, что ещё больше ухудшало их положение.

В настоящее время категории малоимущих семей малоимущих одиноко проживающих граждан должны определяться из действительного критерия нуждаемости данных групп населения. Само понятие нуждаемости можно определить как, такое материальное положение, при котором индивидуальный доход гражданина или среднедушевой доход семьи ниже прожиточного минимума, по независящим от них причинам. В этом случае семья (одиноко проживающий гражданин) признаётся малоимущей и имеет право на получение государственной социальной помощи².

В связи с принятием Федерального Закона "О государственной социальной помощи", те пробелы и недоработки, которые имелись в ранее принятом законодательстве относительно чёткого и понятного определения данного вида

¹ См.: Об утверждении Положения о Республиканском (федеральном) и территориальных фондах социальной поддержки населения и мерах по обеспечению деятельности этих фондов : Постановление Правительства РФ от 19.02.1992 № 121 (ред. от 24.05.1995) // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Мачульская Е.Е. Право социального обеспечения. М., 2015. С. 186.

помощи будут устранены и ситуация должна измениться в лучшую сторону.

Одной из характерных черт данной помощи является то, что она носит адресный характер, т.е. в соответствии с данным определением конкретно определён круг получателей государственной социальной помощи. Ими могут быть только малоимущие семьи или малоимущие одиноко проживающие граждане, которые по независящим от них причинам имеют среднедушевой доход ниже величины прожиточного минимума, установленного в соответствующем субъекте России.

Ряд учёных, не согласных с данной концепцией государства, считают, что главное сейчас выделить приоритеты и сосредоточить немногие имеющиеся государства ресурсы предназначенные для социальной сферы, на поддержании минимальных государственных стандартов жизни населения по потреблению продовольствия, лекарств, тепловой и электрической энергии, транспортного другого коммунального обслуживания¹.

Царящий в экономике и социальной сфере управленческий хаос грозит ослаблением центростремительных сил в рамках Федерации. Начинать его преодоление следовало бы с наведения порядка в законодательстве, в том числе социальном. Речь идёт о создании кодекса социального обеспечения, включающей сквозную, прозрачную и внутренне согласованную систему гарантий и правил, что сняло бы многие противоречия в социальном обеспечении и обслуживании, ввело унификацию, способствовало бы экономии, в частности, путём ограничения количества льгот для одного пользователя (с предоставлением ему права выбора в виде «социального ваучера»)².

Но законодательными изменениями дело не исчерпывается: надо чётко сформулировать основные принципы социальной политики и следовать им неукоснительно, учитывая снижение роли государства в социальной защите населения.

Что же касается второго отличительного признака действующего определения государственной социальной помощи, то это законодательно закреплённое указание на источники финансирования данного вида помощи. В соответствии со ст. 5 Закона «О государственной социальной помощи»³ ими являются средства федерального бюджета, средства бюджетов субъектов Российской Федерации и средства местных бюджетов. В случае недостаточности средств бюджетов субъектов и средств местных бюджетов на оказание государственной социальной помощи, такие средства выделяются субъектам Российской Федерации и органам местного самоуправления за счёт средств бюджета вышестоящего уровня бюджетной системы РФ и дополнительных источников в порядке, установленном законодательством.

Данное положение указывает на то, что при принятии и утверждении бюджета Российской Федерации и бюджетов субъектов нашей страны должны учитывать

¹ См.: Барков Л.В. Социальное обслуживание в условиях рыночной экономики: современные тенденции и перспективы развития // Трудовое право. 2014. № 9. С. 22.

² См.: Новикова В.В., Фомин А.А. Социальная помощь как объект правового регулирования: общетеоретический и отраслевой аспекты // Ленинградский юридический журнал. 2014. № 4. С. 230.

³ См.: О государственной социальной помощи : Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ (ред. 29.12.2015) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 29. Ст. 3699.

реальные средства, направленные на оказание государственной социальной помощи малоимущим слоям населения. Необходимо законодательно предусмотреть и образование внебюджетного фонда для реализации социальной помощи. Полагаю, что в противном случае, может оказаться так, что данное положение будет оставаться на бумаге и не сможет реализовываться из-за нехватки денежных средств в бюджетах разных уровней.

Следующей чертой государственной социальной помощи является то, что она предоставляется в виде денежных выплат и натуральной помощи. Денежные выплаты предоставляются малоимущим гражданам в виде социальных пособий, субсидий и компенсаций. Под социальным пособием понимается безвозмездное предоставление гражданам определённой денежной суммы за счёт средств соответствующих бюджетов бюджетной системы Российской Федерации¹.

Под субсидией понимается целевое назначение оплаты предоставляемых гражданам материальных благ или оказываемых услуг. Под компенсацией - возмещение гражданам произведённых ими расходов, установленных законодательством. Кроме денежных выплат Закон предусматривает возможность её оказания в натуральной форме. Как указывает Б. Долотин, Закон "О государственной социальной помощи" даёт органам исполнительной власти самые широкие полномочия: они вправе оказывать помощь как в виде денежных выплат, так и в натуральной форме. Данное положение позволяет утверждать, что при недостатке денежных средств местные власти, как правило, всегда имеют возможность помочь топливом, продуктами питания, одеждой, обувью, медикаментами и т.п.²

Отличительной чертой государственной социальной помощи, по нашему мнению, является её временный характер. В соответствии со ст.6 Закона "О государственной социальной помощи" она может оказываться одновременно или на период не менее трёх месяцев. Кроме того, статья 10 Закона говорит об основаниях прекращения государственной социальной помощи, что указывает на её временный характер.

Таким образом, учитывая вышесказанное, можно утверждать, что определение государственной социальной помощи, закреплённое на законодательном уровне является необходимой гарантией для реализации гражданами своих конституционных прав. В настоящее время в Российской Федерации за чертой бедности находится большое количество семей и граждан, которые не могут по независящим от них обстоятельствам обеспечить себе прожиточный минимум и принятие закона о государственной помощи, который законодательно закрепил определение государственной социальной помощи, контингент её получателей и источников формирования средств на оказание данной помощи является важным этапом развития Российской Федерации как социального государства.

Современная экономическая ситуация диктует необходимость повышения эффективности социальной политики, концентрации усилий на решении наиболее

¹ См.: Комментарий к Федеральному закону от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ "О государственной социальной помощи" (постатейный) // Под ред. Э.Р. Курманова // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Долотин Б. Обеспечить реальную адресную помощь // Социальное обеспечение. 2012. № 11. С.29.

острых социальных проблем, выработки новых механизмов реализации социальной политики, обеспечивающих более рациональное финансовых и материальных ресурсов.

Стратегическими целями социальной политики для России в нынешний период проведения социальных реформ являются: достижение ощутимого улучшения материального положения и условий жизни людей; обеспечение эффективной занятости населения, повышение качества и конкурентоспособности рабочей силы; гарантия конституционных прав граждан в области труда, социальной защиты населения, образования, охраны здоровья, культуры, обеспечения жильём; существенное улучшение социальной инфраструктуры.

В соответствии со ст. 3 Федерального закона "О государственной социальной помощи" целями оказания данной помощи являются: поддержание уровня жизни малоимущих семей, а также малоимущих одиноко проживающих граждан, среднедушевой доход которых ниже величины прожиточного минимума, установленного в соответствующем субъекте Российской Федерации; субъекте Российской Федерации; адресное и рациональное использование бюджетных средств.

Основной целью оказания государственной социальной помощи является поддержание уровня жизни малоимущих семей, а также малоимущих одиноко проживающих граждан¹.

Важный показатель уровня жизни - минимальный прожиточный минимум. Минимальный прожиточный минимум является своеобразной точкой отсчёта бедности. Бедные, или малоимущие, - это люди, чей месячный доход на одного члена семьи меньше минимального прожиточного минимума². Среди малоимущих, прежде всего, частично или полностью нетрудоспособные, многие из которых не имеют близких родственников, пенсионеры, инвалиды, многодетные семьи, неблагополучные семьи, одинокие пожилые люди. Следовательно, основной целью государственной социальной помощи является поддержка малоимущих групп населения: семей и одиноких граждан, которые проживают на сегодняшний день за чертой бедности и не могут обеспечить себя и членов своей семьи самым необходимым.

Кравцова Елена Александровна,
к.ю.н., доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Белгородского юридического института
Министерства внутренних дел России имени И.Д. Путилина
(Белгород, Россия)

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Усложнение построения общества и увеличение количества задач, стоящих перед государством, приводят к разрастанию государственного аппарата. При этом

¹ См.: Сулейманова В.И. Социальное обеспечение и социальное страхование. М., 2013. С.67.

² См.: О прожиточном минимуме в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.10.1997 № 134-ФЗ (ред. от 03.12.2012) // Собрание законодательства РФ. 27.10.1997. № 43. Ст. 4904.

государственный аппарат входят не только органы, на которые возложено исполнение государственно-властных полномочий (органы государственной власти), но и органы, основной задачей которых является содействие органам государственной власти в выполнении ими своих полномочий, обеспечение их деятельности. В современной литературе такие органы называют «вспомогательными органами»¹.

Одним из первых выделил и обосновал необходимость существования вспомогательных органов знаменитый юрист начала XX в. П.М. Коркунов. Он предлагал различать среди государственных органов два вида – решающие (органы государственной власти) и содействующие (вспомогательные органы): «Обращаясь собственно к устройству государственных учреждений, мы видим, что из числа лиц, составляющих учреждение, одни решают, как именно распорядиться вверенной им функцией власти, другие – только содействуют так или иначе решающим. Поэтому организация государственных учреждений сама складывается из органов двоякого рода – решающих и содействующих. Решающие органы суть собственно прямые, непосредственные органы государственной власти, в тесном смысле слова органы власти. Органы содействующие не суть непосредственные органы государственной власти, а только содействуют решающим органам»².

Исторический анализ построения и функционирования органов государственной власти позволяет сделать вывод, что до XVI века органы государства невозможно разделить на органы, обладающие государственно-властными полномочиями и не обладающие таковыми.

Высшим органом власти в Древнерусском государстве являлось вече, которое было органом народного представительства. На вече решались вопросы войны и мира, избирались высшие должностные лица, призывались и изгонялись князья и т.д. Вече не было постоянно действующим органом и собиралось только в случае необходимости решения наиболее важных вопросов. Как правило, инициаторами проведения вече выступали князь, старосты, либо коллегия, состоящая из посадников, тысяцкого, кончанских (районных) старост и др. В таком случае они готовили повестку, проекты решений. Эта же коллегия осуществляла руководство текущими делами. Называлась она осподой³. Оспода выполняла функции вспомогательного органа: готовила повестку вече, оповещала о времени его проведения, оформляла решения, принятые на нем. В то же время, оспода брала на себя выполнение части государственно-властных полномочий, обычно по поручению князя, который осуществлял функции исполнительной власти, назначая себе помощников и перекладывая на них часть своих полномочий. Компетенция должностных лиц, назначаемых князем, была

¹ См.: Петровский Д.Н. Понятие, признаки, виды и значение вспомогательных органов при главе государства. [Электронный ресурс]. – Электрон.дан. Режим доступа : <http://oad.gaga.ru/vestnikrags/issues/issue0207/020705.htm> Загл. с экрана; Осавелюк А.М. Вспомогательный аппарат высших органов государственной власти в механизме государства: Дисс. ... д. юрид. наук. М., 2007.

² Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. (Репринтное издание 6-го издан. СПб., 1904). С-Пб.: «Юридич. Центр Пресс». 2003. С. 304.

³ Шевелев В.И. Аппарат государственной думы – представительного и законодательного органа (теоретические, историко-правовые и политико-правовые аспекты организации и деятельности) Дис... к.ю.н. М., 2003. С.51.

размыта. Каждому из состоящих при нем лиц могло быть поручено любое поручение, на усмотрение князя. Таким образом, на ранней стадии развития государства, государственный аппарат был крайне примитивным и фактически состоял из отдельных должностных лиц, выполнявших те или иные государственные функции.

Вышеописанная система управления сохранялась на Руси с незначительными изменениями достаточно долго – до становления унитарного Московского государства, формирование которого завершилось к концу XV века.

«События и процессы, имевшие место в России XVI в., во многом предопределили направление и темпы последующего развития страны. Именно в данный период а) завершился процесс объединения различных земель в единое Российское государство; б) сформировался механизм управления государством; в) определился характер взаимоотношений между государством и феодалами (полное бесправие); г) оформились отношения между феодалами и крестьянами (крепостное право), – которые с модификациями просуществовали свыше трех столетий до начала XX в.»¹

Для поддержания порядка в формируемом государстве нужны были карательные и судебные органы, сильная армия, преданная князю, способная противостоять татаро-монгольскому игу и пресекать попытки децентрализации государства.

По мере усложнения задач государства и увеличения его территории изменялось и усложнялось устройство государственного аппарата. Появлялись постоянно действующие государственные учреждения со штатом чиновников, вводилось письменное делопроизводство. За каждым государственным учреждением закреплялись свои функции.

Появление первых государственных учреждений в России датируют концом XV – серединой XVI в. К этому времени можно отнести и появление первых вспомогательных органов, в функции которых не входило выполнение функций государственного управления. Такими лицами можно назвать дьяков – служащих приказов, не наделенных государственно-властными полномочиями. «К концу XVII века в приказах насчитывалось 178 дьяков (часть из них вела дела Думы). Судьям и дьякам подчинялись подьячные. Дьяки и подьячные руководили составлением документов: средние готовили тексты, наводили справки в архиве приказа; младшие осуществляли техническую работу по переписке документов набело»².

Постепенно количество лиц, осуществляющих вспомогательные функции, увеличивается, но качественный скачок в росте вспомогательных органов приходится на XX век. Усиление промышленного производства, усложнение управления обществом, локальные и мировые войны, социальные катаклизмы, усложнение делопроизводства и увеличение количества нормативных предписаний приводит к резкому разрастанию и усложнению государственного аппарата, в том числе и его вспомогательных органов. И если в отношении исполнительных органов государственной власти мы можем говорить о том, что их численность росла относительно стабильно и постепенно, при этом сохранялась тенденция не выделять вспомогательные органы в отдельные юр-

¹ История государственного управления России. Учебник / Отв. ред. В.Г. Игнатов. Ростов н/Д: Феникс, 2002. С. 54.

² Шепелев Л.Е. Чиновный мир России: XVII- началоXX в. С-Пб: «Искусство», 2001. 479 с.

дические лица, а рассматривать их как часть структуры исполнительных органов, то в отношении законодательной ветви власти наблюдается совершенно иная картина.

Точкой отсчета для усиления роли вспомогательных органов при законодательных (представительных) органах государственной власти стал конец 60-х – начало 70-х годов XX века. Данные вспомогательные органы получили свое название – аппарат. Как замечает Климантова Г.И., «резкое увеличение с середины 70-х годов численности аппарата парламентов было вызвано усложнением законодательного процесса и активизацией законодательной деятельности, а также необходимостью обеспечивать законодательные органы достоверной, исходящей от независимых компетентных источников информацией, позволяющей законодателям разрабатывать собственные законопроекты и объективно оценить предложения исполнительной власти»¹.

Конституция Российской Федерации 1993 года (ст. 10) исходит из деления органов государственной власти на законодательные, исполнительные и судебные. При каждой из ветвей власти в обязательном порядке образуются и функционируют вспомогательные органы, обеспечивающие выполнение полномочий органами государственной власти. Однако о вспомогательных органах, обеспечивающих деятельность органов государственной власти в Конституции упоминается только в отношении Президента РФ, который, согласно ст. 83 Конституции, формирует Администрацию Президента.

Тем не менее, необходимость их существования закрепляется в других нормативных актах. Так, ст. 32 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» устанавливает, что обеспечение работы суда осуществляет аппарат суда, работники которого являются государственными служащими. Ст. 47 Федерального конституционного закона от 17.12.1997 № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» устанавливает, что для обеспечения деятельности Правительства Российской Федерации и организации контроля за выполнением органами исполнительной власти решений, принятых Правительством Российской Федерации, образуется Аппарат Правительства Российской Федерации, который взаимодействует с Администрацией Президента Российской Федерации и аппаратами палат Федерального Собрания. Существование аппарата Государственной Думы устанавливается ст. 78 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации², однако закрепление данного предписания не в законе, а подзаконном нормативном акте связано не с тем, что данному органу придается недостаточное значение, а с тем, что закона о деятельности Государственной Думы на данный момент просто не существует.

Существование вспомогательных органов при органах государственной власти субъектов отражается, как правило, непосредственно в Основных законах субъектов. Так, в Уставе Белгородской области содержатся две статьи: 34 и 45, которые опреде-

¹ Некоторые особенности законодательного регулирования статуса аппарата парламентов ряда зарубежных стран./ под ред. Г.И. Климантовой// Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 1999. № 20 (108). С. 7.

² Постановление ГД ФС РФ от 22.01.1998 N 2134-II ГД (ред. от 18.12.2015) «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс».

ляют наличие вспомогательного органа Белгородской областной Думы – аппарата, а также наличие вспомогательного органа Правительства Белгородской области – Администрации Белгородской области.

Нормы Устава Воронежской области (ст. ст. 26, 41, 47) не только устанавливают наличие аппаратов губернатора и правительства Воронежской области, а также аппарата областной Думы, но и частично определяют их структуру и полномочия.

Исторический анализ образования и развития вспомогательных органов позволяет сделать вывод о том, что в дальнейшем государственный аппарат будет только разрастаться, а количество чиновников увеличиваться. Это неизбежный исторический процесс. Именно поэтому необходимо четко структурировать систему государственных органов с указанием функций каждого из них и не допускать бесконтрольного разрастания аппарата.

Пономаренко Наталья Юрьевна,
аспирант кафедры судебной экспертизы и криминалистики
Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

ОПЕРАТИВНО-ТАКТИЧЕСКАЯ КОМБИНАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА РЕЗУЛЬТАТАМИ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Практика расследования преступлений основана не только на процессуальных средствах собирания доказательств, реализация которых связана с криминалистическими рекомендациями проведения того или иного следственного действия или тактической операции, но также и на не процессуальных средствах собирания ориентирной криминалистически значимой информации. Последняя может быть воспринята предварительным расследованием в соответствии с процедурами, предусмотренными ст. 89 УПК РФ, либо положениями, определенными Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹.

Основным криминалистическим средством реализации в интересах задач и целей предварительного расследования положений указанных федеральных законов является оперативно-тактическая комбинация, так как посредством ее реализации возможно процессуальное конвертирование в материалы уголовного дела оперативно-розыскных сведений, отвечающих требованиям, предъявляемым к процессуальным доказательствам.

Криминалистическая энциклопедия определяет оперативную-тактическую комбинацию как «сочетание гласных и негласных оперативно-розыскных мер, объединенных единым замыслом, в целях решения конкретной задачи оперативно-розыскной деятельности»². Автор энциклопедии Р.С. Белкин, указывает на то обстоятельство, что она (оперативная комбинация – Н.П.) может быть составной частью

¹ Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Российская газета. 1995. 18 августа.

² Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М.: Издательство БЕК, 1997. С. 145.

тактической комбинации. В его понимании это «определенное сочетание тактических приемов или следственных и иных действий, объединенных единым замыслом и обусловленных конкретной следственной ситуацией»¹.

Н.Е. Мерещкий рассматривает оперативно-тактическую комбинацию в качестве закономерного комплексного сочетания нескольких тактических и оперативных комбинаций, для решения конкретной задачи в определенной следственной ситуации. Такое толкование данного понятия указывает на тот факт, что его следует отнести к средствам предварительного расследования, основанным на взаимодействии следователя и оперативных сотрудников, так как в содержание оперативно-тактической комбинации, по мнению Н.Е. Мерещкого, присутствуют тактические комбинации – средство решения задачи следователем и оперативные комбинации – средство решения задачи оперативными сотрудниками².

В этой связи мы солидарны с Р.С. Белкиным, который считает, что оперативно-тактическая комбинация самостоятельное оперативно-розыскное понятие и оно, как средство, в зависимости от целей оперативно-розыскной деятельности может быть реализовано как самостоятельно оперативным сотрудником, так и в системе средств предварительного расследования, а, равно как и в тактической операции планируемой следователем, на основе принципов процессуального взаимодействия.

Таким образом, под оперативно-тактической комбинацией мы понимаем систему оперативно-розыскных мероприятий, связанных одной задачей и реализуемых гласно и негласно оперативными подразделениями уполномоченных государственных органов в пределах их полномочий в соответствии с оперативно-тактическими решениями на стадии возбуждения уголовного дела и его предварительного расследования с целями собирания доказательств и ориентирующей криминалистически значимой информации, эффективного управления оперативно-тактической ситуацией и ситуацией расследования преступления, выполнения положений закона об оперативно-розыскной деятельности, а также назначения уголовного судопроизводства.

Результаты ОРД, полученные посредством реализации оперативно-тактической комбинации, не всегда могут иметь процессуальное значение и официальным порядком использоваться в уголовном судопроизводстве. Зачастую они выступают как криминалистически значимая информация использование которой приносит эффект целям следственных действий, причины этому разные и в первую очередь они связаны с реализацией оперативно-розыскного принципа конспирации.

Оперативно-тактические комбинации в уголовном судопроизводстве могут быть использованы как средства способные обеспечить следователю достоверную криминалистически значимую информацию относительно подтверждения либо опровержения тех или иных фактов значимых для расследования преступления. В этом заключается одно из их преимуществ относительно следственных действий, так как оперативно-тактические комбинации обычно малозатратны по задействованным силам и средствам к планируемому их применению результату. Например, существенный эффект это свойство имеет относительно проверок следственных версий, что

¹ Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М.: Издательство БЕК, 1997. С. 222.

² Мерещкий Н.Е. Применение оперативно-тактических комбинаций в раскрытии и расследовании преступлений: дис ... докт. юрид. наук. М., 2001.

позволяет сократить их количество в процессе раскрытия преступления и способству-
ет определению новых перспективных направлений следственной работы.

Наибольший эффект назначению уголовного судопроизводства оперативно-
тактические комбинации при возбуждении уголовного дела и предвари-
тельном расследовании преступления, то есть когда они «работают» в системе
средств доказывания, где следователь является процессуальным субъектом, который
осуществляет общее руководство расследованием и отвечает перед законом и обще-
ством за его результаты.

Практика свидетельствует, что результаты ОРД, как итог оперативно-
тактической комбинации могут служить источником как повода, так и основания к
возбуждению уголовного дела, а также являться средством, которое закрепляет осно-
вания в стадии возбуждения уголовного дела с тем, чтобы посредством процессуаль-
ной конвертации они в дальнейшем могли бы быть использованы как доказательства
преступления. Мы имеем в виду основания, как достоверную информацию по сово-
купности и качеству (фактические данные), указывающие на подготовку или совер-
шение деяния, подпадающего под признаки какого-либо преступления.

Однако неизмеримо больший эффект результаты оперативно-тактической ком-
бинации имеют в процессе доказывания, что соответствует стадии предварительного
расследования преступлений.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ определяет доказывание как процесс
связанный со сбором, проверкой, оценкой доказательств в целях установления: собы-
тия преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения пре-
ступления); виновности лица в совершении преступления, форм его вины и мотивов
обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого; характера и размера вреда
причиненного преступлением; обстоятельств, исключающих преступность и наказа-
емость деяния, смягчающих и отягчающих наказание; наконец, обстоятельств, которые
могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания (ст
85 УПК РФ).

Совершенно очевидно, что установление следователем такого количества об-
стоятельств без сопровождения предварительного расследования оперативными спо-
собами и средствами практически невозможно. Оперативно-тактическая комбинация
одно из таких средств, так как в основе его реализации лежит функция познания, хот
и отличная от уголовно-процессуального познания, но тесно связанная с ним, по то
причине, что результаты оперативно-тактической комбинации, кроме того, что он
предоставляют следователю криминалистически значимую информацию еще создаю
основы для формирования всех видов доказательств, в том числе на основе условий
предпосылок их установления.

Совершенно очевидно, что собранные посредством оперативно-тактическо
комбинации фактические данные (криминалистически значима информация) без и
подтверждения уголовно-процессуальным путем, доказательствами не являются. Н
этом основании ст. 11 ФЗ об ОРД и определяет возможность использования опер
тивно-розыскных средств в доказывании по уголовным делам на основе положени
УПК РФ. Этот кодифицированный нормативный акт определяет процессуальны
процедуры, связанные с собиранием, проверкой и оценкой доказательств, а ст. 8

УПК РФ прямо запрещает использовать в процессе доказывания результаты оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам уголовно-процессуальными нормами. Это требование напрямую относится и к результатам оперативно-тактической комбинации, когда она реализуется в рамках предварительного расследования.

Процесс собирания доказательств в ходе предварительного расследования преступлений основан на деятельности управомоченных на это процессуальных субъектов, которая связана с процессом поиска и обнаружения источников доказательственной и криминалистически значимой информации, получении из них сведений об обстоятельствах, имеющих значение для расследования и закреплении добытых сведений, установленным процессуальным законом порядком.

Приведенный выше тезис указывает в первую очередь на тот факт, что главным в процессе собирания доказательств является поиск и обнаружение носителя информации. Не обнаружив источник, нельзя обнаружить и сведения. Трудно поспорить с тем, что посредством оперативно-тактической комбинации это сделать легче, чем через производство следственного действия. Задача этого оперативно-розыскного средства заключается в отыскании предметов со следами преступления, людей, в сознании которых запечатлелись существенные для расследования обстоятельства и пр., то есть источников и (или) носителей информации.

Диспозиции отдельных материальных уголовно-правовых норм определены законодателем таким образом, что установление механизма совершенного преступления требуется настолько точно, что та или иная частная ошибка может привести все расследование в тупик. Так, например, не обнаружение в процессе расследования орудия или средства преступления в отдельных ситуациях не позволяет доказать наличие как самого состава преступления, так и причастности к нему заподозренного лица. В решении таких задач предварительного расследования оперативно-тактическая комбинация является наиболее эффективным средством, посредством реализации которого возникают условия для производства следственных действий по собиранию необходимых доказательств.

Очевидным является и преимущество оперативно-тактической комбинации в ситуациях, когда преступление совершено в условиях неочевидности, уголовное дело возбуждено, а лицо совершившее преступление не установлено. Указанное оперативно-розыскное средство на основе использования соответствующих методов обеспечивает расследованию возможность отыскания свидетелей, характеризующей потерпевшего информации, собирания иной криминалистически значимой информации, которая может стать основой для выдвижения следственных версий и планирования, уточнения характера следственных ситуаций первоначального следственного этапа.

Сведения, полученные на основе оперативно-тактической комбинации, часто могут быть использованы следователем для обоснования целесообразности производства конкретных следственных действий, установления определенного порядка их проведения, выбора тактики для каждого из них, а также выбора определенной методики расследования для конкретного его этапа. Это напрямую касается не только следственных, но и процессуальных действий по расследованию преступления. Иными словами, результаты оперативно-тактической комбинации в процессе предвари-

тельного расследования преступлений могут выступать предпосылками следственных и процессуальных действий, быть использованы для обоснования их проведения и являться условиями их проведения.

Шапоренко Анастасия Андреевна,
научный сотрудник отдела координации, организации и планирования
научно-исследовательской работы ФКУ НИИ ФСИН России
(Москва, Россия)

НЕОБХОДИМЫЕ ОСНОВАНИЯ ПОСТАНОВКИ ОСУЖДЕННЫХ НА ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЙ УЧЕТ

Для постановки осужденного на профилактический учет, необходимо наличие достоверных и обоснованных оснований подтверждающих наличие умысла (или уже совершенного) противоправного деяния. Основная задача предупреждения преступлений в исправительных учреждениях, состоит в устранении антиобщественных посягательств со стороны осужденных, и тем самым создавая необходимые условия деятельности исправительного учреждения для реализации основной цели уголовно-исполнительного законодательства – исправление осужденных. Профилактический учет имеет своей целью предупреждение правонарушений со стороны лиц содержащихся в местах лишения свободы, по средствам системы профилактических мероприятий.

Профилактический учет в исправительных учреждениях, прежде всего, предназначен для обнаружения противоправных действий на стадии умысла и принятия мер превентивного характера с целью недопущения реализации противоправных намерений¹.

Профилактическую деятельность принято рассматривать в широком и узком значении. В широком смысле – это деятельность по недопущению конкретных преступлений, а в узком – деятельность по выявлению причин и условий, способствующих совершению преступлений, проведению с ними необходимых профилактических мероприятий. Совокупность этих значений и образует единое понятие «профилактика преступлений»².

Пономарев С.А профилактический учет понимает как уголовно исполнительная мера предупредительного характера, заключающаяся в регистрации, сборе, накоплении и использовании в предупредительных целях информации о динамике криминальной активности осужденного в период отбывания наказания³.

Авторский коллектив комментария к Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС определяет, что профилактический учет – это совокупность персонализированных учетных карточек на лиц подлежащих воспитательно-профилактическому воздействию, журналов регистрации

¹ Исиченко А.П., Фумм А.М. Инструкция по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы: новые и старые ошибки. Российский следователь. 2014. №18. С. 49-52.

² См.: Аванесов Г.А. Криминология. Изд. 2-е. М., 1984. С. 339.

³ Пономарев С.А. Профилактический учет в системе мер предупреждения пенитенциарной преступности (результаты теоретико-прикладного исследования). Вестник Самарского юридического института. 2015. №2 (16). С. 136-138.

учетных карточек, планшетов (фотостендов), в которые они помещаются, и списков указанных лиц, которыми обеспечиваются все службы учреждения УИС, организующие профилактическую работу¹.

Проанализировав оба понятия, мы приходим к следующему выводу: профилактический учет – система режимных, оперативных, воспитательных и психологических мер, направленных на склонение осужденного к отказу от преступных посягательств, а также создание условий, при которых у лица отсутствует возможность совершения противоправного деяния.

Инструкция по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы², определяет, что основанием постановки осужденного на профилактический учет являются наличие достоверных и проверенных сведений о его намерениях совершить правонарушение или негативном влиянии на других осужденных, а также медицинские и психологические показания.

Под достоверными сведениями необходимо понимать, знания, информацию, факты не вызывающие сомнений, достоверность которых определяется в ходе проверок путем гласных (не гласных) мероприятий оперативным отделом учреждения.

Потенциальные подучетные лица выявляются путем: изучения личных дел осужденных; сбора информации, полученной от сотрудников подразделений учреждения; информации поступившей из других источников; при обращении осужденного с заявлением; изучении документации (регистрационных книг и журналов); при проведении обысковых мероприятий и изъятии запрещенных предметов; выявления факта публичного призыва к совершению преступлений.

При изучении личного дела осужденного необходимо обращать внимание на следующие документы: в приговоре может быть, информация состояло ли лицо на учете в лечебно-профилактическом учреждении; сведения, состоял ли осужденный в следственном изоляторе (или другом исправительном учреждении) на профилактическом учете – учетная карточка, выписка из протокола заседания комиссии по постановке (снятию) на профилактический учет, рапорт сотрудника о целесообразности постановки на профилактический учет и др. материалы; наличие дисциплинарных взысканий. Особое внимание необходимо обратить на факт допущенного нарушения, т.к. некоторые нарушения установленного порядка отбывания наказания влекут за собой автоматическую постановку на профилактический учет; проведенная индивидуально-воспитательная работа, отраженная в дневнике воспитательной работы (темы бесед и отношение к ним); характеристика осужденного; психологическое обследование.

При прибытии осужденного в исправительное учреждение с наличием документов в личном деле подтверждающих факт профилактического учета, лицо автоматически ставится на профилактический учет по той же категории, на которой он состоял в другом учреждении.

¹Комментарий к Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы. – М.: ОУ ФСИН России, ФКУ НИИ ФСИН России, 2014. 45 с.

²Приказ Министерства юстиции Российской Федерации (Минюст России) от 20 мая 2013 г. N 72 г. Москва "Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы", опубликован в Российской газете 05.06.2013, вступил в силу 20.05.2013.

Под сбором информации полученной от сотрудников учреждения понимается наличие сведений у сотрудников воспитательной работы с осужденными, оперативного отдела, режима, охраны, отдела специального учета, психологической лаборатории, профессионального училища, школы, предприятия, медицинской части. В этом случае сотрудник составляет рапорт на имя начальника учреждения, в котором указывает имеющуюся информацию о намерениях осужденного совершить противозаконное деяние¹.

Под информацией, поступившей от других источников можно считать оперативную информацию, полученную в ходе проведения гласных и негласных мероприятий; информацию, полученную в ходе цензуры корреспонденции осужденных в которой усматривается наличие о готовящемся (или уже совершенном) противоправном деянии; при контроле телефонных разговоров и т.п.

Неоспоримым основанием будет служить совершение, или даже попытка совершения преступления, например приготовление к побегу. Приготовлением, в данном случае, понимается изготовление лицом веревок с закрепленными к ним присоборенными крюков, якорей, лестниц и т.д.; разработка карт, схем, планов, как территории исправительного учреждения, так и места дислокации колонии; в некоторых случаях даже приближение к ограждению запретной зоны, без разрешения сотрудников администрации учреждения, будет усматриваться как попытка к побегу.

Под публичными призывами осужденного к совершению преступлений можно считать высказывания лица о целесообразности, необходимости совершения противоправного действия посредством уговоров, подкупа, угрозы, совета. Публичность в данном случае выражается в присутствии третьих лиц.

Под негативным влиянием на других осужденных следует понимать: изучение пропаганды, исповедование или распространение экстремистской идеологии; подержание криминальной субкультуры и ее распространение; призывы к противодействию законным требованиям администрации учреждения и др.

Инструкция по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, предусматривает исчерпывающий перечень оснований постановки осужденных на профилактический учет, однако в должной степени их не раскрывает, что вызывает определенные затруднения сотрудников ИУ на практике.

Постановка осужденных на профилактический учет – это не только мера предупредительного характера в борьбе с пенитенциарной преступностью, но и часть процесса исправления осужденного. От эффективной профилактической работы в значительной мере зависит жизнедеятельность исправительного учреждения и уголовно-исполнительной системы в целом. Однако необходимо понимать, что от оснований постановки на профилактический учет лица, зависит индивидуально-воспитательная работа, т.е. необходимо учитывать реально лицо намеренно совершить противоправное деяние, или же это всего-навсего демонстративно-шантажное поведение.

¹ Горянов К.К., Баранова Е.А. Факторы оперативно-розыскного предупреждения преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях. Вестник института: преступления, наказание, исправление. 2013. №4. С. 20-23.

Сафроненко Надежда Викторовна,
студентка Юридического института НИУ «БелГУ»
Научный руководитель – доц. А.В. Степанюк
(Белгород, Россия)

«ВЫПОЛНЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНОГО ЗАДАНИЯ» И НЕОБХОДИМОСТЬ ЕГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩЕГО ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ

На современном этапе развития российской общественной жизни происходят коренные преобразования во всех её сферах. Одно из негативных последствий проведения реформ в нашей стране проявилось в обострении криминогенной обстановки в целом и неуклонном увеличении террористической угрозы, в частности. В данной ситуации особую значимость приобретает проблема наличия у российских правоохранительных органов и спецслужб надежных источников информации в преступных структурах. Это внедряемые сотрудники органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и лица, оказывающие этим органам содействие на конфиденциальной основе.

Вместе с тем необходимо признать, что на современном этапе наше законодательство не создает прочной основы для эффективной работы внедряемых лиц. Разумеется, их деятельность может быть весьма результативной (добывание информации о действиях, составе, замыслах, оснащенности преступных групп, оказание воздействия на их деятельность), но для этого необходима уверенность, что они пользуются доверием главарей и участников преступной группы. Отсюда вытекает потребность в адаптации к среде внедрения, подразумевающей либо реальное участие внедренного лица в преступной деятельности, либо умелую её имитацию. Если же это лицо отказывается либо уклоняется от совершения преступления, это влечет его разоблачение со стороны разрабатываемых. Отсюда делаем вывод: совместное совершение противоправных деяний является обязательным условием пребывания внедренного лица в составе преступной структуры. А пока на практике они стоят перед выбором: совершить преступление и быть привлеченным к уголовной ответственности или быть разоблаченным?

Подобное положение обусловлено в том числе несовершенством законодательного регулирования социальной и правовой защиты внедряемых лиц. Говоря конкретнее, внедренным лицам необходимо обеспечить защиту от уголовного преследования в связи с вынужденным соучастием в деятельности преступных сообществ, чего, к сожалению, действующее российское законодательство не обеспечивает.

Относительно правового обеспечения действий внедряемых лиц учёные высказывают различные точки зрения. В соответствии с одной из них вполне приемлемой правовой основой их уголовной неуязвимости является освобождение от уголовной ответственности в связи с **действительным раскаянием** (ст.75 УК РФ). Такой подход представляется порочным. Ведь действия внедренных лиц, в том числе причиняющие в исключительных случаях ущерб охраняемым уголовным законом интересам, направлены на выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений. В силу этого их деятельность, в том числе объективно противоправная, является обще-

ственно полезной и правомерной. Отсюда вопрос: логично ли и гуманно подвергать людей, которые борются с преступностью, обременительной и не совсем надежной процедуре освобождения от уголовной ответственности? И главное, в чем эти люди должны раскаиваться?!

Следующая точка зрения основывается на ч.4 ст.16 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»¹, которая допускает при проведении оперативно-розыскной деятельности вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам должностными лицами органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, либо лицами, оказывающими им содействие, при защите жизни, здоровья, конституционных прав и законных интересов граждан, а также для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств при правомерном выполнении указанными субъектами оперативно-розыскной деятельности своего служебного или общественного долга. В соответствии с данной позицией внедряемые лица, вынужденно участвующие в совершении преступлений, действуют в состоянии крайней необходимости, и поэтому привлечению к уголовной ответственности не подлежат ввиду отсутствия умысла на совершение преступлений. Наряду с этим, по смыслу крайней необходимости нужно, чтобы: предотвращенный вред был больше причиненного; другими способами, кроме как связанными с совершением внедренным лицом преступления, обеспечить решение задач по выявлению, предупреждению и пресечению организованной преступной деятельности было невозможно. И этот подход на наш взгляд, не совсем оправдан, так как: во-первых, в процессе вынужденного совершения преступлений внедряемыми лицами очень непросто сопоставлять величину причиненного и предотвращенного вреда; во-вторых, нелегко доказать невозможность решения оперативно-розыскных задач способами, не связанными с причинением вреда охраняемым уголовным законом интересам.

По нашему мнению, так как в рассматриваемом случае речь нужно вести не об освобождении от уголовной ответственности, а об её исключении, необходимо дополнить перечень обстоятельств, исключающих преступность деяния (глава 8 УК РФ) статьей 42.1 «Выполнение специального задания органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность».

В то же время необходимо отметить, что в уголовном законодательстве некоторых зарубежных государств закреплено такое обстоятельство. Например, УК Чехии одержит следующую норму: «Полицейский, который выполняет задачи агента на основе постановлений особых законов и который принимает участие в деятельности криминального объединения или поддерживает подобное объединение лиц, не подлежит наказанию за участие в криминальном объединении лиц, если он совершает это действие с намерением обнаружить преступника, совершившего преступление в рамках объединения»².

Особый интерес представляет законодательство бывших республик СССР, так как оно, с одной стороны, сохранило присущую законодательству советского периода

¹ Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ (с изменениями и дополнениями) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Российская газета. 1995. 18 августа. 2016. 6 июля.

² Водько Н.П. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» в системе российского законодательства: проблемы и решения. М., 2007. С. 40.

однотипность в решении вопросов об основаниях и принципах уголовной ответственности, об определении круга деяний, признаваемых преступными, видов и мер наказания за их совершение. а, с другой стороны, приобрело особенности и специфику, обусловленную самостоятельностью постсоветских государств в вопросах правотворчества. Подобная двойственность отличает уголовное законодательство бывших союзных республик в интересующем нас аспекте регламентации обстоятельств, исключающих преступность деяния, в частности признания в качестве такового выполнения «специального задания»¹. Так, оправдывается причинение вреда правоохраняемым интересам при "выполнении специального задания по предупреждению или раскрытию преступной деятельности организованной группы либо преступной организации" (ст. 43 УК Украины²) или более того - при "осуществлении оперативно-розыскных мероприятий или негласных следственных действий" (ст. 35 УК Республики Казахстан³), и даже в связи с "пребыванием среди соучастников" (ст. 38 УК Республики Беларусь⁴).

С учетом изложенного отметим, что серьезным препятствием для эффективной работы внедряемых лиц является по сути нерешенный вопрос, связанный с их ответственностью. Не соглашаясь с тем, что здесь применимо освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, либо исключение уголовной ответственности в связи с крайней необходимостью, а также принимая во внимание опыт зарубежных стран, мы выступаем за закрепление в УК РФ нового обстоятельства, исключающего преступность деяния - «Выполнение специального задания органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность».

Мамин Андрей Сергеевич

к.ю.н., доцент, доцент кафедры административного и международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»

Кабатов Иван Александрович,

магистрант Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

РОЛЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В ЗАЩИТЕ АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Российская Федерация, являясь демократическим правовым государством, заинтересована в надлежащей защите прав и свобод человека и гражданина. Более того, согласно ст.2 Конституции РФ, защита прав и свобод человека – это обязанность Рос-

¹ Пархоменко С.В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости. СПб., 2004. С. 32.

² <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/2341-14/page2> - официальный сайт Верховной Рады Украины (дата обращения 19 сентября 2016 года).

³ http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252#sub_id=350000 (дата обращения 19 сентября 2016 года).

⁴ http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1977 – сайт «Законодательство стран СНГ» (дата обращения 19 сентября 2016 года).

сийской Федерации¹. Конституция содержит принципы, основополагающие начала правосудительного процесса, участие в котором принимают все правосудительные органы.

Вопрос о том, какую роль играет в правосудительном процессе прокуратура, давно обсуждается и теоретиками, и практиками. Так, к названной теме обращались В.Г. Бессарабов, В.И. Басков, А.Ф. Смирнов, А.Ю. Винокуров и др.

Несмотря на большое количество трудов, данная тема по-прежнему остается актуальной, так как проблема определения роли прокуратуры – это многоплановая проблема, которая требует комплексного подхода к изучению вопросов, связанных с защитой прав и свобод человека и гражданина с целью совершенствования правосудительной деятельности.

Закрепление в российской Конституции в качестве основной ценности прав и свобод человека соответствует требованиям демократического международного сообщества. Данные требования отражены в важнейших международно-правовых актах, таких как Всеобщая декларация прав человека 1948 г., международные пакты об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. и гражданских и политических правах 1966 г., Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и др.

Содержащаяся в ст. 2 Основного Закона РФ конституционная обязанность государства признавать, соблюдать и охранять права граждан трансформируется в непосредственную обязанность государственных органов и должностных лиц. Это в свою очередь обуславливает дальнейшее становление и развитие конституционной системы защиты прав и свобод человека. В связи с этим мы солидарны с мнением М.В. Мархгейм, которая справедливо отмечает, что положение базового закона России об обязанности государства защищать права и свободы человека и гражданина в идеале ориентирует все государственные органы на участие в рамках своих полномочий в осуществлении этой функции (ч. 1 ст. 45, ст. 18)².

Итак, прокуратура Российской Федерации является органом, осуществляющим правосудительную деятельность. Основным нормативно-правовым актом, регулирующим ее деятельность, является ранее упоминавшийся Федеральный Закон «О прокуратуре Российской Федерации».

Согласно положениям, содержащимся в разделе III Закона «О прокуратуре Российской Федерации» можно выделить одно из основных направлений деятельности прокуратуры России как:

«Следит за тем, чтобы федеральные министерства, службы, агентства и иные федеральными органами исполнительной власти, представительные (законодательные) исполнительные органы субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, органы управления и руководители коммерческих и некоммерческих организаций в ходе своей деятельности не нарушали закон, соблюдали права человека, издавали нормативные акты, которые не противоречат российскому законодательству».

Целью данного направления деятельности является соблюдение всеми органами власти прав и свобод человека и гражданина, достижение такого положения, при котором граждане будут уверены в том, что их прав и законные интересы находятся под защитой государства. При этом граждане должны осознавать, что в случае нар-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ, 26.01.2014, № 4, Ст. 445.

² Мархгейм М.В. Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: Дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 271.

шения закрепленных в Конституции прав и свобод они могут обратиться за помощью в компетентные государственные органы, в числе которых находится и прокуратура.

Осуществляя правозащитную деятельность, прокуратура взаимодействует и сотрудничает с институтами гражданского общества, принимающими активное участие в деятельности, относящейся к защите прав и свобод человека. Это необходимо для более эффективного предотвращения нарушений прав граждан и оказания содействия при восстановлении нарушенных прав. В настоящее время наиболее перспективным представляется сотрудничество прокуратуры с Общественной палатой Российской Федерации.

В данном случае следует согласиться с мнением В. Г. Бессарабова, который считает, что наличие или отсутствие авторитета у органов прокуратуры в первую очередь зависит от того, насколько профессионально они работают с общественностью¹.

Укрепление федеративных отношений, активизация деятельности государственных структур в области охраны правопорядка и защиты прав и свобод человека позитивно влияют на сложившуюся в последние годы в правозащитной деятельности государства ситуацию. Реализуя конституционные принципы защиты прав и свобод человека, органы прокуратуры обязаны не только восстановить нарушенные права, но и гарантировать человеку и гражданину защиту от посягательств на его права и свободы.

Шабалина Евгения Ивановна,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права
Белгородского университета кооперации, экономики и права
(Белгород, Россия)

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПРАВозащитной ФУНКЦИИ ПРОКУРАТУРЫ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА ЕЕ СТАНОВЛЕНИЯ

Согласно общепринятому в советской юридической науке правилу, прокуратура создавалась как надзорный орган государственной власти. В этот период незаслуженно умалялась охранительная и защитная функция прокуратуры. Однако еще в 1923 г. в работах теоретиков прокурорского надзора указывалось, что прокурор является «защитником и охранителем прав и интересов трудящихся»². Таким образом на советскую прокуратуру возлагались и обязанности по обеспечению защиты прав граждан от каких бы то ни было нарушений.

Основным условием выполнения правозащитной функции прокуратуры являлось единообразное понимание революционной законности. Связывая революционную законность с задачами охраны прав граждан М.И. Калинин отмечал: «... проведение революционной законности означает гарантирование людям известных прав в их частной жизни и, особенно в социалистическом строительстве. Мало того, при известных столкновениях или случаях надо, чтобы ... прокуратура в борьбе между людьми и между отдельным человеком и советскими государственными и обще-

¹ Бессарабов В.Г. Взаимодействие органов прокуратуры с общественными правозащитными организациями: состояние и перспективы // Информационный бюллетень «Мир и согласие». 2004. № 2,3.

² См.: Коваленко М.П. Руководство для прокуратуры. М., 1923. С. 4.

ственными органами умела всегда, когда чувствует, что с человеком неправильно расправляются, умела бы этого человека защитить»¹.

Прокуратура охраняет единую революционную законность от любых нарушений. Эта деятельность определялась как развитием всего государственного механизма, так и эволюцией гражданских правоотношений. Прокуратура имела право вмешиваться во «все», но только в случаях нарушения закона, поскольку в этих целях она и создавалась².

Основным условием выполнения правозащитной функции прокуратуры являлось единообразное понимание революционной законности. Связывая революционную законность с задачами охраны прав граждан, М.И. Калинин отмечал: «... проведение революционной законности означает гарантирование людям известных прав в их частной жизни и, особенно в социалистическом строительстве. Мало того, при известных столкновениях или случаях надо, чтобы ... прокуратура в борьбе между людьми и между отдельным человеком и советскими государственными и общественными органами умела всегда, когда чувствует, что с человеком неправильно расправляются, умела бы этого человека защитить»³.

Прокуратура охраняет единую революционную законность от любых нарушений. Эта деятельность определялась как развитием всего государственного механизма, так и эволюцией гражданских правоотношений. Прокуратура имела право вмешиваться во «все», но только в случаях нарушения закона, поскольку в этих целях она и создавалась⁴.

Прокуратура охраняет единую революционную законность от любых нарушений. Эта деятельность определялась как развитием всего государственного механизма, так и эволюцией гражданских правоотношений. Прокуратура имела право вмешиваться во «все», но только в случаях нарушения закона, поскольку в этих целях она и создавалась⁵.

Исследуя деятельность органов советской прокуратуры в период ее становления и развития, особого внимания требует изучение взаимоотношений прокуратуры с волостными земельными комитетами (ВЗК). И так как Центральное Черноземье (в качестве примера возьмем именно ЦЧО) являлось аграрным регионом, ВЗК зачастую не выполняли директивы вышестоящих областных органов по налаживанию и улучшению своей деятельности. В результате прослеживалась неправильная подготовка к слушанию земельных дел в судах, которые чаще всего откладывались и отправлялись на доработку⁶.

В ходе прокурорских проверок выяснялось, что ненадлежащим образом рассылались повестки и регистрировались сведения о них (повестках), и как следствие этого тормозился процесс рассмотрения дел. Что же касается существа судебных процессов, то их протоколы не отражали сущности дел. Незнание законов создавало не

¹ Калинин М.И. Избранные произведения. М., 1960. С. 592.

² III сессия ВЦИК IX созыва // Бюллетень № 3. С. 17

³ Калинин М.И. Избранные произведения. М., 1960. С. 592.

⁴ III сессия ВЦИК IX созыва // Бюллетень № 3. С. 17

⁵ III сессия ВЦИК IX созыва // Бюллетень № 3. С. 17

⁶ Отчет помощника прокурора // ГАКО. Ф. Р- 906, оп. 1, д. 18, л. 38.

правильное их применение. Решения по делу принимались на основе тех статей законов, которые были наиболее понятны членам ВЗК.

Следующее основное нарушение – это прекращение дел из-за неявки сторон. Такое положение вещей создалось, прежде всего, из-за отсутствия должного внимания к проблеме со стороны волостных исполнительных комитетов (ВИК). Недостатков в деятельности уездных земельных комитетов было гораздо меньше. Основным из них стала медлительность в работе по отдельным делам, обусловленная чаще всего отложением дел по причине невручения повесток сторонам, в чем непосредственно проявлялась вина ВИКов и Сельсоветов¹.

Надзор за земельными комиссиями в условиях ЦЧО как аграрной области оценивался с точки зрения тех целей и задач, которые были поставлены законодателем при учреждении земельных судов: быстроты рассмотрения земельных споров, устранения многих формальных особенностей и привлечения широких крестьянских масс.

Надзор за земельными комиссиями во многих округах проводился случайно. Так, «обследований» земельных комиссий проводилось в среднем в год: в Борисоглебском округе – 3, Белгородском – 1, Тамбовском – 3. Выступлений на заседаниях земельных комиссий: в Курском округе – 3, Воронежском – 12, Россошанском – 20, Льговском – 23, в то время как в других округах эта деятельность была развернута значительно лучше. Обращает на себя внимание огромный процент неудовлетворительных протестов прокуратуры по области – 34,75% от общего числа².

Исследуя деятельность органов советской прокуратуры в период ее становления и развития, особого внимания требует изучение взаимоотношений прокуратуры с волостными земельными комитетами (ВЗК). И так как Центральное Черноземье (в качестве примера возьмем именно ЦЧО) являлось аграрным регионом, ВЗК зачастую не выполняли директивы вышестоящих областных органов по налаживанию и улучшению своей деятельности. В результате прослеживалась неправильная подготовка к слушанию земельных дел в судах, которые чаще всего откладывались и отправлялись на доработку³.

В ходе прокурорских проверок выяснялось, что ненадлежащим образом рассылались повестки и регистрировались сведения о них (повестках), и как следствие этого тормозился процесс рассмотрения дел. Что же касается существа судебных процессов, то их протоколы не отражали сущности дел. Незнание законов создавало неправильное их применение. Решения по делу принимались на основе тех статей законов, которые были наиболее понятны членам ВЗК.

Следующее основное нарушение – это прекращение дел из-за неявки сторон. Такое положение вещей создалось, прежде всего, из-за отсутствия должного внимания к проблеме со стороны волостных исполнительных комитетов (ВИК). Недостатков в деятельности уездных земельных комитетов было гораздо меньше. Основным из них стала медлительность в работе по отдельным делам, обусловленная чаще всего

¹ Отчет помощника прокурора // ГАКО. Ф. Р-906, оп. 1, д. 18, л. 20.

² Резолюция камерного совещания облпрокуратуры ЦЧО от 6 апреля 1929 г. по докладу о работе окружных прокуратур // ГАКО. Ф. Р-1721, оп. 1, д. 47, л. 3-4.

³ Отчет помощника прокурора // ГАКО. Ф. Р-906, оп. 1, д. 18, л. 38.

отложением дел по причине невручения повесток сторонам, в чем непосредственно проявлялась вина ВИКов и Сельсоветов¹.

Надзор за земельными комиссиями в условиях ЦЧО как аграрной области оценивался с точки зрения тех целей и задач, которые были поставлены законодателем при учреждении земельных судов: быстроты рассмотрения земельных споров, устранения многих формальных особенностей и привлечения широких крестьянских масс.

Надзор за земельными комиссиями во многих округах проводился случайно. Так, «обследований» земельных комиссий проводилось в среднем в год: в Борисоглебском округе – 3, Белгородском – 1, Тамбовском – 3. Выступлений на заседаниях земельных комиссий: в Курском округе – 3, Воронежском – 12, Росошанском – 20, Львовском – 23, в то время как в других округах эта деятельность была развернута значительно лучше. Обращает на себя внимание огромный процент неудовлетворительных протестов прокуратуры по области – 34,75% от общего числа².

В деятельности советской прокуратуры по охране и защите прав физических и юридических лиц при выявлении нарушений субъективных прав необходимо выделить:

- непосредственные обращения в прокуратуру граждан и юридических лиц;
- плановые проверки законности правовых актов органов государственной власти, любых учреждений, организаций, предприятий по инициативе прокурора.

Характерной особенностью охраны прокуратурой прав граждан и юридических лиц, в частности и самого государства, является то, что прокуроры вместе с установлением факта нарушения субъективных прав обязаны устанавливать и устранять причины и условия, способствовавшие возникновению подобных правонарушений. Именно в этом помимо правозащитного, заключался также и профилактический потенциал органов прокуратуры. Вопросы обеспечения законности, должны были основываться на детально продуманной долговременной стратегии, обеспечивая планомерное воздействие на причины правонарушений.

Савченко Евгений Дмитриевич
магистрант Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИЙ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Предназначение прокуратуры в системе государственных органов, разделении и взаимодействия властей предопределяется точностью состава функций, необходимых для выполнения возложенных на прокуратуру задач. Ключевой правовой категорией, раскрывающей и объясняющей структуру, содержание и пределы административной деятельности прокуратуры, являются ее функции.

¹ Отчет помощника прокурора // ГАКО. Ф. Р-906, оп. 1, д. 18, л. 20.

² Резолюция камерного совещания облпрокуратуры ЦЧО от 6 апреля 1929 г. по докладу о работе окружных прокуратур // ГАКО. Ф. Р-1721, оп. 1, д. 47, л. 3-4.

Функции - это выражение государственно-правового и социального предназначения прокуратуры как элемента государственно-правового механизма современного Российского государства. Их реализация представляет собой особый, свойственный только прокуратуре вид деятельности. Функции прокуратуры реализуются в видах деятельности органов и учреждений прокуратуры¹.

К функциям прокуратуры относятся административный надзор, а также иные функции. По мнению А. Винокурова функция прокуратуры - это осуществляемый в строго регламентируемых законодательством рамках вид деятельности, направленный на достижение поставленных перед прокуратурой целей, заключающийся в реализации возложенных на нее полномочий, исходя из установленных законами и руководящими указаниями вышестоящих прокуроров компетенции².

По мнению Е. Никитина функцией прокуратуры является социально значимое направление деятельности этого органа, осуществляемое через конкретные виды его деятельности в рамках установленного типа его организации и деятельности³.

Можно согласиться с мнением Е. Никитина по вопросу функции прокуратуры Российской Федерации.

Таким образом, полярность мнений исследователей по поводу определения дефиниций «функция прокуратуры», «направление деятельности прокуратуры», «участок деятельности прокуратуры», а также по поводу конкретных наименований (количества) функций прокуратуры представляется вполне очевидной. В определенной мере такой теоретической дискуссии способствовали некоторые юридико-технические неточности, которые можно усмотреть в самом тексте Закона о прокуратуре Российской Федерации.

Роль прокуратуры в системе органов административной юрисдикции, как отмечалось, выражается, во-первых, в реализации ее надзорной функции за исполнением законов органами контроля, во-вторых, в надзоре за законностью нормативных правовых актов и, в-третьих, в участии прокурора в административно-процессуальном производстве. При этом и обеспечение законности нормативных правовых актов, и участие прокурора в административно-процессуальном производстве являются производными и выражением функции надзора.

В сфере административной юрисдикции, как и при надзоре в целом, существует острая проблема определения пределов прокурорского надзора. Следует заметить, что она динамична, подвижна и имеет конкретно-исторический характер. Заключается она, прежде всего в том, что достаточно распространена практика подмены прокурорами управленческих, контрольных органов административной юрисдикции, вмешательств в непосредственно хозяйственную работу. Представляется правильным, когда для обеспечения законности в надзорном порядке используются возможности органов контроля, надзор за законностью деятельности которых осуществляет проку-

¹Бессарабов В.Г. Прокурорский надзор: Учебник. М.: Проспект, 2006. С. 118 - 119.

²Винокуров А.Ю. К вопросу о классификации внешнефункциональной деятельности прокуратуры Российской Федерации. Актуальные вопросы организации и деятельности прокуратуры. М., 2012. С. 54-61.

³Никитин Е.Л. Функции прокуратуры и отрасли прокурорской деятельности: понятие, сущность, классификация // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2004. № 6. С. 26-28.

ратура. С помощью имеющихся в их распоряжении правовых средств прокуроры следуют в первоочередном, приоритетном порядке ориентировать контролирующие органы на действенное выявление нарушений законов на подконтрольных объектах.

Исполнение и соблюдение законов, обеспечение законности являются предметом не только надзора за исполнением законов прокуратуры, который по существу вторичен, но и прежде всего обязанностью самих государственных органов и их должностных лиц, которая зачастую не исполняется или исполняется ненадлежащим образом.

Очень важно то, что основные средства прокурорского реагирования не носят административно-распорядительного характера: прокуратура лишь указывает на нарушение закона и требует его устранения. Сами же решения по существу принимаются компетентными властными органами и должностными лицами или судом и также должны соответствовать закону. Важнейшую роль прокуратура посредством осуществления надзора играет в защите интересов общества и государства.

Пресечение и предупреждение нарушений законов, определяющих ведущие направления экономических и социальных преобразований, составляют непрерывную предпосылку достижения ожидаемых от них результатов, сохранения и эффективного использования экономического потенциала страны.

Выявляя и принимая меры к устранению нарушений законов, их неисполнения прокуроры, таким образом, способствуют достижению высокого качества работы аппарата государственного управления, содействию субъектам предпринимательства хозяйственной и иной деятельности.

Прокуратура Российской Федерации является важнейшим и неотъемлемым элементом системы «сдержек и противовесов», уравновешивания других ветвей власти, и согласованного функционирования.

При этом оптимизируется режим взаимодействия законодательной и исполнительной ветвей власти. Надзор за законностью в деятельности контролирующих органов, составляющей постоянный предмет деятельности прокуратуры, оказывает позитивное влияние на соблюдение законности государственным аппаратом, повышает роли системы государственного контроля в решении экономических и социальных задач. Этим определяется основное предназначение прокуратуры в сфере функционирования органов государственного управления, его воздействия на повышение эффективности решения социальных, экономических и иных задач российского общества.

Надзор прокуратуры за исполнением законов нацелен на утверждение законности и обеспечение ее режима, опосредующего правопорядок. В этом выражается ее правозащитная функция.

Говоря о пользе существования надзора за исполнением законов, нельзя упомянуть о том, что у надзора есть собственные правовые «ниши», которые пока могут заполнить существующие структуры (Конституционный Суд Российской Федерации, система иных судов, Уполномоченный по правам человека, контролируемые органы). Например, деятельность Конституционного Суда Российской Федерации не распространяется на акты министерств и ведомств, которые зачастую противоречат Конституции, акты органов местного самоуправления и т.д.

С одной стороны, судебный порядок защиты прав граждан является наиболее надежным и эффективным. Однако при этом следует учитывать, что суд в силу многих причин, включая усложненную процедуру деятельности, весьма ограничен в своих возможностях. Необходимо использовать альтернативные, более «простые» и не менее квалифицированные правовые механизмы реагирования на ущемление прав граждан и организаций. Один из этих механизмов - деятельность прокуратуры.

Тем более что абсолютизация роли судов в запрете прав и свобод граждан в сочетании с принижением воздействия на процесс укрепления законности органов административной юрисдикции привели к перегрузке судов «мелкими» делами о взыскании незначительных сумм ущерба, длительным срокам рассмотрения судами исков и заявлений, иным негативным последствиям. Не случайно Совет судей Верховного Суда Российской Федерации разработал систему мер по разгрузке судов, передаче существенных категорий дел в ведение органов административной юрисдикции, повышению их роли в защите прав и свобод граждан, укреплению законности. Рассматривается предложение об увеличении суммы исковых требований с 1,5 тыс. руб. до 3 тыс. руб. по делам о взыскании налогов и сборов. Выработано предложение о том, чтобы дела об административных правонарушениях, максимальное наказание по которым предусматривает штраф, поручить рассматривать непосредственно надзорным и контрольным ведомствам. Ежегодно в суды поступает около двух миллионов дел по подобным правонарушениям.

Учитывая универсальность прокурорского надзора и его самобытность, необходимо сказать, что прокурор должен действовать таким образом, чтобы принимать меры к обеспечению законности как в конкретных сферах правоотношений, так и применительно к государственным органам контрольно-надзорной компетенции.

Однако в рамках функций прокуратуры, на наш взгляд, следует дифференцировать также такие понятия, как приоритетное и основное направление прокурорской деятельности.

На практике, в отличие от функций прокуратуры, как приоритетные, так и основные направления деятельности прокуратуры определяются уже не федеральным законом, а актами Генерального прокурора Российской Федерации.

При этом приоритетные направления прокурорской деятельности устанавливаются на определенный период времени в зависимости от различных факторов как социально-экономического (к примеру, приоритет надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции, за исполнением законодательства при реализации приоритетных национальных проектов и др.), так и политического характера (обеспечение надлежащего надзора за исполнением избирательного законодательства, в особенности в предвыборный и избирательный периоды).

Что же касается основных направлений прокурорской деятельности, то к ним представляется правильным отнести важнейшие в рамках конкретных функций прокуратуры ее составные части, которые прокурором должны быть обеспечены в обязательном порядке в ходе осуществления функциональной деятельности. Как показывает практика, можно различать основные направления прокурорской деятельности в

рамках пяти надзорных подфункций (они определены ст. 1 Закона «О прокуратуре Российской Федерации»)¹, а также и иных функций прокуратуры.

Столь подробное рассмотрение вопроса о функциях и направлениях деятельности прокуратуры позволяет сделать несколько выводов, имеющих, как представляется, серьезное теоретическое и практическое значение.

Во-первых, поскольку в настоящее время традиционный термин «прокурорский надзор» не охватывает в полной мере все виды деятельности прокуратуры, необходимо ввести в служебный, практический оборот понятие «прокурорская деятельность», которая представляет собою особый вид осуществляемой прокуратурой государственной деятельности, носит комплексный характер и разнообразные формы, осуществляется в соответствии с нормами Конституции Российской Федерации и федерального законодательства посредством выполняющего главную составляющую часть этой деятельности административного надзора и выполнения других возложенных на прокуратуру функций и направлена на обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиту прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства.

Как представляется, данное с учетом анализа точек зрения ученых и специалистов определение искомой дефиниции можно в целом позиционировать как базовое при производстве дальнейших научных исследований в этом направлении².

Во-вторых, логически следующий за первым вывод о том, что прокуратура не имеет так называемой правозащитной функции.

В соответствии с п. 2 ст. 1 Закона «О прокуратуре Российской Федерации» целями деятельности прокуратуры Российской Федерации являются:

- обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности;
- защита прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

Установленные федеральным законодательством цели деятельности прокуратуры Российской Федерации в полном объеме отвечают интересам как государства, так и граждан Российской Федерации. Защита прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства - цель всей деятельности прокуратуры, которой проникнута каждая из функций, осуществляемых прокуратурой. Это квинтэссенция всей деятельности прокуратуры, а не только отдельная, пусть и особо определенная часть этой деятельности. Таким образом, следует говорить, прежде всего, о правозащитной цели деятельности прокуратуры, которая надлежащим образом реализуется в осуществляемых ею функциях.

В-третьих, сделанные выводы ставят на повестку дня вопрос о формулировании и других базовых дефиниций прокурорской деятельности. Это относится, прежде всего, к правильному определению объекта и предмета прокурорской деятельности, которые могут несколько отличаться от ставшими традиционными объекта и предмета прокурорского административного надзора.

¹Винокуров Ю.Е., Глушков А.И. К вопросу о структуре прокурорского надзора как вида государственной деятельности // Административное и муниципальное право. 2012. №1.

²Серебряникова М.В. К вопросу об эффективности прокурорского надзора за исполнением законов // Власть и управление на Востоке России. 2011. №2. С. 168-170.

Багдян Камо Геннадьевич,
 научный сотрудник Центра исследования проблем обеспечения
 безопасности в учреждениях УИС ФКУ
 «Научно-исследовательский институт
 Федеральной службы исполнения наказаний»
 (Москва, Россия)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГРУППОВЫХ ЭКСПЕССОВ ОСУЖДЕННЫХ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Известно, что достижение целей исправления осужденных и предупреждения совершения с их стороны новых преступлений невозможно без обеспечения и укрепления правопорядка и законности в учреждениях, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы, а также безопасности содержащихся в них осужденных и персонала. В современных условиях функционирования уголовно-исполнительной системы (УИС) реализация указанных задач по-прежнему остается одним из приоритетных направлений в деятельности Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России)¹.

Резонансные события последних лет, связанные с групповыми протестными акциями осужденных, произошедшие в исправительных учреждениях (ИУ) отдельных территориальных органов ФСИН России, свидетельствуют о том, что в случае не принятия своевременных и эффективных мер по их предотвращению и пресечению, они способны перерасти в массовые беспорядки с более тяжкими последствиями².

Особая общественная опасность совершения осужденными групповых нарушений установленного законом порядка исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы выражается в том, что подобные противоправные действия создают серьезную угрозу для обеспечения безопасности лиц, находящихся на территории ИУ, дестабилизируют оперативную обстановку и состояние правопорядка в них, тем самым подрывая авторитет УИС в целом.

Успех борьбы с групповыми эксцессами осужденных, совершаемыми в местах лишения свободы, во многом зависит от знания тенденций и закономерностей состояния, структуры, обстоятельств, способствующих совершению названных противоправных деяний, а также личности их организаторов и активных участников. Все это позволит целенаправленно организовать профилактику этих опасных правонарушений.

Правонарушения, объединяемые понятием эксцессы с участием групп осужденных, в общей структуре преступности в местах лишения свободы занимают отно-

¹См.: Положение о Федеральной службе исполнения наказаний: указ Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1314 "Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний" (с изм. и доп. от 13.07.2016) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 42. Ст. 4109.

²См. напр.: В ЛИУ-19 произошла акция группового неповиновения // [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.02.fsin.su/news/>; В ходе беспорядков в нижегородской колонии погиб заключенный // [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://rg.ru/2015/05/07/reg-pfo/pogib-anons.html>; Бунт в башкирской колонии подавлен методом убеждений // [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://rg.ru/2015/05/10/reg-pfo/shalygin-anons.html>; На Урале объявили голодовку 400 осужденных невянской колонии // [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://rg.ru/2015/07/05/reg-urfo/kolonia-anons.html>; Заключенные устроили беспорядки в смоленской колонии // [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://rg.ru/2015/11/09/reg-cfo/koloniya-anons.html>.

сительно небольшую долю, но, учитывая степень общественной опасности этих правонарушений, требуют к себе самого пристального внимания.

Учитывая вышеизложенное, следует постоянно обращать внимание на организацию профилактики данных преступлений, чему во многом способствует знание криминологической характеристики эксцессов с групповым участием осужденных.

Статистический анализ преступности в ИУ за 2011-2015 г.г. показывает некоторую тенденцию роста групповых эксцессов осужденных. Так, за указанный период в учреждениях УИС зарегистрировано 4599 преступлений, подавляющее большинство которых (89,9%) отмечено в исправительных колониях (ИК). Каждое пятое (19,2%), а в ИК каждое шестое (18,0%) регистрируемое преступление судами квалифицировано как дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, в нашем случае – ИУ и следственных изоляторов (СИЗО).

При некотором колебании по годам наблюдается тенденция роста данного преступления. Так, в 2015 г. по сравнению с 2011 г. количество фактов дезорганизации деятельности учреждений УИС увеличилось со 159 до 196, или на 23,3%, в том числе в ИК – со 134 до 174, или на 29,9%. Наметилась тенденция роста случаев квалифицированного состава дезорганизации (ч. 3 ст. 321 УК РФ) – с 5 до 19 в целом по учреждениям УИС и с 3 до 13 – в ИК. Доля дезорганизации деятельности учреждений УИС в структуре регистрируемой пенитенциарной преступности колеблется в пределах от 18 до 22%, а в ИК – от 14 до 21% (цифры округлены).

За рассматриваемый период в учреждениях УИС зарегистрировано 10 случаев массовых беспорядков, в том числе семь – в ИК, а также три случая захвата заложников – все в ИК, включая два в 2015 г.

Например, только в первом полугодии 2015 года в территориальных органах ФСИН России произошло 6 случаев дезорганизации деятельности учреждений УИС из них 5 случаев групповых неповиновений в ГУФСИН России по Нижегородской области (06.05.2015 в ЛИУ-3) и УФСИН России по Республике Башкортостан (10.05.2015; 13.05.2015 в ИК-2, 08.06.2015 в ЛИУ-19, 11.06.2015 в ИК-7). Во втором полугодии 2015 года аналогичные групповые эксцессы осужденных имели место: ИУ ГУФСИН России по Свердловской области (05.07.2015 в ИК-46), УФСИН России по Воронежской области (20.08.2015 в Бобровской ВК), УФСИН России по Смоленской области (09.11.2015 в ИК-2), ГУФСИН России по Челябинской области (26.12.2015 в ИК-2).

Раскрывая криминологическую характеристику рассматриваемых правонарушений, необходимо обратить внимание на характеристику колоний, где подобные правонарушения имели место. В этих целях сотрудниками Научно-исследовательского института ФСИН России в первом полугодии 2016 года проводилось исследование, в ходе которой были проанализированы материалы служебных проверок, поступившие из 14 территориальных органов ФСИН России, в которых последние годы отмечены случаи групповых эксцессов осужденных.

Анализ современной правоприменительной практики ИУ, а также поступивших материалов позволяет сделать вывод, что возникновение групповых эксцессов осужденных в ИУ обусловлено совокупностью таких факторов, как:

- отсутствие должного контроля за деятельностью подчиненных со стороны руководства ИУ, неадекватная оценка складывающейся криминогенной обстановки в среде осужденных;

- слабые оперативные позиции, отсутствие упреждающей информации, недостаточное изучение скрытых процессов, происходящих в среде осужденных, пробелы в обеспечении профилактики и предотвращении преступлений и правонарушений;

- недостатки в организации индивидуальной работы с личным составом учреждения;

- недостатки в организации профилактической и воспитательной работы с осужденными;

- наделение части осужденных, состоящих на оплачиваемых должностях (дневальные), распорядительными функциями;

- недостатки в дисциплинарной практике, необоснованное и массовое применение крайних мер воздействия на осужденных со стороны администрации учреждения (водворение в штрафной изолятор (ШИЗО), перевод в помещение камерного типа (ПКТ) и единое помещение камерного типа (ЕПКТ));

- недостаточный ведомственный контроль за процессами, происходящими в учреждении;

- ненадлежащая организация разъяснительной работы с осужденными по доведению требований уголовно-исполнительного и трудового законодательства, охране здоровья, коммунально-бытового обеспечения и пр.;

- большое количество отрицательно настроенных осужденных, прибывших из других регионов России;

- активно освещаемые прессой события по массовым протестным акциям, происходящим в других регионах.

Например, совокупность перечисленных факторов наглядно проявилась в чрезвычайном происшествии, произошедшем 06.05.2015 в ФКУ ЛИУ-3 ГУФСИН России по Нижегородской области.

Так, в результате противоправных действий осужденных отрицательной направленности 21 осужденный получили телесные повреждения различной степени тяжести. Один из них от полученных травм в последствии скончался в центральной районной больнице, куда наряду с другими осужденными, находящимися в тяжелом состоянии, был госпитализирован для оказания неотложной медицинской помощи.

Подобное стало возможным в результате того, что ответственными должностными лицами соответствующих служб и отделов не были выработаны адекватные действенные меры организационно-правового характера для работы с осужденными, прибывшими из упраздненного ФКУ ЛИУ-10 ГУФСИН России по Нижегородской области.

В большинстве ИУ, где имели место рассматриваемые чрезвычайные происшествия, подобные групповые эксцессы осужденных происходили, как правило, в жилой зоне, в выходные, предпраздничные и праздничные дни, то есть тогда, когда основная масса специального контингента сосредоточена в указанных зонах и не обеспечена их полезная занятость. Обращает на себя внимание и тот факт, что групповые эксцессы осужденных практически полностью отсутствуют в ИК особого режима. В

частности, в изученных нами материалах по данному вопросу фигурируют только ИК общего и строго режима.

Таким образом, анализируя генезис эксцессов осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, следует выделить общие недостатки деятельности ИУ, оказывающих негативное влияние на состояние, структуру и динамику преступности в целом, и конкретные обстоятельства и поводы, предшествующие указанным чрезвычайным происшествиям.

На наш взгляд, в рамках практической реализации мер, направленных на повышение эффективности работы по профилактике групповых эксцессов осужденных в ИУ, необходимо:

- обеспечить максимальное использование возможностей профилактического учета, на который ставятся осужденные, склонные к правонарушениям. Индивидуальная профилактическая работа с данной категорией осужденных должна осуществляться целенаправленно, планомерно с учетом личности правонарушителя, характера и степени общественной опасности совершенного им преступления и других особенностей, имеющих значение для правильного выбора методов, средств воздействия, что является одним из главных условий профилактики правонарушений;

- принять безотлагательных меры по изоляции от основной массы осужденных лиц, негативно влияющих на оперативную обстановку в ИУ (ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ). Кроме того, целесообразно использовать передовой опыт по оборудованию в отрядах для проживания осужденных так называемых «режимных секций», что позволяет исключить возможность несанкционированного выхода за пределы этих помещений;

- совершенствовать работу кадровых подразделений, которая должна быть направлена на тщательный первичный отбор кандидатов на службу, их проверку и обучение, стимулирование качественного исполнения сотрудниками своих профессиональных обязанностей и повышение персональной ответственности;

- обратить особое внимание на обеспеченность осужденных качественным питанием, установленными видами довольствия, улучшение социально-бытовых условий их содержания¹. Усилия, предпринимаемые в данном направлении, в конечном итоге будут способствовать снижению напряженности в ИУ;

- поднять в широких кругах юридической общественности для обсуждения вопрос о введении уголовной ответственности осужденных за групповые неповиновения требованиям администрации ИУ. В этой связи следует напомнить, что подобная норма имелась в УК РСФСР 1960 года (ст. 188.3) «Злостное неповиновение требованиям администрации исправительно-трудового учреждения», которое при наличии квалифицирующих признаков (взыскания в виде перевода в ПКТ и совершения лицом, осужденным за тяжкое преступление) наказывалось лишением свободы сроком до пяти лет. В силу участвовавших в последние годы случаев групповых неповинове-

¹ Например, одной из основных причин, спровоцировавших акцию группового неповиновения 08.06.2015 в ФКУ ЛИУ-19 УФСИН России по Республике Башкортостан, явилось некачественное материально-бытовое и медико-санитарное обеспечение осужденных данного учреждения. В частности, в ходе переговоров осужденные выдвигали такие требования, как – обеспечить человеческие условия содержания для больных туберкулезом; обеспечить индивидуальное лечение; провести очищающую воду; улучшить приготовление пищи и снабжение продуктами питания, одеждой и обувью и др.

ний осужденных, криминализация рассматриваемого деяния, как нам представляется, будет своевременной и обоснованной:

- повысить эффективность взаимодействия со СМИ и другими институтами гражданского общества в направлении изменения негативного отношения к деятельности УИС и ее сотрудников.

В силу своей многоаспектности и постоянной изменчивости решение данной проблемы возможно лишь только в тесном контакте науки и практики, что предопределяет необходимость проведения дальнейших научных исследований на современном этапе реформирования УИС.

Фесенко Николай Петрович,
к. ю. н., доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики
Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КОРОТКОКЛИНКОВОГО ХОЛОДНОГО ОРУЖИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Многолетняя практика борьбы с преступностью показывает, что из всего существующего на сегодня многообразия оружия в преступных целях, за редким исключением, используется лишь оружие индивидуального применения. Прежде всего, это обусловлено его портативностью, маневренностью, простотой конструкции и, как правило, большой доступностью.

Именно широтой криминального распространения огнестрельного и холодного оружия объясняется наличие среди уголовно наказуемых деяний специфических составов преступлений, связанных с незаконным оборотом этих видов оружия.

Частую такие тяжкие преступления как убийства, разбойные нападения, захват заложников, организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем, бандитизм, массовые беспорядки, хулиганство совершаются с использованием различных видов холодного оружия.

В.Ю. Владимиров и другие авторы утверждают, что холодное оружие по степени криминализации не только не уступает, но на некоторых этапах развития нашего общества значительно превосходит огнестрельное и является одним из старейших памятников материальной культуры человечества, а его разновидности на протяжении тысячелетий составляли важнейшую часть предметов, созданных человеком для трудовой деятельности, обороны и нападения¹.

Как свидетельствуют статистические данные, доля холодного оружия, исследуемого в различных экспертно-криминалистических подразделениях МВД РФ, от общего числа оружия различных видов составляет 22 %².

Среди российских ученых-криминалистов существует мнение о том, что зарождение в нашей стране экспертизы холодного оружия обусловлено принятием 29 марта 1935 году Постановления ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с хулиган-

¹ Владимиров В.Ю., Бабаханян Р.В., Голубев Н.В., Валетов Д.А. Криминалистическое оружиеведение. Генезис современности. СПб., 2005. С. 26.

² Там же. С. 35.

ством»¹. В данном постановлении отмечалось, что в целях борьбы с явлениями хулиганства, с применением огнестрельного и холодного оружия, ЦИК и СНК СССР постановляют запретить изготовление, хранение, сбыт и ношение кинжалов, финских ножей и т.п. холодного оружия без разрешения НКВД в установленном порядке². В соответствии с этим в ст. 182 действовавшего на то время УК РСФСР от 1926 года были внесены дополнения, предусматривающие за указанные деяния лишение свободы на срок до пяти лет с конфискацией оружия.

Пришедший на смену УК РСФСР от 1960 года также предусматривал уголовную ответственность за ношение, изготовление или сбыт кинжалов, финских ножей или иного холодного оружия без соответствующего разрешения, за исключением тех местностей, где ношение холодного оружия является принадлежностью национального костюма или связано с охотничьим промыслом (ч. 2 ст. 218).

И уже в наше время первоначальный вариант ч. 4 ст. 222 УК РФ от 1996 года предусматривал уголовную ответственность за незаконные приобретение, сбыт или ношение холодного оружия за исключением тех местностей, где ношение холодного оружия является принадлежностью национального костюма или связано с охотничьим промыслом. Однако Федеральным законом РФ от 08.12.2003 № 162-ФЗ в данное положение были внесены изменения, в соответствии с которым в дальнейшем предусматривалась уголовная ответственность только лишь за незаконный сбыт холодного оружия. В окончательном варианте в ныне действующем УК РФ в соответствии с ч. 4 ст. 222 уголовной ответственности подлежат деяния связанные с незаконным сбытом гражданского холодного оружия, в том числе метательного оружия (в ред. Федерального закона от 28.12.2010 № 398-ФЗ).

Здесь же необходимо отметить, что речь о холодном оружии идет также в ст. 223 УК РФ. Частью 4 данной статьи предусмотрено наказание за незаконные изготовление холодного оружия.

Таким образом, на протяжении довольно длительного периода времени в необходимых случаях приходилось решать вопросы о принадлежности конкретного объекта к холодному оружию, определении его вида и типа, способе изготовления. По скольку общеюридических знаний работников правоохранительных органов было недостаточно для решения указанных вопросов, то возникла необходимость в проведении специальных исследований в виде экспертизы.

По мере изучения признаков различных видов холодного оружия, обоснования критериев оценки их прочностных и поражающих свойств, формировалась методика исследования различных видов холодного оружия. В результате длительных научных поисков, дискуссий и компромиссов была создана так называемая традиционная криминалистическая методика исследования холодного оружия и в первую очередь короткоклинкового холодного оружия.

Суть ее заключается в том, что отнести исследуемый объект к холодному оружию можно лишь установив его принадлежность к какому-либо заранее известному виду холодного оружия. Для этого необходимо выделить конструктивные признаки

¹ Сумарока А.М., Стальмахов А.В., Егоров А.Г. Холодное и метательное оружие: криминалистическая экспертиза: учебник / под ред. А.Г. Егорова. Саратов: СЮИ МВД России, 2000. С 5.

² [http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU\(дата обращения: 08.09.2016\)](http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU(дата обращения: 08.09.2016)).

объекта, выяснить в ходе эксперимента его свойства и сравнить их с соответствующими признаками и свойствами объектов известных групп холодного оружия. По результатам сравнения эксперт должен найти объекту место в классификации холодного оружия или предметов хозяйственно-бытового назначения. Необходимо отметить, что многие положения традиционной методики явились фундаментом для создания в дальнейшем официальной ныне действующей методики проведения экспертизы холодного оружия.

Однако как отмечают многие эксперты-практики, традиционная методика носила весьма субъективный и неоднозначный характер. Это было связано с отсутствием четких количественных критериев относимости объектов к категории холодного оружия, в результате чего большое значение при проведении экспертизы имела «личная убежденность» эксперта. Анализ практики экспертной деятельности прошлых лет (80-х – 90-х годов прошлого столетия) свидетельствует о том, что зачастую эксперты (в том числе и с большим стажем работы) делали противоположные выводы о принадлежности одних и тех же объектов либо к категории холодного оружия, либо к предметам хозяйственно-бытового назначения. Более того, многие эксперты в процессе уголовно-процессуальной деятельности нередко меняли свое мнение по поводу целесообразности относимости тех или иных объектов к категории холодного оружия¹.

Для преодоления указанных недостатков авторским коллективом, в состав которого вошло ведущие отечественные специалисты в области исследования холодного оружия, была разработана официальная «Методика экспертного решения вопроса о принадлежности предмета к холодному оружию». Данная Методика была утверждена 18 ноября 1998 г. Федеральным межведомственным координационно-методическим советом по проблемам экспертных исследований и рекомендована для использования в экспертных учреждениях Российской Федерации. В развитие данной Методики по согласованию Министерства внутренних дел, Госстандарта, Министерства экономики и Министерства юстиции Российской Федерации 25 ноября 1998 г. принимаются «Криминалистические требования к холодному, метательному оружию и изделиям, сходным по внешнему строению с таким оружием, для оборота на территории Российской Федерации».

В это же время разрабатывается, принимается и вводится в действие целый ряд государственных стандартов, имеющих непосредственное отношение к вопросам криминалистического исследования холодного оружия. Это ГОСТ Р 51015-97 «Ножи хозяйственные и специальные. Общие технические условия», ГОСТ Р 51215-98 «Оружие холодное. Термины и определения» и другие.

Кроме этого, начиная с 1996 года в Испытательной лаборатории Экспертно-криминалистического центра МВД РФ на постоянной основе стали проводить испытания различных образцов изделий на установление их принадлежности к определенному типу или виду гражданского, боевого холодного и метательного оружия, либо к специальным средствам или изделиям хозяйственно-бытового назначения, конструктивно сходным с таким оружием. Результаты таких испытаний оформляются «Протоколом криминалистических испытаний» или «Справкой об исследовании». К указан-

¹ Составление заключения эксперта при производстве экспертизы холодного оружия. Учебное пособие. Саратов, 2000. <http://eko-czao.narod.ru/ho/metod/001/metodik-3.htm> (дата обращения: 09.09.2016).

ным протоколам и справкам в качестве приложения оформляются «Информационные листки», в которых указывается номер и дата протокола, наименование испытанного образца и прочая необходимая информация. Сборники данных «Информационных листов» за определенный период времени, как правило, год направляются в соответствующие экспертные и другие учреждения и являются официальными справочно-методическими материалами¹.

Таким образом, к концу 90-х годов прошлого столетия наряду с «Методикой экспертного решения вопроса о принадлежности предмета к холодному оружию» была разработана и внедрена в практику весьма обширная нормативно-правовая база, направленная на устранение имевшихся недостатков в области криминалистического исследования холодного оружия.

Однако, как отмечают некоторые авторы, все это не только не сняло имевшиеся проблемы, но и создало массу новых трудностей. Заключение экспертов, выполненные в соответствии с новыми положениями, нередко исключаются из числа доказательств, что ведет к освобождению преступников от уголовной ответственности. Эксперты зачастую отказываются признавать самодельные объекты холодным оружием даже в простых случаях, предпочитая не рисковать своей репутацией. Их роль сводится лишь к сравнению исследуемого изделия с листками сертификационных испытаний и упоминанию его результатов в выводах. По словам многих специалистов, экспертиза холодного оружия сейчас постепенно исчезает².

Проблемы возникают в основном при экспертизе короткоклинкового оружия, изготавливаемого самодельным либо кустарным способом. Интернет в настоящее время переполнен предложениями различных образцов короткоклинкового холодного оружия, начиная от генеральских кортиков и заканчивая ножами для выживания. В последнее десятилетие в стране появилось большое количество небольших предприятий и кустарей-одиночек, занимающихся изготовлением короткоклинковых объектов, в том числе и в единственном экземпляре, которые приобретается пользователями в основном для хозяйственно-бытовых нужд. Как верно отметил А.А. Погребной, короткоклинковое холодное оружие и изделия, конструктивно сходные с ним, являются предметами «двойного назначения», т.е. могут применяться как для поражения цели, так и в хозяйственно-бытовых целях (в отличие, например, от огнестрельного оружия и большинства средне- и длинноклинкового холодного оружия). Причем поражение цели и выполнение хозяйственных операций обеспечивают одни и те же элементы конструкции. Эти особенности холодного оружия порождают массу проблем при проведении его экспертизы. С одной стороны, признаки холодного оружия, составляющего тот или иной вид, очень разнообразны и, с другой – сходны с признаками предметов хозяйственно-бытового назначения. Поэтому сложно выделить специфические для конкретного вида оружия признаки и отличить один вид от другого, а в некоторых случаях невозможно разграничить оружие и предметы хозяйственно-

¹ Герасимов А.М. Сертификационные испытания холодного, метательного оружия и изделий, конструктивно сходных с таким оружием, на соответствие криминалистическим требованиям. http://korenok.ru/auxpage_serifikacionnye-ispytaniya-holodnogo-metatelnogo-oruzhija-i-izd (дата обращения: 10.09.2016).

² Погребной А.А. Анализ методики экспертного решения вопроса о принадлежности предмета к холодному оружию // Судебная экспертиза. Саратовский юридический институт МВД России. 2007. Вып. 2 (10), С 87.

бытового назначения.

Некоторые нормативные акты, регламентирующие порядок исследования холодного оружия содержат неточности и противоречия. В частности, в Сборниках информационных листков холодного оружия, являющихся официальной справочной литературой, с которыми официальная методика требует обязательного сравнения при выполнении экспертиз, приведены ножи с твердостью клинков намного ниже указанной в методике как необходимой для гражданского холодного оружия, однако которые все-таки относятся к холодному оружию. Например, это касается ножей боевого назначения, стоящих на вооружении армий различных государств.

Вместе с тем, очень часто ножи боевые и охотничьи общего назначения имеют аналогичные конструктивные и размерные характеристики, следовательно, при проведении сравнительного исследования самодельных ножей можно в равной степени отнести их к той или другой группе, а к ним могут применяться существенно разные криминалистические требования (например, по твердости клинка).

Далее, в Криминалистических требованиях к холодному оружию, являющихся приложением к Методике, в качестве обязательных, характеристик приводятся ножны для ножей и кинжалов, отсутствие трещин и заусенцев, наличие клейм и т.д., что является обязательным признаком только для новых ножей и кинжалов заводского изготовления. А если нож поступил на экспертизу без ножен? В таком случае он уже не является холодным оружием?

Таким образом, полной ясности в вопросе о том, как проводить исследование короткоклинкового холодного оружия, изготовленного вне требований существующих ГОСТов в настоящее время нет. Не дает ответа на этот вопрос и А.А. Погребной, работу которого мы упоминали выше. Он в заключении отмечает, что проведенный анализ Методики показал, сколько еще нерешенных проблем имеется в этой области. Но любое начинание почти всегда сопровождается массой накладок, противоречий, непредвиденных негативных последствий. Необходимо совместными усилиями устранять имеющиеся в Методике недостатки¹.

Учитывая изложенное, полагаем возможным в официальной методике закрепить признаки холодного оружия обязательные и факультативные. В частности, к обязательным признакам можно отнести следующее:

1. Длина клинка должна быть не менее 90 мм;
2. Минимальная толщина клинка должна быть не менее 2,6 мм;
3. Твердость металла клинка, измеренная по методу Роквелла должна составлять не менее 42 HRC;
4. Рукоять объекта должна быть травмобезопасной, т.е. должна иметь одно или двусторонний ограничитель, либо одну или несколько подпальцевых выемок;
5. Клинок должен иметь в достаточной степени заточенное лезвие, или лезвия у кинжала, или острие у кортика (стилета).

Отсутствие хотя бы одного из перечисленных параметров, на наш взгляд, выводит объект из категории холодного оружия. Остальные признаки, например, наличие или отсутствие ножен, характер обработки деталей объекта и прочее можно отнести к признакам факультативным.

¹ Погребной А.А. Указ. Соч. С. 98.

Хлебникова Елена Ивановна,
к. биолог. н., доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики
Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ЭКСПЕРТИЗЫ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ДАВНОСТИ ВЫПОЛНЕНИЯ РЕКВИЗИТОВ ДОКУМЕНТОВ

В экспертной практике часто встречаются задачи по установлению относительной давности выполнения реквизитов. При этом можно встретить термины «относительная давность», «относительное время», «относительный возраст». Четкое толкование данных понятий в законодательных актах на сегодняшний день отсутствует. Что же следует понимать под ними и как они трактуются в технико-криминалистической экспертизе документов?

Термин «относительный» используют для сравнения давности одного документа или его фрагмента с другим. Обычно при производстве судебной экспертизы по установлению времени выполнения документа для обозначения «отдаленности во времени» изготовления документа применяют слово «давность». Что касается слова «возраст», то его трактуют как «количество времени, лет от рождения, с момента появления на свет»¹.

Таким образом, термин «относительная давность» в технико-криминалистической экспертизе документов означает установление последовательности (одномоментности) выполнения фрагментов документа (реквизитов одного документа), когда полученный при этом результат не выражается в единицах времени.

Для конкретного вида документа существует типовая формуляр, то есть совокупность необходимого количества реквизитов, располагающихся в строго определенной последовательности. В разных документах набор реквизитов также различен. Их число зависит от цели создания, назначения, от требований к форме и содержанию, а также способа документирования.

Создание документа проходит в два последовательных этапа:

1. путем составления содержательной части;
2. путем оформления документа, что придает ему юридическую силу.

При этом под юридической силой документа понимают свойство официального документа, сообщаемое ему действующим законодательством, компетенцией издавшего его органа и установленным порядком оформления². То есть орган управления или должностное лицо, выпускающие документ, должны соблюдать действующие нормы законодательства при его подготовке, при этом действовать только в пределах своей компетенции, а также соблюдать действующие в определенное время общего сударственные правила составления и оформления документов.

Именно с неправильным порядком оформления и возникла проблема установления относительной давности выполнения реквизитов документа. Как отмечают

¹ Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык. 2000. С. 945.

² ГОСТ Р 7.0.8–2013. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. М.: ФГУП «Стандартинформ», 2014. С.3.

А.С. Короткова и В.П. Лютов, в настоящее время стали широко использоваться документы, на чистые листы которых сначала наносятся только подлинные оттиск печати предприятия или фирмы и подпись должностного лица, а уже после – любой нужный текст, то есть фактически нарушается естественная последовательность выполнения реквизитов¹.

Подлинный документ обладает юридической силой, потому как в нем имеются сведения, подтверждающие его достоверность, то есть соответствие действительности.

Достоверным доказательством будет признан документ в случаях: если он содержит достоверную информацию о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах, в отношении которых он составлен; если умышленно и противоправно не менялось содержание первоначально выполненных реквизитов; если можно подтвердить достоверность происхождения документа информацией об авторе, времени, месте его создания, о способе и последовательности нанесения реквизитов; если для создания документа применены носитель, материалы, способы и технические средства для нанесения реквизитов, используемые изготовителем документа и (или) предусмотренные специальными нормами (правилами)².

Из выше изложенного можно заключить, что в случае нарушения предусмотренной последовательности нанесения реквизитов в документ, он уже будет признан недостоверным доказательством в суде.

Вот здесь возникает еще проблемный аспект: необходимо различать фальсификацию и недостоверность документов. Как утверждает М.З. Шварц, разграничение фальсификации и достоверности осуществляется по разграничению формы и содержания³. По его мнению, фальсификация – это искажение формы, но не содержания. А что если содержание документа искажено, тогда это подлог или недостоверность документа?

Отсутствие единого мнения у ученых-криминалистов и одного конкретного решения по трактовке понятий фальсификации, подлога и недостоверности документа, не позволяют дать однозначное определение в случае с документами, в которых нарушена естественная последовательность выполнения реквизитов.

М.В. Жижина отмечает, что исходя из судебной и экспертной практики, нарушение естественной последовательности нанесения реквизитов документа при его изготовлении является типичным объяснением версии о неподлинности спорного документа, и в таком случае документ теряет удостоверительное значение⁴.

Изучив материалы судебной практики, нами замечено, что при составлении решений суд обычно использует понятие «естественная последовательность» нанесе-

¹ Короткова А.С., Лютов В.П. Оценка частной методики установления последовательности нанесения реквизитов [Электронный ресурс] // Энциклопедия Судебной Экспертизы. 2014. № 1 (3). Режим доступа: URL: <http://www.proexpertiza.ru/>

² Пресс-служба. Выступление помощника председателя суда «О достоверности письменных доказательств» [Электронный ресурс] // Сайт Старополтавского районного суда Волгоградской области [сайт]. Режим доступа: URL: <http://www.sudrf.ru>

³ Шварц М.З. К вопросу о фальсификации доказательств в арбитражном процессе // Арбитражные споры. 2010. № 3.

⁴ Жижина М.В. Определение задачи экспертизы и формулирование вопросов экспертам. Возможности экспертизы документов [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Экспертиза-онлайн» [сайт]. Режим доступа: URL: <http://expertiza-online.ru>

ния реквизитов документа, под которой понимает порядок выполнения реквизитов документа, предусмотренный правилами делопроизводства (то есть изначально наносится текст, затем подпись и оттиск печати)¹. При этом оттиск печати заверяет подлинность подписи и наносится, захватывая часть наименования должности лица, подписавшего документ и часть его личной подписи. На финансовых документах оттиск печати наносится в специально отведенном месте, не захватывая наименование должности лица и его подписи². Обязательное требование – оттиск печати и личная подпись должны оставаться хорошо читаемыми³.

Несмотря на существующие правила, нет четкого определения неподлинности документа (либо фальсификации, подлога, недостоверности). Именно этим руководствовался Санкт-Петербургский городской суд в определении № 33-1250/2012 от 31 января 2012 г.: вопрос о том, в естественной ли последовательности была выполнена квитанция к приходному кассовому ордеру б/н от «...» года (сначала нанесен печатный текст, затем подпись, а затем проставлена печать), не является ключевым, поскольку выполнение такого документа в другой последовательности однозначно не свидетельствует о его фальсификации и недопустимости в качестве доказательства, так как понятие естественной последовательности ничем не регламентировано и является относительным⁴. В таком случае получается, что проведение экспертизы по установлению последовательности выполнения реквизитов бессмысленно.

В тоже время имеются и противоположные прецеденты, где факт указания экспертом в заключении, судебном заседании имеет значение. Например, решением Хорошевского районного суда (город Москва) № 2-181/2012 от 29 октября 2012 г. установлено, что последовательность выполнения реквизитов документов имеет правовое значение для дела⁵.

Отметим, что недействительный документ представляет собой: 1) полностью изготовленный фиктивный или подлинный документы, в которые внесены изменения путем подчисток, дописок, исправления или уничтожения части текста, внесения в него дополнительных данных, проставления оттиска поддельной печати и так далее; 2) фактически являющийся подлинным, но содержащий сведения, не соответствующие действительности (сфальсифицированные), при этом сохраняет внешние признаки и реквизиты надлежащего документа; 3) выданный с нарушением установленного порядка, вследствие совершения халатных действий или злоупотребления должностным лицом служебным положением при выдаче этого документа⁶.

¹ Приговор Ипатовского районного суда Ставропольского края от 14 ноября 2013 г. по делу № 1-143/2013 [Электронный ресурс] // Сайт Ипатовского районного суда Ставропольского края [сайт]. Режим доступа: URL: <http://ipatovsky.stv.sudrf.ru>

² Большая энциклопедия нефти и газа [Электронный ресурс] // Электронная библиотека технической литературы «Нефть и газ» [сайт]. Режим доступа: URL: <http://www.ngpedia.ru/>

³ Петрова Ю.А. Секретарское дело. Настольная книга секретаря-референта. М.: Омега-Л. 2007. С. 275.

⁴ Определение Санкт-Петербургского городского суда от 31.01.2012 N 33-1250/2012. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». <http://www.consultant.ru/>.

⁵ Решение по гражданскому делу от 29.10.2012 Хорошевского районного суда г. Москвы [Электронный ресурс] // Сайт Хорошевского районного суда города Москвы [сайт]. Режим доступа: URL: <http://horoshevsky.msk.sudrf.ru/>.

⁶ Об утверждении порядка работы с документами, вызывающими сомнения в их подлинности, и направления в правоохранительные органы заявлений о совершенном преступлении: Приказ Управ

Таким образом, исходя из анализа судебных решений, можно прийти к выводу о том, что порядок нанесения реквизитов в документ не регламентирован законодательно и осуществляется в соответствии с общепринятыми правилами оформления документов, поэтому однозначно признать документ фальшивым, опираясь лишь на нарушение естественной последовательности выполнения реквизитов, нельзя. Только оценив все доказательства в совокупности, опираясь при этом на заключение эксперта в данной области, суд может признать документ недействительным. Остается, однако, вопрос о его статусе как поддельного, фальсифицированного, недостоверного.

По нашему мнению, необходимо законодательно закрепить порядок оформления документов, в частности правильную последовательность нанесения реквизитов, чтобы уменьшить число коллизий при заполнении документов, а нарушение оформления признать фактом подделки документа, чем вооружить суды конкретностью формулировок и установить однозначность трактовки для того рода документов.

Ярошук Инна Александровна,
к. филолог.н, доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики
Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ СУДЕБНО-ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Научно-технический прогресс представляет собой основу развития целого ряда новых научных дисциплин и направлений, в том числе в криминалистике и судебной экспертизе. В настоящее время сотрудники экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел принимают активное участие в производстве всё больших следственных и оперативно-розыскных мероприятиях с использованием специальных криминалистических средств и методов, представляющих собой объективную доказательственную базу более половины расследованных преступлений¹.

Весьма актуальной на сегодняшний день перспективной, способствующей эффективному раскрытию и расследованию преступлений, представляется разработка и внедрение в практику новых, современных методов и средств исследования вещественных доказательств, повышение научного уровня и обоснованности выводов судебных экспертиз, среди которых судебно-почерковедческой экспертизе принадлежит особое место. По данным ЭКЦ МВД России в 2009 году специалистами данной области выполнено 78 тысяч почерковедческих экспертиз, а сама почерковедческая экспертиза занимает 3-е место среди других видов экспертиз по количеству выполненных

¹Ленин Росрегистрации по Москве от 14 декабря 2007 № 255. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru/>.

²Мартынов, В. В. Теоретические, организационные, процессуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы / В. В. Мартынов // Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции по криминалистике и судебной экспертизе 4-5 марта 2009 г. – М.: ЭКЦ МВД России, 2009. – С. 4.

ных¹. Согласно данным ЭКЦ МВД России от 23 января 2015 года по всей стране численность экспертов-почерковедов ведомства составляет порядка 5 тысяч человек. За 2014 год специалистами выполнено более 97 тысяч почерковедческих исследований и экспертиз. Таким образом, можно сделать вывод, что количество проведенных почерковедческих исследований за последние 5 лет увеличилось в 1,2 раза.

В настоящее время почерковедческая экспертиза представляет собой одну из самых востребованных в следственной и судебной практике и проводится в целях установления исполнителя рукописи, условий выполнения рукописных записей (писем) на базе анализа признаков почерка (подписей). В качестве объектов почерковедческого исследования выступают рукописные записи и подписи как в официальных, так и не официальных документах. Экспертами-почерковедами проводят сложные, многообъектные и повторные экспертизы, в связи с чем в процессе производства по делу возникают вопросы, связанные с эффективностью выводов в заключении эксперта как источнике доказательств. Кроме того, на данный вид эксперт приходится значительное число вероятных выводов и выводов в форме «не представляется возможным», связанных прежде всего со сложностью выявления и оценки признаков почерка. Поэтому почерковедческие исследования требуют применения уникальных методик и технических средств. При выполнении почерковедческих исследований эксперты руководствуются различного рода методиками. С. Д. Кулик, Д. А. Никоненко, К. И. Ткаченко отмечают, что существующие почерковедческие методики разработаны достаточно давно и требуют проверки на соответствие их текущей ситуации². Указывается, что «состояние дел в области почерковедческих экспертиз убедительно показывает на необходимость разработки новых почерковедческих методик, применение новых показателей эффективности, связанных с методиками и созданием комплексных автоматизированных средств поддержки почерковедческих экспертиз, например, в виде автоматизированного рабочего места (АРМ) эксперта почерковеда».

Следовательно, особо актуальной на современном этапе развития судебной почерковедческой экспертизы является проблема обеспечения достоверности процесса экспертного почерковедческого исследования, а также научной обоснованности выводов эксперта. Данной проблеме посвящали свои исследования такие видные ученые, как М.В. Бобовкин, А.И. Винберг, А.М. Компаниец, И.Д. Кучеров, Р.М. Лавинский, В.Ф. Орлова, С.М. Потапов, Н.В. Терзиев, Л.Г. Эджубов и другие.

В начале XXI века появляются новые объекты судебно-почерковедческих экспертиз – рукописные тексты и подписи, выполненные с применением множественно и компьютерной техники: новые варианты подделки подписей; рукописные тексты и подписи, выполненные привычной левой рукой (природными левшами и др.).

¹Министерство внутренних дел Российской Федерации {Официальный сайт URL: https://mvd.ru/mvd/structure1/Centri/IEkspertno_kriminalisticheskij_centri/Publicacii_i_vistuplenija m/3032451/ (дата обращения 12.02.2015).

²Кулик, С. Д. Экспериментальное исследование почерковедческих методик / С. Д. Кулик, Д. А. Никоненко, К. И. Ткаченко // Сборник трудов XX Межд. конф. «Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов», 24-25 мая 2011 г. М.: Академия управления МВД России, 2011. С. 348.

За последние десятилетия XX века и в начале XXI века в нашей стране происходили существенные изменения как внешних, то есть объективных (прописи нового образца, различные виды современных пишущих приборов и.д.), так и внутренних, то есть субъективных (развитие личности в условиях новой социально-экономической формации) факторов, оказывающих существенное влияние на формирования почерка. Что нашло своё отражение в преобразованной структуре (строении) почерка современного человека. Так, например, согласно методике проведения судебно-почерковедческих экспертиз и исследований, определение степени выработанности почерка является настолько важным, что предполагается возможность при установлении крайних степеней выработанности – высокой (в исследуемом) и низкой (в образцах) – прийти к отрицательному выводу без проведения последующего сравнительного исследования частных признаков.

В практике современной судебно-почерковедческой экспертизы возникают проблемы, прежде всего, на стадии подготовки экспертиз и исследований. К таким можно отнести следующие:

- (а) сокрытие вещественных доказательств, в том числе оригиналов документов;
- (б) вынужденная работа эксперта с вещественными доказательствами, представленными в качестве копий документов, выполненных посредством компьютерной техники;
- (в) отказ выполнять условно-свободные или экспериментальные образцы;
- (г) выполнение экспериментальных образцов с умышленным изменением почерка;

(д) неправильный подбор и оформление материалов, представляемых субъектами, назначающими экспертизу¹. Во избежание этого необходимо при закреплении и подготовке вещественных доказательств придерживаться имеющихся рекомендаций, в особенности при изъятии и отборе образцов для сравнительного исследования (сопоставимости их по времени написания и виду документа, языку, содержанию, материалу письма, способу выполнения и, если возможно, по условиям выполнения)². Однако данная проблема в некоторых случаях является следствием того, что субъект, производящий отбор образцов, сталкивается с определёнными трудностями. Во-первых, многие подозреваемые отказываются давать образцы, ссылаясь, например, на неимение той или иной необходимой для составления образца письменной практики. Во-вторых, при непосредственном отборе сравнительных образцов субъект, производящий их отбор, может предоставлять рукопись для списывания, вследствие чего у подозреваемого лица не проявляются в полном объёме письменно-двигательные и письменноречевые навыки, нежели при отборе образцов под диктовку. Таким образом, «процесс криминалистического экспертного исследования начинается с изучения и осмысления экспертом исходной информации, предоставляемой в его распоряжение субъектом, назначившим экспертизу <... >. Между тем она представляется достаточ-

¹ Глебова, О. Ю. Почерковедческое исследование документов на право получения лекарственных препаратов / О. Ю. Глебова // Судебная экспертиза. № 4. Саратов, 2005. С. 64.

² Назначение и производство судебных экспертиз. Пособие для следователей, судей и экспертов / Авдлина Л.М., Белыева Л.Д., Брайнин М.С., Воронин Ю.Ф., и др.; Отв. ред.: Аринушкин Г.П., Шляхов А.Р. М.: Юрид. лит., 1988. С. 37.

но важной, поскольку непосредственно связана с качеством экспертного исследования и решением стоящих перед ним задач. Исходная информация является той основой, на которой строится этот процесс, и от её полноты и качества зависит успешность решения экспертной задачи»¹.

На стадии проведения судебно-почерковедческих экспертиз и исследований последнее время наиболее актуальными проблемами являются:

(а) увеличение числа объектов с изменённым почерком, представленных на экспертизу материалов и образцов;

(б) всё возрастающее преобладание кратких подписей как объектов почерковедческих исследований;

(в) появление в последние десятилетия рукописных текстов и подписей, и полученных электрофотографическим способом (с помощью компьютерной или микротехнической техники);

(г) наличие рукописных текстов и подписей, выполненных привычной левой рукой природными левшами ввиду отсутствия специальных методических рекомендаций.

В настоящее время одной из наиболее существенных и актуальных проблем в судебно-почерковедении является проблема экспертной ошибки. На практике и редко встречаются случаи следственных и судебных ошибок, возникновение которых возможно и вследствие экспертной ошибки². Существуют определённые объективные и субъективные причины, в силу которых абсолютное исключение возможности экспертной ошибки не представляется возможным. Среди них можно выделить следующие:

(а) недостаточность знаний эксперта (субъективная причина);

(б) недостаточность сравнительных материалов, предоставляемых на исследование. Данная причина, на наш взгляд, может быть устранена посредством законодательного утверждения определённого количества сравнительных материалов, предоставляемых эксперту.

Итак, в целях решения проблемы экспертных ошибок необходимо проводить регулярную работу по их выявлению и определению механизмов возникновения, также совершенствовать их предупреждение.

Таким образом, вышеизложенные проблемы свидетельствуют о необходимости поиска новых решений в судебно-почерковедении, исследование внутренних закономерностей в проявлении признаков почерка. В связи с этим возникает необходимость создания новых методов и методик, отвечающих потребностям современной науки и практики. Как указывает Б. М. Бишманов: «...вся система обеспечения экспертно-криминалистической деятельности должна состоять из двух частей: первая содержит весь пакет программных продуктов, направленных на поисковое, справочное

¹ Белкин, Р. С. Криминалистика: Проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике / Р. С. Белкин. М.: Юрид. лит., 1988. С. 76.

² Скрипилева, Н. А. О некоторых причинах совершения ошибок при производстве экспертиз и о возможности их предотвращения / Н. А. Скрипилева // Российский Следователь. № 3. М.: Норма, 2000. С. 7.

ное и информационное обеспечение, другая – на интеллектуальное обеспечение»¹. Следовательно, на современном этапе развития судебно-почерковедческой экспертизы эксперт должен быть вооружён современными методами исследования почерка и подписей, обладать специальными знаниями в области исследования документов и «иметь на вооружении достойную техническую базу»².

Кислицина Ирина Николаевна,
ст. преподаватель кафедры судебной экспертизы и криминалистики
Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

В соответствии со ст. 195 УПК РФ следователь имеет право назначить судебную экспертизу по уголовному делу, находящемуся у него в производстве. Для этого он должен вынести постановление и приложить к нему необходимые материалы и объекты экспертного исследования. Процедура с точки зрения ее процессуального сопровождения кажется не сложной. Ее алгоритм приведен Л.А. Соя-Серко и состоит из пяти основных позиций: сбор необходимых материалов; определение конкретных вопросов: выбор эксперта; вынесение постановления, ознакомление с ним эксперта³. На самом деле это так если следовать только процессуальной норме. Однако в практике расследования возникает достаточно вопросов, которые на стадии подготовки назначения экспертизы должен решить следователь с тем, чтобы постановление и материалы не были ему возвращены экспертом для восполнения их неполноты и сама экспертиза, по качеству соответствовала цели назначения.

В таких ситуациях расследования следователь особенно остро нуждается в совете и консультации специалиста-криминалиста⁴. Лучше, если это будет специалист-криминалист, который уже знаком с объектами, подлежащими направлению на экспертизу, то есть он участвовал в осмотре места происшествия, обыске, освидетельствовании и прочих следственных действиях, где эти объекты были следователем изъяты.

Перед назначением экспертизы следователю желательно выслушать мнение специалиста-криминалиста о пригодности объекта к экспертному исследованию

¹ Бишманов Б. М. О проблемах компьютеризации судебной экспертизы / Б. М. Бишманов // Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений. Т.1. М.: ЭКЦ МВД России, 2004. С. 70.

² Сысоева Л. А. Актуальные проблемы современной судебно-почерковедческой экспертизы на этапе 2000-2008 гг. / Сысоева // Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции по криминалистике и судебной экспертизе 4-5 марта 2009 г. М.: ЭКЦ МВД России, 2009. С. 362.

³ Соя-Серко Л.А. Организация следственного действия. Москва, 1974. С. 33.

⁴ Жашуев Р.А. Использование специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений // Теория и практика использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений (к 90-летию со дня рождения профессора И.М. Лузгина и к 80-летию со дня рождения профессора Е.И. Зуева): Сб. матер. 50-х Криминалистических чтений: в 2-х ч. – М.: Академия управления МВД России, 2009. С. 54–57.

(например, о следах пальцев рук). Это мнение может быть основано на сведениях, полученных из непосредственного участия специалиста-криминалиста в осмотре соответствующего места происшествия, осмотра объекта совместно со следователем с последующим составлением протокола, беседы со следователем и других источников. Данное действие необходимо потому, что назначение экспертизы по непригодному для экспертного исследования объекту будет затягивать производство по делу, как правильно указывает Е.Р. Россинская¹.

Кроме того, немаловажным является консультация специалиста-криминалиста о наличии соответствующей экспертной методики для исследования объекта по конкретным вопросам. Назначение экспертизы при ее отсутствии или недостаточной разработанности также будет затягивать предварительное расследование.

Постановление о назначении экспертизы – процессуальный документ, который составляет следователь. В его вводной части, традиционно, следователь отражает содержание фактуры расследуемой кражи и, в этой связи, обстоятельства обнаружения и изъятия объекта представляемого на экспертизу.

С учетом особенностей его экспертного исследования, о которых специалист-криминалист всегда больше информирован, нежели следователь, он может рекомендовать более детально изложить обстоятельства и условия обнаружения объекта, его состояние и особенности перед упаковкой, а также сам процесс упаковки². Эта информация даст эксперту сведения первоначального характера, обратит его внимание на криминалистическую правильность собирания (обнаружения, фиксации, изъятия) объекта, отсутствие ошибок при использовании технико-криминалистических средств и методов собирания следов, особенно микрообъектов. Впоследствии это сможет объяснить ему некоторые признаки и свойства объекта исследования. Можно рекомендовать следователю приобщить к постановлению копию протокола (его фрагмента) с описанием обстоятельств обнаружения объекта, представляемого на экспертизу, протокола допроса (фрагмента протокола) лица, у которого объект был изъят (который его выдал следователю) об особенностях хранения, транспортировки объекта и прочей важной информации связанной с ним. Данные сведения, безусловно, являются важными для эксперта.

Следователю может понадобиться консультация (совет) о том, как правильно и точно следует мотивировать необходимость назначения судебной экспертизы, так как традиционная для данных процессуальных документов мотивировочная фраза о том, что назначение экспертизы «... имеет существенное значение для установления истины по уголовному делу...» ничего о целях следователя эксперту не говорит.

Однако наиболее активно следователь использует знания специалиста-криминалиста в процессе подготовки резолютивной части постановления для назначения судебной экспертизы.

Это, в первую очередь, связано с необходимостью грамотного формулирования вопросов по объекту, подлежащему экспертному исследованию.

¹ Россинская Е.Р. Теория судебной экспертизы: учебник / Е.Р. Россинская, Е.И. Галицкая, А.М. Зинин: под ред. Е.Р. Россинской. М.: Норма, 2009. С. 328.

² Еникеев М.Н., Образцов В.А., Эминов В.Е. Следственные действия: тактика, технологии: учеб.пособие. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. С. 26.

Эта процедура может быть разделена на две части.

О первой, обычно хорошо осведомлен следователь, и она включает правила обращенные к формулированию вопросов, которые давно выведены криминалистикой: 1) они должны вытекать из конкретных обстоятельств дела; 2) должны быть поставлены с учетом возможностей современной науки, положениями которой пользуется эксперт; не должны выходить за пределы научной компетенции эксперта; 3) не должны требовать правовой оценки исследуемых фактов; 4) должны быть определенными, конкретными, ясно и правильно сформулированными, не носить новоящий характер; 5) располагаться в определенной логической последовательности¹.

Вторая часть касается предмета судебной экспертизы, то есть, фактических данных (обстоятельств дела), исследуемых и устанавливаемых в досудебном производстве на основе специальных знаний в различных областях науки и техники, искусства и ремесла², перечня тех вопросов, которые следователю и надлежит сформулировать эксперту по конкретному объекту, назначая судебную экспертизу. В этой процедуре специалист-криминалист его первый помощник. Эта необходимость подчеркнута и законодателем – ч. 1 ст. 58 УПК РФ, где специалист может быть привлечен следователем «для постановки вопросов эксперту».

Совет и консультации в этом аспекте следователю могут быть выражены в следующем.

Во-первых, специалист-криминалист, в зависимости от предмета исследования, зачастую, более точно, чем следователь определит род или вид назначаемой экспертизы, что существенно для формулирования вопросов.

Во-вторых, специалист-криминалист, в силу профессиональной подготовки, обсуждая со следователем предмет экспертизы, способен более четко уяснить суть обстоятельства, подлежащего установлению экспертом. Он лучше, чем следователь знаком с научными возможностями и методиками, которые при этом могут быть использованы экспертом, а также компетентностью экспертов, которым может быть поручено производство судебной экспертизы.

Об этом хорошо пишет Е.Р. Россинская: «Специалист может помочь определить род и вид судебной экспертизы, что непосредственно связано с выбором экспертного учреждения или кандидатуры эксперта, определением его компетентности в решении поставленных вопросов»³.

И, наконец, с учетом этих обстоятельств специалист-криминалист более чем следователь подготовлен в научном, логическом и грамматическом отношении к формулированию вопросов, выносимых на разрешение экспертом. В особенности это касается вопросов связанных с использованием информации, полученной при освидетельствовании подозреваемого в краже гражданина⁴.

¹ Криминалистика. «Юридическая литература», М., 1968. С. 442.

² Россинская Е.Р. Теория судебной экспертизы: учебник / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяпина. А.М. Зинин; под ред. Е.Р. Россинской. М.: Норма, 2009. С. 84.

³ Россинская Е.Р. Теория судебной экспертизы: учебник / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяпина. А.М. Зинин; под ред. Е.Р. Россинской. М.: Норма, 2009. С. 328.

⁴ Торбин Ю.Г. Освидетельствование как способ собирания доказательств на стадии предварительного расследования. Научно-практическое пособие. М.: Издательство «Юрлитинформ». 2005. С. 206–230.

Однако помощь специалиста-криминалиста при подготовке назначения экспертизы по уголовным делам о кражах не ограничивается только вышеприведенными эпизодами дачи следователю советов и его консультирования.

Специалист-криминалист всегда более компетентен, чем следователь в вопросах кому наиболее целесообразно поручить выполнение экспертизы с учетом возможностей судебно-экспертного учреждения, а также квалификации их сотрудников. Последняя часть вышеприведенного тезиса Е.Р. Россинской здесь актуальна тем, что специалист-криминалист всегда более информирован, в силу своего должностного положения, чем следователь, в компетенции эксперта и компетентности конкретного эксперта, а это один из определяющих факторов успеха судебно-экспертного исследования объекта.

Поэтому данное обстоятельство также обязательно должно быть отражено в резолютивной (постановочной) части постановления следователя о назначении судебной экспертизы, так как «успех назначения экспертизы, научная обоснованность и объективность ее заключения в значительной мере зависит от правильного выбора эксперта (экспертов)»¹.

Кроме того, осуществляя свою справочно-консультационную деятельность при подготовке назначения следователем судебной экспертизы, специалист-криминалист может указать на иные ошибки в постановлении о назначении экспертизы, когда на разрешение эксперта ставятся вопросы, выходящие за пределы его компетентности или для ответов на вопросы не требуется специальных знаний.

Другая ситуация может возникнуть в обстоятельствах наличия недостаточной разработанности экспертных методик для более глубокого исследования объекта. Специалист-криминалист может проконсультировать следователя о том, что могут дать расследованию «устоявшиеся», проверенные методики исследования вещественных доказательств, приобщенных к уголовным делам о кражах и каково будет доказательственное значение результатов экспертизы объекта на основе их применения.

Наконец, советы и консультирование специалиста-криминалиста необходимо и эффективно при назначении исследований объектов по новым видам экспертиз (например, идентификации вора на основе судебно-генетической экспертизы по следам биологических выделений). В этой связи А.М. Зинин отмечает: «Информация о развитии судебных экспертиз, появлении их новых видов и возможностях этих экспертиз не всегда своевременно поступает в следственные и судебные органы, поэтому специалист еще при проведении следственных действий с его участием – осмотр мест происшествий, обысков и выемок – может дать совет следователю о необходимости назначения экспертизы, недавно выполняемой в судебно-экспертных учреждениях»².

Обобщая всё вышесказанное, можно ещё раз подчеркнуть, что при назначении судебной экспертизы по уголовному делу на стадии предварительного расследования существенную помощь следователю оказывает специалист-криминалист. Взаимодействие следователя и специалиста-криминалиста на этом этапе повысит процессуальное значение данного следственного действия.

¹ Иванов В.П., Штейнгауз М.С. Назначение экспертизы следователем и судом. Минск, 1975. С. 126.

² Зинин А.М. Криминалист в следственных действиях: Учебно-практическое пособие / А.М. Зинин. Издательство «Экзамен». М., 2004. С. 118.

Наймушин Михаил Евгеньевич,
к. истор. н., доцент, доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин
Сыктывкарского государственного университета
имени Питирима Сорокина
Збаражский Николай Васильевич,
к. ю. н., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Сыктывкарского государственного университета
имени Питирима Сорокина
(Сыктывкар, Россия)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТНОГО ПРАВА В РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

С завершением процедуры конституционно-правового оформления статуса республики Крым в составе субъектов РФ начался новый этап в развитии транспортного права и совершенствования механизма правового регулирования в секторе российской экономики. Территориальное расширение РФ в связи с образованием нового субъекта автоматически повлекло за собой увеличение национального воздушного пространства, морской акватории чёрного моря и сухопутной части полуострова Крым.

В соответствии с нормами международных конвенций о национальном воздушном пространстве¹ и морской акватории², РФ установила свою юрисдикцию в соответствии с действующим международным правом и национальным законодательством в морской акватории и воздушном пространстве в субъекте РФ Республике Крым (Воздушный кодекс РФ, Кодекс торгового мореплавания РФ). Это потребовало достаточно объёмных финансовых инвестиций и перераспределения средств федерального бюджета. В связи с тем, что транспортную инфраструктуру Республики Крым было необходимо реформировать комплексно, анализируя ситуацию с эксплуатацией морского, воздушного, железнодорожного и автомобильного транспорта. Первоочередной задачей стало включение транспортной инфраструктуры нового субъекта РФ в единую российскую транспортную систему, причем этот процесс потребовал значительных целенаправленных действий со стороны федеральных министерств и ведомств, акционерных национальных компаний, осуществляющих деятельность в сфере пассажирских и грузовых перевозок.

Соответственно, действующая нормативно-правовая база РФ в сфере транспортного права должна обеспечивать оптимальное правовое регулирование правоотношений в сфере перевозок. Включение Республики Крым в состав РФ стало началом процесса по разрешению отдельных вопросов практической деятельности федеральных органов управления РФ и органов государственной власти Республики Крым.

Необходимо констатировать следующий факт – целенаправленная и скоординированная деятельность государственных органов федерального и республиканского уровня обеспечила правильное и рациональное применение действующего транс-

¹ Чикагская конвенция 1944 г., ст. 1, 2.

² Международная конвенция ООН по морскому праву 1988 г., ст. 2, 3.

портного права РФ, способствовала стабилизации экономической безопасности Республики Крым и дальнейшему формированию транспортной инфраструктуры.

Наиболее сложным является вопрос строительства моста через Керченский пролив, который позволит разрешить сложные транспортные проблемы, связанные с негативной внешней политикой Республики Украина по отношению к Российской Федерации. Ввод в эксплуатацию моста через Керченский пролив (2018 год) позволит транспортной инфраструктуре Республики Крым стать составляющим элементом единой транспортной системы РФ, обеспечить тем самым устойчивое развитие экономического и социального сектора нового субъекта РФ.

Необходимо отметить важнейший момент совершенствования транспортной инфраструктуры Республики Крым – это элемент стабилизации национальной безопасности Российской Федерации на южной морской границе.

Транспортное право Российской Федерации получило новый этап своего динамического развития в соответствие с объективными требованиями развития российской экономики и политической системы.

Среди первостепенных задач, которые требуют незамедлительного решения для Республики Крым – обеспечение энергетической независимости и транспортной доступности полуострова, развитие на новой, рациональной основе орошаемого земледелия, модернизация всей устаревшей инфраструктуры полуострова пренебрежительного, строительство водоочистных сооружений и организация безопасной для экологии системы утилизации твердых бытовых отходов.

Из-за отношения центральных киевских властей инфраструктура Крыма за последние два десятилетия пришла в серьезный упадок. В плохом состоянии системы городских водопроводов, чей износ составляет 49%, износ канализационных сетей – 56%, основная часть тепловых трасс нуждается в капитальном ремонте, а многие автомобильные дороги Крыма не реконструировались с 1980-х годов. Около 80% воды поступало на его территорию через Северо-Крымский канал из Днепра, что в связи с его перекрытием Украиной привело к известным проблемам с водоснабжением агрохозяйственного комплекса республики¹.

По мнению ряда экспертов, интеграция Крыма в единое экономическое пространство России обойдется примерно в 30 млрд. долл. до 2025 года. Ежегодный дефицит бюджета Крыма составляет около 1 млрд. долл. Кроме того в российский бюджет придется запланировать расходы на поддержание и развитие инфраструктуру полуострова, которая за постсоветские годы сильно обветшала².

Кроме того, создание прочной транспортной связки Крыма с материковой частью России снимет в перспективе большую часть текущих логистических проблем. Но на ближайшее время – в течение трех-пяти лет – задача заключается в том, чтобы вывести инфраструктуру Крыма на среднероссийский уровень. Важнейшим стимулом для самостоятельного развития региона должны стать благоприятные условия, позво

¹ Аксенов С.В. Крым: векторы развития [Электронный ресурс] // <http://www.rg.ru/2014/09/03/aksenov.html> (дата обращения: 21.10.2015).

² Якушова Е.С., Рязанцева М.В. Анализ перспектив развития республики Крым посредством особых экономических зон [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2014/05/34245> (дата обращения: 25.10.2015).

лющие привлекать частный бизнес и негосударственные инвестиции в экономику полуострова.

В этом плане создание в Крыму особой экономической зоны (ОЭЗ) будет способствовать развитию новых субъектов предпринимательской деятельности, даст импульс для многих отраслей промышленности и сферы услуг, освободив федеральный бюджет от дополнительной нагрузки. Как показывает мировой опыт, такой подход позволяет осуществлять догоняющее развитие территорий не только за счет прямой финансовой помощи из центра, но и путем создания действенных рыночных стимулов и механизмов инвестиционного финансирования. Эта потенциальная функция ОЭЗ особенно актуальна для Крыма. Разработка законопроекта о создании в республике особой экономической зоны уже началась. В ходе его обсуждения было внесено много предложений и дополнений со стороны депутатов всех уровней, федеральных и республиканских министерств и ведомств, крымской общественности. Должно учитываться, что крымская ОЭЗ формируется в особых, нестандартных условиях, связанных с применением западными странами режима санкций и прямых запретов на использование, в частности транспортной и иной инфраструктуры полуострова. Дополнительного внимания потребуют вопросы институционального оформления зоны и совершенствования ее нормативно-правовой базы¹.

Одной из проблем, обострившихся после присоединения Крыма к России, стала проблема транспортного сообщения. 22 апреля 2014 года в перечне поручений Президента РФ по вопросам развития транспорта было заявлено о формировании акватории для обеспечения деятельности железнодорожной переправы «Крым – Кавказ», разработке плана реализации в первоочередном порядке проекта транспортного перехода через Керченский пролив².

С апреля 2014 года железнодорожные кассы России начали продажу единых билетов в Крым, предполагающих путь через Краснодар, Анапу и порт «Кавказ».

Пропускная способность Керченской переправы, после присоединения Республики Крым к России увеличилась вдвое – до 5 тысяч пассажиров в сутки³. Прогнозируя возрастающие нагрузки пассажиропотока Единая транспортная дирекция увеличила количество рейсов паромов с 18 до 30 в сутки, изменилась схема организации движения на подъезде к переправе для упорядочивания типов подвижного состава.

В условиях политической нестабильности и отсутствия четких межгосударственных договоренностей, люди, которые попадают на полуостров Крым прямыми авиарейсами или паромной переправой, считаются в Киеве нарушителями государственной границы, поскольку в паспорте отсутствует соответствующий штамп.

В 2014 году тяжелая транспортная ситуация на Керченской переправе стала одной из проблем, обострившихся после присоединения Крыма к России.

¹ Аксенов С.В. Там же.

² Перечень поручений по вопросам развития транспорта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mahachkala.bezformata.ru/listnews/peroprava-kavkaz-kerch/22159530/> (дата обращения: 21.10.2015).

³ Пропускная способность Керченской переправы возросла вдвое [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://mahachkala.bezformata.ru/listnews/peroprava-kavkaz-kerch/22159530/> (дата обращения: 15.10.2015).

После присоединения Республики Крым к РФ Керченская паромная переправа, которая соединяет Краснодарский край и полуостров, испытывает значительную транспортную нагрузку.

Керченская переправа является основной транспортной артерией, связывающей Крым с Россией. После присоединения полуострова к РФ, переправа начала испытывать дополнительную нагрузку.

В связи со сложной ситуацией, транспортной нагрузкой, оказываемую на Керченскую переправу в связи с присоединением Республики Крым к РФ, по распоряжению Правительства РФ было принято решение выделить Автономной некоммерческой организации «Единая транспортная дирекция» в 2014 году – 170 миллионов рублей на обустройство инфраструктуры переправы в портах Кавказ и Керчь, следует и опубликованного на портале правовой информации распоряжения Правительства РФ. О планах выделить около 170 миллионов рублей на развитие инфраструктуры портов Кавказ и Керчь для облегчения летней переправы в Крым информировал в октябре премьер-министр РФ Д.А. Медведев.

«Единая транспортная дирекция» является единым оператором на Керченской переправе. Она – координатор разных видов транспорта, осуществляет взаимодействие с разными собственниками инфраструктуры и формирует единый тариф на перевозку¹.

19 марта 2014 года Правительство РФ издало постановление о разработке технико-экономического обоснования (ТЭО) по строительству моста между Краснодарским краем и Крымом, 31 марта министр финансов России А. Силуанов высказал мнение, что источники финансирования строительства моста через Керченский пролив правительство намерено привлечь из средств госпрограммы по развитию транспорта РФ до 2020 года, а министр транспорта РФ М. Соколов заявил, что стоимость проекта может превысить 50 млрд. рублей.

Мост через Керченский пролив, связывающий Крым с остальной территорией России, будет построен к 16 декабря 2018 года, информировал в ходе состоявшейся сегодня встречи с Президентом РФ глава Министерства транспорта М. Соколов.

«В августе начали строительные работы по созданию керченского моста. Г. нашему плану–графику мы должны завершить эти работы 16 декабря 2018 года», заявил министр, отметив, что работы по созданию транспортного перехода через Керченский пролив были ускорены в соответствии с поручением главы государства.

В свою очередь В. Путин напомнил, что мост в Крым должен быть полноценным автомобильно-железнодорожным мостом. Глава Минтранса заверил, что по мосту пройдет двухпутная электрифицированная железная дорога, по пропускной способности соответствующая Транссибу.

«Она сможет пропускать порядка 100 миллионов тонн грузов в год и достаточное количество пассажирских поездов. Это будет абсолютно достаточная инфраструктура как для железнодорожной, так и автомобильной связи Крымского полуострова с остальной частью нашей страны», - отметил Соколов.

¹ На Керченской переправе вводят "электронную очередь" для автомобилистов, по 40 часов ожидания возможности попасть в Крым [Электронный ресурс]. - Режим доступа <http://www.newsru.com/russia/19aug2014/electron.html> (дата обращения: 15.10.2015).

Глава Минтранса пояснил, что кроме, собственно, моста, предстоит построить необходимую для нормальной работы переправы инфраструктуру, в том числе автомобильную и железную дороги длиной около 40 километров, которые будут подходить непосредственно к самому Керченскому переходу через пролив.

В начале сентября 2014 года был опубликован проект постановления правительства РФ «Об осуществлении бюджетных инвестиций в проектирование и строительство транспортного перехода через Керченский пролив», в соответствии с которым предельная стоимость строительства была определена в 228,3 млрд. руб.¹

В документе также отмечается, что условием исполнения контракта на строительство моста через Керченский пролив, который будет отдан единственному исполнителю, должны стать гарантии подрядчика, что он не превысит предельную стоимость договора. Он должен будет представить банковскую гарантию или иное предусмотренное законодательством обеспечение в размере 30% от стоимости контракта.

Бозиева Елена Анатольевна,
адъюнкт кафедры конституционного и административного права
Краснодарского университета МВД России
(Краснодар, Россия)

ПОРЯДОК ЗАМЕЩЕНИЯ И СООТНОШЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ ГЛАВЫ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ГЛАВЫ МЕСТНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

В процессе становления в России правового демократического государства все большее значение имеет местное самоуправление. Реформа этого института связана с переустройством на новых организационных, нормативных и финансово-экономических началах низового звена публичной власти и социальной активизацией граждан, для которых местное самоуправление выступает одной из форм осуществления народовластия. При этом местному самоуправлению принадлежит существенная роль в реализации одной из главных задач современности - соединению интересов государства, общества и личности. В рамках реформы местного самоуправления важнейшую роль играют исполнительные органы на муниципальном уровне.

В ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» 2003 г. в ст. 36 («Глава муниципального образования») и ст.37 («Местная администрация») определены основы деятельности исполнительных органов местного самоуправления. В частности, указание на то, что местная администрация является исполнительно-распорядительным органом муниципального образования, обусловлено необходимостью определить в общих чертах компетенцию данного органа. Нормы ст. 37 указывают также, что именно местные администрации могут наделяться полномочиями для осуществления отдельных государственных полномочий, т.е. выполнять некоторые функции государственных органов. Полномочиями для осуществления отдельных государственных полномочий могут наделяться админи-

¹ На Керченской переправе вводят "электронную очередь" для автомобилистов, по 40 часов ожидания возможности попасть в Крым [Электронный ресурс]. - Режим доступа://<http://www.newsru.com/russia/19aug2014/electron.html> (дата обращения: 15.10.2015).

страции муниципальных районов и городских округов, за исключением особых случаев, установленных федеральным законом или законом субъекта РФ.

Однако, как показывает муниципальная практика, функционирование исполнительных органов местного самоуправления сопряжено с рядом проблем как организационного, так и правового характера, не позволяющих в полной мере использовать потенциал этих органов на местном уровне. Так, закрепленный принцип единоначалия в деятельности главы администрации предполагает, что он может непосредственно руководить органами и структурными подразделениями местной администрации либо назначает руководителей данных подразделений; издает распоряжения по вопросам организации работы местной администрации; определяет структуру местной администрации, хотя она и утверждается представительным органом.

При этом, однако, в составе администрации имеются коллегиальные органы (например, комиссия по землепользованию), могут создаваться и временные комиссии (например, комиссия по проведению публичных слушаний), которые являются коллегиальными структурами, и это входит в противоречие с принципом единоначалия. Далее, если в соответствии с уставом муниципального образования глава муниципального образования возглавляет местную администрацию, он должен избираться на муниципальных выборах. Если глава муниципального образования, также избранный населением, возглавляет представительный орган, то глава местной администрации назначается на должность по контракту представительным органом муниципального образования по результатам конкурса на срок, установленный уставом муниципального образования.

Однако в этих двух случаях полномочия главы муниципального образования существенно разнятся, хотя он в обоих случаях получает мандат доверия от населения. Этот вопрос в теории и тем более в практике пока не находит своего оптимального решения. На наш взгляд, глава муниципального образования, избираемый населением на муниципальных выборах, должен в обязательном порядке возглавлять местную администрацию. При таком подходе, как представляется, следует изменить формулировку п. 2 ч. 1 ст. 36 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В настоящее время она имеет следующий вид: «в случае избрания на муниципальных выборах либо входит в состав представительного органа муниципального образования с правом решающего голоса и исполняет полномочия его председателя, либо возглавляет местную администрацию». Мы полагаем, что целесообразнее придать следующий вид: «в случае избрания на муниципальных выборах возглавляет местную администрацию». То есть альтернативы быть не должно. В этом случае будет повышена ответственность избранного должностного лица за результаты своей деятельности.

Власенко Елена Евгеньевна,
аспирант кафедры конституционного и муниципального права
Юридического института НИУ «БелГУ»,
Научный руководитель – проф. Л.В. Буцько
(Белгород, Россия)

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК РАЗНОВИДНОСТИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Согласно ст. 3 Конституции России народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. То есть, органы местного самоуправления признаются структурами публичной власти. Кроме того, согласно ст. 12 Конституции РФ местное самоуправление, понимаемое как особая форма организации власти, признается и гарантируется государством. В литературе отмечается, что наличие в Конституции Российской Федерации статьи 12 позволяет сделать вывод о господстве доктрины естественного права при формировании в 1993г. концепции местного самоуправления. «Естественное происхождение» данного права предполагает невозможность населения отказаться от него по своей воле (равно как и по принуждению государства). Но в отдельных случаях самостоятельность местного самоуправления понималась как практически полная «автономия» местной власти. Значение государства в такой ситуации неминуемо уменьшалось. Поэтому муниципальная власть – это власть особого рода, она не является буквально продолжением государственной власти на местах, но имеет ряд признаков, присущих государственной власти. Муниципальная власть – это особый публично-правовой феномен, объединяет ее с государственной властью то, что, как и последняя, она обеспечивает подчинение себе субъектов муниципально-правовых отношений. Но при этом муниципальная власть отличается от власти государственной тем, что обладает качественно отделяющими ее признаками¹.

Очевидно, что конституционно-правовая природа российского местного самоуправления такова, что, оставаясь в целом институтом публичной власти, оно «вбирает» в свою природу ряд общественных черт. Наличие этих черт, наличие особого – муниципального – уровня управления, наличие особой сферы общественных отношений, связанных с решением вопросов местного значения, как раз и позволяет отделить местное самоуправление от государства, выделить его в самостоятельное образование с уникальной природой: во многом государственной, но с элементами общественного. Несмотря на то, что местное самоуправление и государственная власть в Российской Федерации тесно взаимосвязаны, именно тем, что имеют общий источник – власть народа.

Вместе с тем следует заметить, что практика местного самоуправления в России в последние годы дает определенные основания полагать, что имеется определенная тенденция по нивелировке особенностей местного самоуправления. Государство с целью повышения степени управляемости территорий все чаще по разным вопросам встраивает местную власть в государственную, в связи с чем и «лишает»

¹ См. Пешин Н.Л. Государственная власть и местное самоуправление в России: проблемы развития конституционно-правовой модели и практики взаимоотношений. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. А., 2007. С. 15.

местное самоуправление черт, присущих общественной власти. Следовательно, в ближайшем будущем оно может стать исключительно уровнем государственной власти, хотя и с отдельными чертами, присущими общественным институтам. Такое положение, как представляется, обусловлено тем, что оптимальная модель взаимоотношений местного самоуправления и государственной власти в Российской Федерации до сих пор не создана, хотя она строится уже более чем десятилетие. После принятия Федерального закона 2003 г. стало возможным утверждать, что действующая модель взаимоотношений государственной власти и местного самоуправления подвергнута существенным изменениям и что сами взаимоотношения будут четко, до деталей, урегулированы федеральным законодательством. В общем-то этот процесс естественный - та модель взаимоотношений государственной власти и местного самоуправления, которая избрана в Российской Федерации, в первую очередь, при принятии Конституции Российской Федерации постоянной быть не может. Она всегда тяготеет к смещению то к административной, то к децентрализованной модели.

В последние годы система начала эволюционировать в сторону административной модели взаимоотношений государственной власти и местного самоуправления. Так, часть первая Налогового кодекса Российской Федерации, нормы Бюджетного кодекса Российской Федерации последовательно ставили ресурсную базу местного самоуправления под полный контроль государства. А в 2003 г. были изменены и общие принципы организации местного самоуправления, причем изменены таким образом, что государство вышло даже за конституционно установленные принципы организации местного самоуправления и конституционно установленные рамки правового регулирования местного самоуправления. Представляется, что эта тенденция должна быть остановлена – в противном случае возможно настолько большое расхождение с конституционными нормами о местном самоуправлении, что сам термин «самоуправление» может быть выхолощен.

Зяко Юлия Юрьевна,
соискатель кафедры конституционного и муниципального права
Юридического института НИУ «БелГУ»
Научный руководитель – проф. И.Н. Кукин
(Белгород, Россия)

СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ В СИСТЕМЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО ГАРАНТИРОВАНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ И СВОБОДЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

Термин «экономическая свобода» впервые был применен Конституционным Судом Российской Федерации в деле о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах»¹. По этому делу Суд отметил, что «принципом экономической свободы предопределяются конституционно гарантируемые правомочия, составляющие основное содержание конституционного права на свободное использование способностей и имущества для

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2004 г. № 3-П по делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах» [Электронный ресурс] / – Режим доступа: <http://base.garant.ru/12134445/>

предпринимательской и иной незапрещенной законом экономической деятельности» и в последствии реализации этого права граждане «вправе определять сферу этой деятельности и осуществлять соответствующую деятельность в индивидуальном порядке либо кооперативе, то есть путем создания коммерческой организации как формы коллективной предпринимательской деятельности, самостоятельно выбирать экономическую стратегию развития бизнеса, использовать свое имущество с учетом установленных Конституцией Российской Федерации гарантий права собственности (ч. 3 ст. 35) и поддержки государством добросовестной конкуренции (ч. 1 ст. 8; ч. 2 ст. 34)».

Согласно конституционным положениям, экономическая свобода, как полагает Э.К. Перфилов, охватывает: «свободу предпринимательской и иной экономической деятельности, единство экономического пространства, свободу перемещения товаров, услуг и финансовых средств, равенство разных форм собственности, защиту частной собственности, свободу договора, поддержку конкуренции»¹. Также идея свободы экономической деятельности состоит в том, что граждане в процессе реализации права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ч. 1 ст. 34 Конституции РФ), могут выбирать сферу этой деятельности и осуществлять ее в лично-индивидуальном порядке или с помощью участия в других субъектах хозяйственной деятельности.

Следует отметить правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности положения абзаца третьего пункта 2 статьи 77 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»² в связи с жалобой открытого акционерного общества «Тверская прядильная фабрика». В этом случае Суд указал, что «права владения, пользования и распоряжения имуществом и вытекающая из статей 8, 34 и 35 Конституции Российской Федерации свобода договора участников гражданского оборота, как следует из п. «в» статьи 71 и первой части статьи 76 Основного закона, регулируются законом». Учитывая это, орган конституционной юрисдикции сделал вывод, что как сама возможность ограничений, так и их характер, должны определяться законодателем не произвольно, а в соответствии с Конституцией РФ, в частности, в соответствии с частью третьей статьи 55, которая закрепляет, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Также им было отмечено, что ограничения права собственности, имущественных прав, а также свободы договора в гражданско-правовом обороте должны отвечать требованиям справедливости, быть соразмерны конституционно значимым целям защиты соответствующих прав и законных интересов и основываться на законе.

¹ Перфилов Э.К. Роль конституционного суда Российской Федерации в защите права на свободу экономической деятельности / Перфилов Э.К. // Евразийский юридический журнал. – 2012 – № 7 (50). – С. 65–70.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июня 2000 г. № 9–П по делу о проверке конституционности положения абзаца третьего пункта 2 статьи 77 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» [Электронный ресурс] / – Режим доступа: <http://base.garant.ru/12119837/>.

Особое место среди принципов экономической свободы занимает принцип свободы договора, то есть предоставление сторонам возможности своим соглашением устанавливать условия договора. Несмотря на это, указанный принцип также претерпевает определенные ограничения. В первую очередь, свобода договора ограничена императивными положениями законодательных или иных правовых актов. В случае отступления от императивных норм наступают юридические последствия, сопровождающиеся гражданско-правовыми санкциями (например, ст. 168 Гражданского кодекса Российской Федерации). Таким образом, соответствующее положение либо договор целиком оглашаются недействительными. Кроме того, свобода договора может быть ограничена при заключении договора путем ущемления права одной из сторон договора, поскольку существует обязанность заключить договор, и при этом данная сторона ограничена в праве по определению условий договора (статья 10 Гражданского Кодекса Российской Федерации).

В связи с указанным, Конституционный Суд Российской Федерации в деле о проверке конституционности положения части второй статьи 29 Федерального закона от 3 февраля 1996 года «О банках и банковской деятельности»¹ за жалобами граждан О.Ю. Веселяшкиной, А.Ю. Веселяшкина и Н.П. Лазаренко» сформировал собственную точку зрения и указал, что Конституция Российской Федерации гарантирует свободу экономической деятельности в качестве одной из основ конституционного строя (статья 8). Также Суд, сквозь системный анализ норм, закрепленных в статьях 34 и 35 Конституция Российской Федерации («каждый имеет право на свободное использование своих способностей и свободное использование своего имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности»), сделал вывод, что конституционное признание свободы договора является одной из гарантируемых государством свобод человека и гражданина. Однако нельзя считать характер свободы договора абсолютным, что не должно приводить к отрицанию или умалению других общепризнанных прав и свобод (часть первая статьи 55 Конституции Российской Федерации), и может быть ограничена федеральным законом лишь в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, прав и законных интересов других лиц (часть третья статьи 55 Конституции Российской Федерации).

Исходя из решения Конституционного Суда Российской Федерации, можно сделать вывод о том, что законодатель, осуществляя правовое регулирование отношений между банками и гражданами (которые заключили договор банковского вклада), в своей деятельности должен придерживаться положений статей 2 и 18 Конституции Российской Федерации, которые указывают, что обязанностью государства выступают признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина. Учитывая это, законодатель также не может ограничиваться формальным признанием юридического равенства сторон и должен предоставлять определенные преимущества экономически слабой и зависимой стороне, в связи с тем, чтобы не допустить недоб-

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 февраля 1999 г. № 4-П по делу о проверке конституционности положения части второй статьи 29 Федерального закона от 3 февраля 1996 года «О банках и банковской деятельности» [Электронный ресурс] / – Режим доступа: <http://base.garant.ru/12114558/>

росовестную конкуренцию в сфере банковской деятельности. Исключая это, он должен реально гарантировать, придерживаясь положений статей 19 и 34 Конституции, соблюдение принципа равенства при осуществлении предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Собственно, такую экономическую деятельность гражданин и осуществляет в процессе действия договора банковского вклада.

Также есть основания поддержать правовую позицию отечественного органа конституционного контроля, которая состоит в том, что органы государственной власти не должны останавливаться на формальном признании юридического равенства сторон. фактически обязаны предоставить некие преимущества экономически слабой стороне договора и гарантировать охрану прав и свобод человека. Номинальный подход к основам равенства всех перед законом способствует ущемлениям конституционных прав граждан. в частности, права на свободу предпринимательской деятельности.

Необходимо заметить, что Конституционный Суд Российской Федерации признал несоответствие положений части второй статьи 29 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» об изменении банком в одностороннем порядке процентной ставки по срочным вкладам граждан, в связи с тем, что это разрешает банку самовольно уменьшать ее исключительно на основе договора, без определения в федеральном законе оснований. обуславливающих такую возможность статьям 34 и 55 (части 2 и 3) отечественной Конституции.

В связи с этим, судья Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин отметил, что роль субъективного права, закрепленного в части первой статьи 34 Конституции Российской Федерации, заключается в выделении охраняемых конституционным правом интересов предпринимателей, то есть фактически основным наполнителем внутреннего содержания этого права.

Среди требований экономической свободы отечественный орган конституционного контроля обращает внимание: во-первых, на присутствие определенных гарантий стабильности; во-вторых, на предсказуемость и надежность гражданского оборота, а также доверие его участников друг к другу, определение основоположных принципов правового режима и законодательное регулирование ряда видов предпринимательской деятельности, недопустимость вмешательства кого-либо в частные дела и т.п.

Подводя итог, можно сделать вывод, что государство обязано принимать максимально должное участие в процессе гарантирования и обеспечения права человека и гражданина на собственность и права на свободу предпринимательской деятельности. Иными словами, это означает создание возможностей для каждого реализовать это право, путем его судебной защиты, включая обращения в Конституционный Суд Российской Федерации.

Каташкин Роман Владимирович,
аспирант кафедры конституционного права
Института международного права, экономики,
гуманитарных наук и управления имени К. В. Россинского
(Краснодар, Россия)

ОБЪЕМ И СОДЕРЖАНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО РЕГУЛИРОВАНИЮ МУНИЦИПАЛЬНО- ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Осуществляемая в настоящее время реформа местного самоуправления касается практически всего спектра муниципально-правовых отношений. Не являются исключением и полномочия субъектов РФ по регулированию сферы местного самоуправления. Следует заметить, что эти полномочия, определенные ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. (здесь и далее данные о правовых актах взяты из системы «Консультант плюс» и официальных сайтов органов госвласти субъектов РФ), существенно отличаются от тех, которые имели место пятнадцать лет назад. Так, в ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» 28 августа 1995 г. таких полномочий было больше.

Сделаем сравнение на примере регулирования субъектами РФ правового статуса депутата представительного органа и иного выборного лица местного самоуправления. В ст. 28 закона о местном самоуправлении 1995 г. указывалось следующее: «1. Депутату, члену выборного органа местного самоуправления, выборному должностному лицу местного самоуправления гарантируются условия для беспрепятственного и эффективного осуществления полномочий, защита прав, чести и достоинства. 2. Срок полномочий депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления не может быть меньше двух лет. Установленный срок полномочий не может быть изменен в течение текущего срока полномочий. 3. Полномочия депутата, члена выборного органа местного самоуправления начинаются со дня его избрания и прекращаются с момента начала работы выборного органа местного самоуправления нового состава... 4. Глава муниципального образования, депутат, член выборного органа местного самоуправления, другие выборные должностные лица местного самоуправления в соответствии с уставом муниципального образования могут осуществлять свои полномочия на постоянной основе. 5. Уставами муниципальных образований в соответствии с законами субъектов Российской Федерации может быть предусмотрена возможность отзыва населением депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления. 6. Статус депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления и ограничения, связанные со статусом этих органов и лиц, устанавливаются Конституцией Российской Федерации, федеральным законом, законами субъектов Российской Федерации... Депутатам и членам выборных органов местного самоуправления, осуществляющим свои полномочия на постоянной основе, выборным

должностным лицам местного самоуправления социальные гарантии, связанные с пребыванием на этих должностях, устанавливаются законами субъектов Российской Федерации».

Если сравнить содержание данной статьи 28 закона 1995 г. со статьей 40 закона 2003 г., то общая же тенденция новелл в законе 2003 г. заключается в суживании пределов регулирования статуса депутата представительного органа местного самоуправления и иного выборного лица муниципального образования законодательными органами субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления, поскольку закон 2003 г. устанавливает более жесткие требования (например, установление 10%, свыше которых не может быть численность депутатов, работающих на постоянной основе, в то время как закон 1995 г. не определяет такого лимита, который, по логике федерального законодателя того времени, должен был определяться либо законом субъекта Российской Федерации, либо самим муниципальным образованием).

Если говорить в более общем плане, то следует заметить, что в ст. 6 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» 2003 г. к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации в области местного самоуправления относятся: а) правовое регулирование вопросов организации местного самоуправления в субъектах Российской Федерации в случаях и порядке, установленных настоящим Федеральным законом; б) правовое регулирование прав, обязанностей и ответственности органов государственной власти субъектов Российской Федерации и их должностных лиц в области местного самоуправления в случаях и порядке, установленных федеральными законами; в) правовое регулирование прав, обязанностей и ответственности органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления по предметам ведения субъектов Российской Федерации, а также в пределах полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации; г) правовое регулирование прав, обязанностей и ответственности органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления при осуществлении отдельных государственных полномочий, которыми органы местного самоуправления наделены законами субъектов Российской Федерации в порядке, установленном настоящим Федеральным законом.

Формулировки, как видно, довольно объемные, однако по сути они означают сужение полномочий субъектов РФ. Тем не менее, как представляется, в субъектах РФ не используются в достаточной мере и полномочия, предоставляемые субъектам РФ федеральным законодателем – в ст. 6 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» 2003 г. Так, федеральный законодатель не определяет полномочий депутатов представительных органов местного самоуправления, хотя процедуру их выборов описывает очень подробно. Более того, мы полагаем, что, поскольку федеральный законодатель не закрепляет виды и содержание полномочий депутата представительного органа местного самоуправления, то региональный законодатель просто обязан это сделать. Анализ законов о местном самоуправлении различных регионов показывает, что в них вопросы правомочий депутатов представительных органов местного самоуправления не находят достаточного

отражения. Так, в Законе Ленинградской области «Об органах местного самоуправления муниципальных образований Ленинградской области» от 30 мая 2005 г. о полномочиях вообще ничего не говорится.

В этой связи в литературе справедливо отмечается, что в региональных законах о статусе депутатов и других выборных лиц местного самоуправления могут содержаться дополнительные к федеральным гарантии трудовых прав этих выборных лиц, определяться права на обращение к должностным лицам органов государственной власти субъектов Федерации по делам, связанным с решением вопросов местного значения, и обязанность этих органов предоставлять выборным лицам местного самоуправления необходимую им информацию. Если относительно распределить весь нормативный материал, регулирующий правовой статус выборного лица местного самоуправления, по уровням регулирования, на долю региональных органов власти останется немного. Поэтому сами нормативные региональные акты по этому вопросу вряд ли стоит называть законами о статусе выборных лиц. Скорее, это нормативные акты по некоторым вопросам их статуса. Так или иначе, совершенствование нормативного регулирования данного вопроса, безусловно, назрело. Его оптимальное решение неоправданно затянулось. И хотя потребуются усилия, чтобы совместить разные точки зрения на содержание правового статуса выборного лица местного самоуправления и правовые способы его определения, предпринять эти усилия необходимо, не откладывая дело в долгий ящик. В противном случае применение Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» 2003 г., и без того затрудненное, еще больше усложнится¹. К сожалению, этот тезис актуален и до сих пор. В этой связи мы полагаем, что прежде чем расширять полномочия субъектов РФ в сфере местного самоуправления (а это, на наш взгляд, вытекает из федеративного устройства нашей страны), необходимо добиться того, чтобы субъекты РФ более полно реализовали имеющиеся возможности, заложенные в муниципальном законе 2003 г.

Коротков Владислав Владиславович,
аспирант кафедры конституционного и муниципального права
Юридического института НИУ «БелГУ»,
Научный руководитель – проф. М.В. Мархтейн
(Белгород, Россия)

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОЙ МОДЕЛИ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ:

Актуальность темы обусловлена сохраняющимся противоречием между право-защитным замыслом института уполномоченного по правам человека и воплощенной его моделью. Провозглашение Российской Федерации демократическим правовым государством, закрепление прав и свобод человека высшей социальной ценностью ставит перед государством ряд обязательств, обусловленных их реализацией и защи-

¹ См.: Васильев В.И. О полноте статуса муниципального выборного лица // Журнал российского права. 2005. № 5. С. 17.

той. Такая конституционная постановка вопроса ориентирует на поиск специальных форм реализации институций, деятельность которых будет направлена на охрану провозглашенных прав и свобод и их защиту в случае нарушения.

Сегодня в условиях построения демократического, социального, правового государства идет сложный процесс построения гражданского общества, поиск золотой середины объема полномочий и, как следствие, занимаемой роли в правозащитной структуре. Такой процесс требует действующих социально-экономических, политических и культурных преобразований и, особенно, усовершенствования механизма функционирования государственной власти. Омбудсмен занимает существенное место в триаде «государство-человек-общество» и установлении между ними обратной связи и является существенным элементом гражданского общества. Создание института уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации говорит о реальной направленности законодателя на построение гражданского общества и требует детального анализа существующей модели и выбора наиболее оптимальной. Модельный закон, ставший основой для законодательства субъектов не всегда отражает реальное положение дел в субъектах и имеет некоторые неточности с точки зрения юридической техники¹.

Правозащитная значимость института уполномоченного по правам человека в субъектах Российской Федерации подчеркивается научными разработками, в которых акценты касаются понятийных и содержательных вопросов, международного опыта и институционализации уполномоченного по правам человека.

Исследование статуса омбудсмена в Белгородской области позволяет сделать вывод, что реализуется типичная модель данного института. Так, характеристика конституционно-правового статуса Уполномоченного по правам человека в Белгородской области связана с такими его чертами, как: обусловленность общенациональным законодательством и детализацией на уровне законодательства Белгородской области: независимость от влияния каких-либо государственных органов и должностных лиц; наличием возрастного ценза – не моложе 30 лет; наделением полномочиями законодательным (представительным) органом Белгородской области; исполнением контрольно-надзорной и просветительской деятельности; участием в нормотворческой деятельности субъекта; наличие аппарата Уполномоченного; финансируется за счет бюджета Белгородской области; единоличность; опосредованность деятельности информацией о нарушении прав и свобод человека и гражданина и др.

При этом возможно выделение направлений его совершенствования. В частности, это касается оптимизации структуры института региональных омбудсменов, их аппарата и координационной деятельности; уточнения требований к кандидатам на должность уполномоченных, каталога и срока их полномочий, конкретизации порядка финансирования, меры по популяризации региональных уполномоченных.

Полагаем целесообразным назначать одного главного «уполномоченного...», отвечающего за администрирование, разграничение предметов ведения двух (или бо-

¹ Засыпалова В.И. Институт уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и в субъектах Российской Федерации - <http://www.dissertcat.com/content/institut-upolnomochennogo-po-pravam-cheloveka-v-rossiiskoi-federatsii-i-v-subektakh-rossiisk#ixzz4LWTYHBCg>

лее) специализированных омбудсменов; требования к «уполномоченным...» расширить оценочным понятием «обладать безупречной репутацией»; осуществлять финансирование деятельности «уполномоченных...» за счет федерального бюджета; назначать «уполномоченных...» на 3 года; увеличить численность аппарата «уполномоченных...» сообразно их нагрузке; наделить полномочием привлекать исполнительные органы к дисциплинарной ответственности; установление 10-дневного срока информирования о принятии нормативного правового акта, затрагивающего права и свободы человека и гражданина; создание общего интернет-портала; внесение изменений в нормативное регулирование досрочного прекращения деятельности «уполномоченных...» в связи с признанием их безвестно отсутствующими или объявлении умершими¹.

Предложенные меры совершенствования института Уполномоченного по правам человека в Белгородской области могут быть использованы и в других субъектах Российской Федерации в правозащитных целях.

Кравцов Дмитрий Николаевич,
аспирант кафедры мировой философии и теологии института гуманитарных наук Луганского государственного университета имени В. Даля
(Луганск)

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В России юридические и философско-политологические исследования вопроса безопасности начинаются во второй половине XIX столетия. Окончанием пубертатного периода развития данных исследований можно считать легализацию категории «государственная безопасность» в советской правовой системе. Понимая «безопасность» как, прежде всего, «государственную безопасность», советский законодатель вводит последнюю в правовой категориальный аппарат. В 1936 году термин «государственная безопасность» официально закрепляется в тексте Конституции СССР² (п. «и» ст. 14 гл. 2), что стимулировало необходимость теоретической разработки подходов к совершенствованию терминологического определения категории «государственная безопасность», формированию концепции государственной безопасности, которая в тот период сводилась к созданию эффективного военного и правоохранительного аппарата государства.

В конституционной системе СССР целью обеспечения безопасности считалось достижение приоритета государственно-публичных интересов над частными (общественными и личностными), диктатуры пролетариата³. Понимание «государственной безопасности» через призму военно-политических детерминант свело её интерпрета-

¹ Коротков В.В. Усовершенствование модели Уполномоченного по правам человека в Белгородской области // Социальное государство: конституционные модели и потенциал трансформации: Материалы международной научно-практической конференции (Белгород. 17-18 июня 2016 г.). – Белгород: ООО «Гик» 2016.

² Ю.С. Кукушкин, О.И. Чистяков. Очерк истории Советской Конституции. – М., Политиздат, 1987. – С. 288.

³ Литвинов В.А. Основы национальной безопасности России. – М., 2011. – С. 121.

цию к поддержанию мирового баланса сил между противоборствующими странами Североатлантического Альянса (НАТО) и Организации Варшавского договора (ОВД) всеми имеющимися в распоряжении СССР силами и средствами.

Теоретическая разработка вопросов безопасности в советский период происходила в основном в закрытых научно-исследовательских и образовательных учреждениях МО, МВД и КГБ СССР. В 50-60 гг. кристаллизуются нескольких основных подходов к определению категории «государственная безопасность». Государственная безопасность рассматривается теоретиками как:

- состояние устойчивости социально-политического и экономического строя государства, его территориальной целостности, внутреннего и внешнего суверенитета (разрабатывалась представителями философско-гуманитарных и экономических отраслей науки, правоведами свердловской юридической школы);

- состояние защищенности государства от деструктивной активности противника, т.е. защищённость основ общественного и государственного строя СССР от посягательств со стороны враждебных социалистическому строю сил (разработка данного подхода велась по линии «силовых» ведомств Советского Союза);

- система общественных отношений, обеспечивающих конституционный строй СССР (осмыслялась представителями московской и харьковской юридических школ).

К изучению проблемы определения категории «государственная безопасность» обращались также видные правоведа и обществоведы СССР, как Авдеев Ю.И., Борисоглебский И.С., Володин С.В., Долгополов Ю.Б., Коршиков П.С., Коршунов Ю.Я., Николаев А.М., Тетерин В.С. и др.

Как видим, становление теории безопасности в Советской России фактически было обусловлено превалированием этактических подходов к теории безопасности, которые характеризовались иерархизацией приоритетности уровней безопасности: на первом месте – безопасность государства, на втором – общества, на третьем – человека.

После распада СССР иерархия безопасности государства, общества и человека парадигмально меняется в сторону антропо(социо)центризма. Демократические реформы, становление конституционализма и парламентаризма, политическое и правовое закрепление прав и свобод человека и гражданина как высшей ценности в России определили необходимость установления примата интересов личности над интересами государства (часто, к сожалению, в ущерб коллективному благу), что привело к некой рудиментации категории «государственная безопасность», с одной стороны, и актуализации исследований вопросов безопасности в целом – с другой.

Уже в начале 90-х гг. появляются исследования, предметом которых становится сущность безопасности личности, общества и государства, что олицетворяет появление «демократического (антропо(социо)логического) подхода» к определению категории безопасности. Осуществляются попытки интерпретации безопасности вне российского этатизма. На базе советских подходов к исследованию проблем безопасности государства и её теории формируется современное представление о безопасности как о состоянии защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Данное представление получает закрепление в правовой системе России.

Важными этапом в концептуализации теории безопасности России стало появление таких важнейших нормативных актов, как Конституция РФ (1993 г.), Закон РФ «О безопасности» (1992 г.), Федеральный закон «О безопасности» (2010 г.), концепции внешней политики (1993, 2000, 2008 гг.) и национальной безопасности (1997 и 2000 гг.), Военная доктрина РФ (2000 г.), Стратегия национальной безопасности (2008 и 2015 гг.).

Принятый в 1992 году Верховным Советом РФ Закон РФ «О безопасности» (ныне утратил силу)¹ понимал безопасность как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Как видно из этого определения, российским законодателем был осуществлён синтез двух подходов к пониманию безопасности – «силового», рассматривающего безопасность как состояние защищённости, и «демократического», в котором провозглашалась ценность не только государственной, но и личностной и общественной безопасности. Такое понимание безопасности, безусловно, позитивно сказалось на её исследованиях и современной концептуализации.

С конца 90-х годов по настоящее время появились работы, связанные с совершенствованием понятийного аппарата теории безопасности. Это труды Абалкина Л.А., Бухвальда Е.С., Васильева А. И., Возженникова А.В., Глазьева С.П., Глебова В.И., Грешонкова А.Е., Гловацкой Н.А., Гущина С. В., Дементьева Н.Е., Дерюгина Ю. И., Дзлиева М. И., Лазуренко С.А., Манилова В.Е., Митрохина В.И., Олейникова Е.Н., Осипова Г. В., Пирумова В.С., Прохожева А.А., Сальникова В.П., Сенчагова В.А., Сытника Г.П., Степашина С. В., Серебрянникова В.А. Шершнева Л. И., Урсула А. Д и др., которые направлены на модернизацию теории безопасности. В их творчестве наблюдается инкорпорация в российскую правовую и философско-политологическую категориальную среду современного понятия «национальная безопасность».

Понятие «национальная безопасность» («national security») имеет относительно непродолжительную историю, хотя и является распространенным в западных странах. Это понятие отражает один из неологических, современных подходов к безопасности. Некоторые учёные связывают появление этого понятия с эпохой Священного союза, видя в нём отражение подъема национальных чувств европейских народов и необходимость их защиты от общего врага. В качестве фундаментальной политической категории и базисного состояния национальная безопасность впервые представляется президентом США Т. Рузвельтом, который в своём послании к Конгрессу США в 1904 г. оправдал аннексию части Панамского канала интересами «национальной безопасности»². В 1947 г. в США категория «национальная безопасность» получает нормативное закрепление в связи с принятием закона «О национальной безопас-

¹ Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 15. Ст. 769.

² «Four Freedoms» Speech, Franklin D. Roosevelt, 1941 // A Documentary History of The United States. Richard D. Heffner. – 2002.

ности», подобные нормативные акты в это время появляются и в других прогрессивных странах Запада¹.

В РФ термин «национальная безопасность» впервые появляется в связи с принятием Государственной Думой ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации»² (1995 г.), который являлся русифицированной «калькой» соответствующего закона США. Определение данного понятия было сформулировано в Послании Президента России Федеральному Собранию 1996 г.³ В нём национальная безопасность понималась как состояние защищенности национальных интересов от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее прогрессивное развитие личности, общества и государства, что коррелируется с определением, данным в ФЗ «О безопасности».

Самым сложным в определении категории «национальная безопасность» является её соотнесённость с ключевым понятием «нация», дефиниций и интерпретативных подходов к которой существует множество.

На наш взгляд, в основании формирования нации лежит как этнический, так и политический (который превалирует) принципы общности людей. Необходимо говорить о двух нациях – «нации этнической» и «нации политической». В основании первой – общность представителей одного этноса, проживающего на определённой территории и стремящегося либо создать собственное государство на «ничейной» территории либо сепарироваться от государства, на территории которого эта общность проживает с целью создания независимого либо частично (не)зависимого государства. Вторая – «нация политическая» – эта общность людей, проживающих на определённой территории, уже создавших своё государство (организацию публичной политической власти) и осознающих свою политическую общность независимо от этнических, культурных, религиозных и даже языковых различий, индикатором консолидации которой является наличие гражданства (подданства) национального государства. Эволюционным итогом развития «нации политической» является трансформация национальной общности в социально-политическую систему, объединяющую гражданское общество и правовое социальное государство в диалектической целостности. Государство становится стержнем политической нации, организацией, созданной для защиты интересов и ценностей нации от внешних угроз, главной целью которой является обеспечение безопасности всех членов политической общности и их интересов.

В современных условиях государство и нация нераздельны, однако и не тождественны, что осложняет установление тождественности или различности (дифференциацию) понятий «государственная безопасность» и «национальная безопасность». Если допустить отождествление «нации» и «государства», то понятия «государственная безопасность» и «национальная безопасность» также станут тождественны. Однако с такой интерпретацией нельзя согласиться, поскольку национальная безопас-

¹ Зеленков М. Ю. Теоретико-методологические проблемы теории национальной безопасности Российской Федерации: монография. – М.: Юридический институт МИИТа, 2013. – С.20.

² Федеральный закон от 20 февраля 1995 г. N 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 20 февраля 1995 г. № 8. Ст. 609.

³ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 13 февраля 1996 г. // Российская газета. 1996, 27 февраля.

ность включает в себя тринитарное единство подсистемных одинаково значимых компонентов – безопасность личности, безопасность социума и государственную безопасность. С нашей точки зрения, более правильно считать, что «национальная безопасность» и «безопасность государства» соотносятся как целое и частное, а государственная безопасность является неотъемлемой составной национальной безопасности, фактором и детерминантой её обеспечения.

Необходимо подчеркнуть, что для России как многонациональной федеративной правовой державы категория «национальная безопасность» не может быть связана только с каким-либо одним этносом либо рядом этносов. Она распространяется на всю политическую нацию России, т.е. на все этносы и народности, проживающие на территории нашей страны.

Таким образом, как было выявлено в ходе изучения ретроспективы формирования теории безопасности в современной России, теория безопасности, проблемы безопасности личности, общества и государства активно исследуются современными гуманитарными науками, а представление об их сущности постоянно претерпевает эволюционные изменения, что детерминировано общественно-политическими, экономическими и культурными изменениями миропорядка в условиях глобализации.

Многовековая история формирования теории безопасности не закончена. Её разработка и модернизация необходимы для прогрессивного эволюционного развития цивилизации, что делает её роль в жизни индивида, социума и государства фундаментальной.

Современные взгляды на правовое регулирование вопросов безопасности коррелируются с разработками теории национальной безопасности, в основании которой лежит необходимость обеспечения безопасности тринитарной системы одинаково значимых компонентов национальной безопасности – личностной, общественной и государственной безопасности¹. Их обеспечение является условием и гарантией суверенитета России, её территориальной целостности и конституционного строя. На наш взгляд, с учетом складывающейся сложной военно-политической обстановки между Россией и НАТО, формированием (суб)региональных систем безопасности, распространением терроризма и экстремизма, антироссийской информационной пропаганды создание целостной нормативно закреплённой концепции (стратегии) национальной безопасности, теоретическая разработка её категориального аппарата и создание прикладных моделей обеспечения безопасности нашей нации является важнейшей детерминантой становления России как супердержавы и мирового гаранта соблюдения норм международного права.

¹ Кравцов Д.Н. К вопросу о безопасности личности, общества и государства в свете философских концепций // Антропос: Логос и Теос. Сборник научных трудов Луганского государственного университета имени Владимира Дала. Выпуск №1. – Луганск: Изд-во ЛНУ им. В. Дала, 2016. – С. 55-71.

Провозин Алексей Викторович,
 аспирант кафедры конституционного и муниципального права
 Юридического института НИУ «БелГУ»
 Научный руководитель – проф. Л.В. Бутько
 (Белгород, Россия)

КОМПЕТЕНЦИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНЫХ УСЛОВИЙ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Российская система предупреждения и действий в чрезвычайных ситуациях (РСЧС) была определена в апреле 1992 г. с изданием Постановления Правительства России¹, которым было утверждено соответствующее Положение о российской системе предупреждения и действий в чрезвычайных ситуациях. В этом акте впервые был отражен вопрос о региональном и муниципальном уровнях в системе управления РСЧС, поскольку и региональные, и местные исполнительные структуры должны были принимать участие в осуществлении отмеченных задач. При этом предусматривалось, что руководство и координацию деятельности территориальных органов на местном уровне должны были осуществлять комиссии по ЧС органов исполнительной власти – к таковым в соответствии с действовавшим тогда Законом РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР» 1991 г. относились местные администрации, заменившие функционировавшие до этого исполнительные комитеты местных Советов народных депутатов².

Указывалось, что комиссии по ЧС возглавляются, как правило, заместителями руководителей органов исполнительной власти. Одновременно делалась оговорка, что районные и городские комиссии по чрезвычайным ситуациям создаются при необходимости и при наличии соответствующей базы. Это было, на наш взгляд, вполне рациональным решением, учитывая, что степень риска возникновения ЧС неодинакова в разных регионах и муниципальных образованиях. Таким образом 20 лет назад были определены концептуальные основы участия местных органов власти по защите жителей от чрезвычайных ситуаций, а именно: а) применительно к местному уровню определялся масштаб чрезвычайной ситуации, ликвидировать которую должны были органы местной власти; б) при чрезвычайных ситуациях более высокого масштаба (регионального и федерального) органы местных администраций должны были принимать участие в их ликвидации в соответствии с решениями органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Следует заметить, данная позиция принципиально с тех пор не изменилась.

Вместе с тем более детальное и четкое определение места органов муниципальной власти в системе защиты населения от ЧС и обеспечения безопасных условий жизнедеятельности и их компетенцию в этих вопросах еще только предстояло определить и юри-

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 18.04. 1992 г. № 261 «О создании российской системы предупреждения и действий в чрезвычайных ситуациях» (вместе с Положением о российской системе предупреждения и действия в чрезвычайных ситуациях) // Справочно-правовая система «Консультант +» (дата обращения – 30. 04. 2016 г.)

² Закон РСФСР от 06.07.1991 N 1550-1 «О местном самоуправлении в РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. N 19. Ст. 1010.

дически закрепить. Так, в декабре 1994 г. был принят базовый Федеральный закон в рассматриваемой сфере – ФЗ «О защите населения от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (далее – ФЗ «О защите населения...»), где в ст. 4 довольно четко определено, что единая государственная система предупреждения и ликвидации ЧС объединяет силы и средства всех трех уровней публичной власти: федеральных органов, органов субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и тех организаций, которые имеют полномочия по решению вопросов, связанных с защитой населения и территорий от ЧС¹. Тогда же в ст. 11 ФЗ «О защите населения...» были определены полномочия местного самоуправления в данной сфере общественных отношений, и на законодательном уровне это было сделано впервые.

Однако компетенция органов местного самоуправления в нормах муниципального права еще довольно долго не определялась. Это было сделано только с законодательным закреплением института вопросов местного значения. В настоящее время они определены в ст. 14-16, 16.2 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003г. (далее – ФЗ № 131)². Следует заметить, что здесь имеется ряд аспектов, требующих своего уточнения, и прежде всего в части императивности вопросов местного значения. В этой связи напомним, что в предыдущем федеральном законе от 28 августа 1995 г. вопросы местного значения определялись как вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности жителей муниципальных образований, закрепленные уставом муниципального образования³. А в соответствии с ч. 1 ст. 2 ФЗ № 131 определено, что вопросы местного значения – это вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, которые решаются самостоятельно населением и (или) органами местного самоуправления.

Как видно, в обоих случаях понятие вопросов местного значения определяется посредством формулировки «непосредственное обеспечение жизнедеятельности населения», что определяет сущность самого института вопросов местного значения. Это созвучно направлению деятельности органов местного самоуправления в виде обеспечения безопасных условий жизнедеятельности населения муниципального образования, в связи с чем рассмотрим соответствующие вопросы местного значения более подробно.

Как отмечает Г.Р. Голованов, указанный признак, определяющий сущность института вопросов местного значения, означает, что к вопросам местного значения следует относить только предметные направления деятельности (муниципальное дорожное строительство; организация снабжения населения топливом и т.д.). Одновременно как Конституция России, так и ФЗ № 131 относят к таким вопросам и те вопросы, которые довольно сложно считать сферой непосредственной жизнедеятельности

¹ Федеральный закон от 21.12.1994 N 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Собрание законодательства Российской Федерации». 1994. № 35. Ст. 3648.

² Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 15.02. 2016) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Консультант +» (дата обращения – 30. 04. 2016 г.).

³ Федеральный закон от 28.08.1995 № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газета. 1995. 1 сентября.

населения, поскольку их влияние на жизнь людей носит явно опосредованный характер (принятие уставов муниципальных образований, утверждение местного бюджета, установление местных налогов и т.д.)¹. Соответственно этот автор полагает, что к вопросам местного значения должны относиться только те вопросы, которые прямо влияют на качество жизни населения муниципального образования.

С такой позицией трудно полностью согласиться. Дело в том, что, например, вопрос местного значения, связанный с организацией деятельности аварийно-спасательных формирований в городском округе (п. 29 ч. 1 ст. 16 ФЗ № 131) непосредственно не влияет на условия повседневной жизнедеятельности населения, однако при возникновении ЧС реализация именно этого вопроса местного значения позволит защитить жизнь, здоровье, имущество жителей муниципального образования. Поэтому вопрос такого рода, безусловно, должен иметь место в перечне вопросов местного значения. Другое дело, что количество и формулировки вопросов местного значения, отражающих компетенцию органов местного самоуправления, нуждаются в совершенствовании.

Заметим далее, что имеется точка зрения, согласно которой вопросы местного значения определяются в качестве сферы проявления полномочий местного самоуправления, куда органы государственной власти не должны вмешиваться². Данная позиция также представляется неоднозначной, поскольку вопросы местного значения не могут быть отождествлены с полномочиями органов местного самоуправления (эту позицию довольно убедительно изложили в своих трудах ряд российских муниципалитетов, и прежде всего Т. М. Бялкина). Дело в том, что если, с одной стороны, признать невозможность вмешательства органов госвласти в деятельность органов муниципальной власти по рассматриваемой нами сфере общественных отношений (создание условий жизнедеятельности населения, обеспечивающих их безопасность), то тогда это придет в противоречие с указанными выше федеральными законами, определяющими Единую систему предупреждения и защиты от ЧС, в которой муниципальное звено является неотъемлемой частью этой системы и, следовательно, органы местного самоуправления не могут по своему усмотрению определять эту деятельность в полном объеме.

С другой же стороны, вопросы местного значения, как представляется, отражают компетенцию органов местного самоуправления, в рамках которой они должны иметь определенную самостоятельность. Однако в такой сфере, как защита от чрезвычайных ситуаций, как нам представляется, имеется определенная специфика, и речь идет, в частности, о том, что нормы муниципального права должны в минимально необходимых пределах регулировать данный аспект в рамках, как справедливо отмечает Е.С. Калина, соответствующего правового механизма³.

Здесь же следует затронуть и вопрос о том, включаются ли нормы отраслевых законов в массив муниципального права. В муниципально-правовой литературе есть

¹ См.: Голованов Г.Р. О конституционно-правовой природе института вопросов местного значения // Административное и муниципальное право. 2008. № 2. С. 46.

² См.: Уваров А.А. Местное самоуправление в России. М.: Норма. – 2005. – С. 209-210.

³ См.: Калина Е.С. Государственно-правовой механизм обеспечения права на безопасность личности в Российской Федерации. Дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск. – 2004. – С. 29-31.

суждение о том, что в отраслевых законах вопросы местного значения, определенные в ФЗ «Об общих принципах...», раскрываются более подробно и соответственно нормы отраслевых законов включаются в состав муниципального права¹. С такой позицией мы вполне солидарны. Другое дело, что в отраслевых законах подробно раскрываются все же не вопросы местного значения, а полномочия органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения. И это хорошо видно, в частности, по содержанию ФЗ «О защите населения...», ФЗ «О пожарной безопасности», Водном кодексе РФ, где формулируются именно полномочия органов местного самоуправления в рассматриваемой нами области общественных отношений. Подобной позиции придерживается также В.В. Комарова, которая полагает, что к числу источников муниципального права следует относить отраслевые законы, которые регулируют полномочия органов местного самоуправления в той или иной отрасли деятельности².

Отметим также, что по рассматриваемым нами вопросам местного значения, и прежде всего по вопросу участия органов местного самоуправления в обеспечении защиты от ЧС возникает очевидное противоречие между принципом самостоятельности местного самоуправления и жестким характером управления сферой защиты от чрезвычайных ситуаций.

Вместе с тем по другим вопросам местного значения, также охватываемые данной областью общественных отношений, такого «непримиримого» противоречия нет. Как нам представляется, указанные противоречия целесообразно разрешить путем реформатирования соответствующих вопросов местного значения (на примере городского округа) следующим образом. Вопрос местного значения, определенный в п. 8 ч. 1 ст. 16 ФЗ № 131, – исключить, поскольку само по себе «участие» является неопределенным видом деятельности, и прежде всего с точки зрения обоснования выделения на эти цели бюджетных ассигнований из местного бюджета. А содержание этого вопроса включить в другой вопрос местного значения, который законодателем закреплен в п. 28 ч. 1 ст. 16 ФЗ № 131 и сформулировать в предлагаемом ниже виде – с учетом того, что вытекающее из этого вопроса полномочие целесообразно считать, на наш взгляд, отдельным государственным полномочием, которым наделяются органы местного самоуправления.

Идя по пути аналогии, мы можем сформулировать вопрос местного значения в области защиты от ЧС следующим образом: «создание условий для функционирования на территории городского округа всех звеньев Единой системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в соответствии с Федеральным законом «О защите населения от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» и другими федеральными законами и решениями Правительства Российской Федерации».

¹ Комментарий к Федеральному закону от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (постатейный) (Беликов П.П., Гребенникова А.А., Зюзин С.Ю., Мокеев М.М., Наумов С.Ю., Свищева В.А., Шишелова С.А.) / Под ред. Л.Д. Жуковской) // (Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2015).

² См.: Комарова В.В. Муниципальная власть в сфере энергетики России // Аграрное и земельное право. 2013. – № 11. – С.26-32.

Мы полагаем также, что такой вопрос местного значения целесообразно при-
менить к муниципальному району и не применять к городским и сельским поселени-
ям, учитывая отсутствие у последних необходимых ресурсов для его реализации и
имея в виду особую важность (чрезвычайность) данного аспекта общественных от-
ношений.

Рожков Дмитрий Русланович,
аспирант кафедры конституционного права
Института международного права, экономики,
гуманитарных наук и управления имени К. В. Россинского
(Краснодар, Россия)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ РЕШЕНИЯ ТРАНСПОРТНОЙ ПРОБЛЕМЫ В МУНИЦИПАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

До принятия Федерального закона Российской Федерации «Об общих принци-
пах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября
2003 г. в ряде регионов России местные органы государственной власти предприни-
мали собственные меры по решению транспортной проблемы в муниципальных обра-
зованиях. Например, еще в 1990 г. Красноярский совет народных депутатов устано-
вил верхний предел тарифов для частников, предусмотрев им при этом налоговые
скидки за обслуживание льготных пассажиров. Однако это вызвало противодействие
перевозчиков, которые были заинтересованы в том, чтобы извлечь максимум выгоды,
интересы горожан и муниципалитета их волновали в последнюю очередь, и они по-
лучили поддержку в антимонопольном управлении и в судах.

После принятия закона о местном самоуправлении создание условий для
предоставления транспортных услуг населению и организация транспортного обслу-
живания населения в границах поселений стало предметом ведения органов местного
самоуправления. При этом, как представляется, региональный уровень решения дан-
ной проблемы оказался недооцененным. Между тем можно назвать несколько путей
решения проблем муниципального транспорта с учетом этого фактора: разделить
между государством и местным самоуправлением компетенцию и соответствующие
ей ресурсы и ответственность; оставить самоуправлению вопросы, которые действи-
тельно имеют местное значение и в которых государство готово на деле, а не декла-
ративно отказаться от полномочий и соответствующих ресурсов, передав их муници-
палитетам. Вероятно, что указанные направления должны осуществляться одновре-
менно. Самоуправление не может жить вне государства, как и государство без само-
управления. Их сила и эффективность в гармоничном единстве и разграничении
предметов ведения и полномочий.

Однако сразу следует заметить, что к настоящему времени еще нет четкого
разделения полномочий по решению этой проблемы внутри муниципальных образо-
ваний между субъектами федерации и самими муниципалитетами. Так, в настоящее
время субъекты Российской Федерации самостоятельно осуществляют законодатель-

ное регулирование по предметам своего ведения, в том числе и в области нефедерального автомобильного и городского электрического транспорта. Отсутствие общетранспортного федерального закона сдерживает принятие законов о транспорте субъектов Федерации. В настоящее время только около половины субъектов Федерации ввели в действие законы о городском наземном пассажирском транспорте, принятые на основе типового проекта, разработанного в 1992 г. в Государственном научно-исследовательском институте автомобильного транспорта. Законы субъектов Российской Федерации о городском пассажирском транспорте регулируют организацию транспортного обслуживания населения, формирование системы муниципальных маршрутов и эксплуатационной деятельности на них организаций автобусного, троллейбусного и трамвайного транспорта, финансирование перевозок, выполняемых в порядке исполнения государственного и муниципального заказа, реализацию программ развития пассажирского транспорта в регионе и ряд других вопросов.

Как показывает практика, транспортное обслуживание населения в муниципальных образованиях развивается по трем направлениям. Согласно первому направлению муниципальный транспорт остается в ведении субъекта Российской Федерации. Например, такая модель использована в Московской области и городах федерального значения. Так, в Московской области образовано Государственное унитарное предприятие (ГУПИАТ) «Мострансавто»¹, в составе которого на правах филиалов функционируют технологически самостоятельные производственные единицы, осуществляющие перевозки пассажиров автобусами и легковыми автомобилями в различных городах области и прилегающих к этим городам районах. Эти филиалы имеют организационную структуру и производственно-техническую базу, соответствующие самостоятельным автотранспортным организациям, но не имеют права юридического лица. ГУПИАТ «Мострансавто» осуществляет координированное управление филиалами, централизованное финансирование филиалов за счет средств, полученных из бюджетных источников. Рассмотренная модель требует соответствующего законодательного обеспечения на уровне субъекта Российской Федерации. Второе направление включает в себя создание муниципальных унитарных предприятий пассажирского транспорта – на базе ранее действующих государственных городских пассажирских предприятий. И, наконец, третье направление заключается в создании условий для стимулирования участия бизнес-структур в реализации функции транспортного обслуживания населения в муниципальном образовании. Каждое из направлений имеет свои достоинства и недостатки. Так, первая модель может обеспечить более четкое технологическую составляющую проблемы (надежность транспортных средств, соблюдение техники безопасности и т.д.), что присуще крупным предприятиям. Но здесь снижается роль органов местного самоуправления. К тому же требуется четкое взаимодействие субъектов федерации и органов местного самоуправления. Кроме того, это направление невозможно без ранее существовавшей материально-технической базы. Поэтому данное направление используется лишь в указанных субъектах федерации. Альтернативой является такая организация отношений (вторая модель), при которой городской транспорт целиком передается в ведение со-

¹ См.: Официальный сайт ГУПИАТ «Мострансавто» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mostransavto.ru/passengers/>. Дата обращения 17.09.2016.

ответствующим муниципальным образованиям, а за субъектом Российской Федерации сохраняются, в основном, контрольные функции и обязанность оказания поддержки. Как представляется, наиболее оптимальной является такая организация транспортного обслуживания населения в муниципальном образовании, при которой основные, магистральные транспортные средства (троллейбусы, автобусы большой вместимости, трамваи) принадлежат муниципалитетам. Однако такой подход требует изменений в законодательстве, в частности, необходимо расширить полномочия субъектов Российской Федерации в решении этих вопросов.

Рудин Артем Владимирович,
адъюнкт кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России
(Краснодар, Россия)

ПОНЯТИЕ «ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ» В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Причинно-следственные связи имеют важное значение в жизни общества. Правильное их восприятие, оценка и прогноз позволяют успешно решить серьезные задачи развития общества. Важное значение имеют эти связи и в правоповедении.

Причинность давно является объектом исследования в юридических науках уголовно-правового цикла. Значение такого рода исследований методологически связано с тем, что использование категории причинности способствует получению достоверных знаний о причинах исследуемых явлений, событий и процессов, позволяет прогнозировать их поэтапное развитие, а, следовательно, планировать деятельность правоприменителя и принятие им правильных правовых решений. Вместе с тем анализ трудов, которые можно отнести к научному наследию, где методологическое знание причинности как инструмента научного юридического познания такого явления как преступление раскрывалось или учитывалось бы в полной степени следует признать не достаточным. Это обстоятельство с необходимостью должно быть восполнено современными исследованиями на основе оценки практики применения действующих уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм, связанных с научно обоснованными криминалистическими рекомендациями расследования преступлений.

Однако подход к решению этой задачи должен соответствовать правилам логики научного исследования, только тогда его результаты могут быть объективными, а их практическое использование принесет ожидаемый положительный результат. Поэтому начинать следует с первооснов проблемы.

Предварительное ознакомление с истоками проблемы свидетельствует о том, что закон причинности, как первый универсальный объяснительный закон сформировался в условиях обыденного познания человеком причинно-следственных зависимостей. Это познание реализовывалось посредством житейского опыта, связанного с устройством и преобразованием окружающего мира на основе практического знания о том, что появление одного события с необходимостью влечет за собой при прочих равных условиях другое событие.

Обыденный язык человека обозначал первое событие как «причину», а второе событие как – «следствие». Введение в бытовую оборот данных понятий позволило

обнаружить, а в практической деятельности найти подтверждение действию в общественных отношениях причинно-следственных закономерностей.

Следует согласиться с широко распространенным у юристов мнением о том, что вряд ли возможно говорить об особом юридическом понимании причинной связи, которое существенно отличалось бы от философского понимания причинности, с одной лишь оговоркой в том, что предмет уголовного права, уголовного процесса, криминалистики и прочих юридических наук привносит в философское понятие причинности и механизм ее прикладной реализации некое предметное своеобразие, основанное на их теоретических основах (объект, предмет, принципы, терминологический и понятийный аппарат, категории, функции и пр.).

Причинность и причинно-следственные связи всегда находились под пристальным вниманием криминалистов потому, что установление их отношений в процессе выявления, раскрытия и расследования преступлений являлось и является важнейшим элементом системы доказывания, объективно объясняющим существенные обстоятельства возникновения и механизм преступного деяния непосредственно до момента наступления преступного результата. Это, так сказать, уголовно-правовой аспект доказывания, в основе которого всегда лежат уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты, чье взаимодействие в процессе расследования преступления позволяет воссоздать полную, объективную и всестороннюю картину преступления и установить истину о нем.

Наряду с уголовно-правовыми и уголовно-процессуальными закономерностями установления причинно-следственных связей преступного события, криминалистические закономерности имеют решающее значение для разработки средств и методов познания связей указанного вида, чем и обуславливается научно-практический криминалистический интерес к данной проблематике.

Все процессы научного познания, как отмечалось выше, в основе имеют обусловленные предметом познания философские и теоретические положения, не являющиеся исключением в этой связи и положения криминалистической причинности.

Справедливо подмечено, что «проблема причинности – одна из важнейших философских проблем правовой науки»¹, под которой понимается философская категория для обозначения необходимой генетической связи явлений, из которых одно (называемое причиной) обуславливает другое (называемое следствием или действием).

Причина как условие, порождающее определенное явление, обладает определенной степенью вероятности, то есть возможностью наступления в определенных условиях определенной ситуации². Данная возможность основана на том, что порождающее условие для каждого явления существует в бесконечном множестве, а это в свою очередь обуславливает «проблему выбора причины из порождающих условий»³. Факторы выбора могут быть различными, но как верно подмечено в профильных исследованиях доминантами в этом процессе являются факторы «конкретной деятельности или

¹ Белкин Р.С. Курс криминалистики: Учеб. пособие для вузов. – 3-е изд., дополненное. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001. С. 508.

² Поискско-познавательной ситуации для расследования преступлений.

³ Перминов В.Я. Проблема причинности в философии и естествознании. М.: 1979. С. 34.

теоретической ориентации субъекта»¹. В этой связи нам бы хотелось экстраполировать данное положение на предмет криминалистики и внести некоторое уточнение в его теоретическое толкование. Действительно установление причинно-следственных связей между явлениями в процессе расследования преступлений в определенных поисково-познавательных ситуациях сложная и многофакторная криминалистическая процедура. Она связана с усмотрением уголовно-правовой характеристики расследуемого деяния следователем и использования в этой связи им соответствующих процессуальных норм. Однако успех в прохождении этой процедуры от возбуждения уголовного дела до принятия законного решения при окончании его расследования зависит от избранного тем же следователем деятельностного подхода на основе использования полноценных криминалистических знаний. Такой путь в самом общем виде представляется нам правильным для объективного установления всех причинно-следственных связей, отражающих событие преступления.

Отношение к причине в философии дуально. Это означает, что система данного мировоззрения, которой философия собственно и является, различает в категории причинности полную причину и причину специфическую. В основе данной классификации лежит совокупность обстоятельств, образующих собой условия действия причины. Другими словами, полной может считаться причина, которая характеризуется совокупностью всех обстоятельств, при наличии которых необходимо наступает следствие, а специфической – совокупность ряда обстоятельств, проявление которых (при наличии множества других обстоятельств, уже имевшихся в данной ситуации и до наступления следствия и образующих собой условия действия причины) ведет к появлению следствия. Деление причинности на полную и специфическую причины имеет важное теоретическое и прикладное криминалистическое значение, так как позволяет усмотреть в поисково-познавательных ситуациях раскрытия и расследования преступлений все существенные ретрообстоятельства события, дать им правильную оценку и учитывать при наступлении следствия, то есть объективизировать характер установленной причинно-следственной связи явлений.

Прикладное значение данной классификации следует признать важным еще и потому, что установление полной причины возможно практически всегда и это сравнительно простые, очевидные, ситуации, но специфические причины, которые обычно включают наиболее существенные в данной ситуации компоненты полной причины, дают возможность понимания и выделения компонентов, выступающих лишь как условия действия специфической причины того или иного явления. Значение этого обстоятельства связывается нами с возможностью более всестороннего и полного изучения ситуации, например, поисково-познавательной ситуации следователем, для принятия точных процессуальных и криминалистических действий по ее разрешению и достижению целей уголовного судопроизводства.

Несмотря на свое философское содержание и значение причина все-таки больше практическое понятие, так как она обусловлена стремлением к деятельности. В этой связи справедливо подмечена ее нацеленность «на возможное практическое дей-

¹ Очерки по диалектическому материализму. М.: 1985. С. 124.

ствие, и выделение таким образом, чтобы подчеркнуть возможность некоторого действия»¹. Данный прикладной аспект позволяет следователю в процессе расследования преступлений выделить причину из множества логически равноправных условий в определенной конкретной поисково-познавательной ситуации, что достаточно часто связывается с процессом версионного анализа, планирования расследования и принятия тактического решения.

Выступая в качестве одной из форм связи причинность в практике расследования преступлений никогда не выступает обособлено, она всегда реализуется в системе всеобщей связи явлений. Однако особое значение оценки и учета причинно-следственной связи для целей расследования требует от следователя использования метода абстрагирования с тем, чтобы в «чистом» виде вскрыть причину, на которой складывается вся система общественных отношений, связанных с расследуемым преступлением.

Диалектика познания учит, что причинно-следственные связи всегда выявляются путем совокупности методологических и теоретических подходов к изучению обусловленности одних явлений действительности (следствие) другими (причина). Эта совокупность определяется как причинный анализ чье назначение прогнозировать следствие из причины на основе предварительного эмпирического анализа отношений между ними.

Причинный анализ в криминалистике в качестве «инструмента» установления причинно-следственных связей может рассматриваться как в узком, так и в широком смысле слова.

В узком смысле – это уголовно-правовой способ установления причинно-следственных связей в системе элементов объективной стороны преступления. В криминалистике структура объективной стороны преступления в значительной степени соответствует понятию и структуре механизма преступления. В широком смысле слова причинный анализ есть способ установления причинно-следственных связей и отношений в системе досудебного производства и судебного разбирательства по уголовному делу².

Приведенный тезис свидетельствует о том, что рассматриваемая проблема достаточно объемна по своему содержанию и раскрыть ее в рамках одной журнальной публикации не представляется возможным. Поэтому на основании значимости вопросов установления причинно-следственных связей механизма преступления в системе уголовного судопроизводства мы первоначально и сосредоточили свое внимание на философских и теоретических основах данной части проблемы.

¹ Очерки по диалектическому материализму. М.: 1985. С. 124.

² Имеется в виду криминалистические аспекты расследования, реализуемые в досудебном производстве и судебном разбирательстве по уголовному делу.

Самсонов Андрей Алексеевич,
аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин
Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)

ОБРАЗОВАНИЕ И ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОКРУЖНЫХ СУДОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Окружной суд был образован 17 ноября 1866 г. на основании именного, данно-го Сенату, указа «Об учреждении судебных установлений и о судебных уставах» от 20 ноября 1864 г. и именного, объявленного сенату министром юстиции указа «Об образовании окружных судов» от 2 октября 1866 г. как гласный суд с участием при-сжных заседателей для рассмотрения общеуголовных и гражданских дел всех сосло-вий, кроме подлежащих ведению мировых судов¹. Окружному суду посвящены ст. 77-78 Учреждений судебных установлений.

Новгородский окружной суд состоял из уголовного, гражданского, админи-стративного и регистрационного отделений. В штат помимо судей входили прокуро-ры и их товарищи, судебные приставы, нотариат и судебные следователи.

Новгородская губерния первоначально была разделена на три судебных округа. К 1-му округу причислены уезды: Новгородский, Старорусский, Демянский, Кре-стецкий, Валдайский. Окружной Суд располагался в Новгороде. Ко 2-му округу причислены уезды: Устюжский, Боровический, Тихвинский (и Весьегонский Твер-ской губернии). Окружной суд в Устюжне. Ко 3-му округу причислены уезды: Чере-повецкий, Белозерский и Кирилловский. Окружной Суд в Белозерске². Принцип, за-ложенный в основу выделения округов очевиден: «несовпадение судебных округов с административно-территориальным делением служило дополнительной гарантией независимости судей и уберегало, по возможности, исполнительную власть от со-блазна влиять на «своих» судей»³.

Впрочем, состав административно-территориальных единиц в том или ином округе не оставался неизменным. Так, в 1877 г. к 1-му округу была отнесена часть Тихвинского уезда⁴. А в 1880 г. вся губерния разделялась только на два судебных округа. К 1-му округу были причислены уезды: Новгородский, Старорусский, Демян-ский, Крестецкий, Валдайский, Боровический и Тихвинский. Окружной Суд в Нов-городе. Ко 2-му округу - уезды: Устюжский, Череповецкий, Белозерский и Кириллов-ский. Окружной Суд в Череповце. В Новгородском окружном суде помимо председа-теля числилось 7 членов суда, 16 судебных следователей (по важнейшим делам, по г. Новгороду, по 3 участкам Новгородского уезда, по 3 участкам Старорусского уезда, по 2 участкам Крестецкого уезда, по 2 участкам Боровического уезда, по 2 участкам Тихвинского уезда, по Валдайскому уезду и по Демянскому уезду). Судебных при-

¹ См.: Даныко Т.А. Из истории судоустройства в Новгороде XVIII-XX вв. // Альманах «Чело». 2007. № 2 [39]. С. 48.

² Памятная книжка Новгородской губернии (сокращение: ПКНГ). 1873. С. 20-27.

³ Золотухин Б. Правда и милость да царствуют в судах // Российская юстиция. 2001. № 12. С. 9-10.

⁴ ПКНГ. 1878. С. 19-20.

ставов работало 9 человек: в Новгороде – 2, в Старой Руссе – 2, в Демянске – 1, в Крестцах – 1, в Валдае – 1, в Тихвине – 1, в Боровичах – 1¹.

С 1889 г. в составе государственных судов действовало еще одно звено – уездные члены окружного суда. Они участвовали в выездных сессиях². Коллегиальным руководящим органом Окружного суда являлось Общее собрание отделений³. В фонде канцелярии председателя Новгородского окружного суда сохранились журналы общих собраний отделений суда лишь за 1917 г. Собрания 9, 12, 14 января проходили в составе председателя суда – К.П. Драницина, товарища председателя – С.М. Кирилова, семи членов суда, секретаря и прокурора.

Роль и функции прокуроров в работе окружных судов определялась ст. 124 – 136 Учреждений судебных установлений. При окружном суде состоял прокурор, «из товарищей прокурора окружного суда одни состояли при самом суде, а прочие в других городах округа...» (ст. 126). Несмотря на состоявшееся законодательное определение, дискуссия о прокурорском надзоре за судом среди практиков и ученых-правоведов продолжалась. Н.В. Федоров характеризуя намерения авторов реформы 1864 г., отмечает, что «...идея надзора за судом была отвергнута в русской юридической науке более 100 лет назад, причем мотивом послужили интересы становления судебной власти». При этом автор ссылается на Н.В. Муравьева, полагавшего, что суд сам призван охранять закон, и надзор за ним возможен лишь в иерархическом порядке судебных же учреждений⁴.

В современной литературе за прокуратурой периода реформы закрепилось наименование «прокуратура А.Ф. Кони». Выдающийся российский юрист рассматривал прокуратуру как институт поддержания государственного обвинения в суде, надзора за предварительным следствием и деятельностью полиции⁵.

О работе новгородской прокуратуры в пореформенный период позволяют судить имеющиеся в архивном фонде прокурора Новгородского окружного суда ведомости о годовых делах за первую треть 1911 г., предоставленные прокурору Санкт-Петербургской судебной палаты на ревизию. Так, ведомость за 3 июня 1911 г. по Боровическо-Крестецкому следственному округу со сведениями о предварительных следствиях, находящихся в производстве более года, содержит список из четырех дел. Среди них, например, числятся: убийство крестьянина П. Никифорова его сыновьями, поджог небитаемого дома сенатора Мякина, расхищение усадьбы и местной церкви. Причинами неоконченного следствия называются: поступившее уже после окончания следствия прошение обвиняемого о допросе новых свидетелей, задержки в передаче сведений из Зарентуйский каторжной тюрьмы, куда переведен один из подсудимых⁶. В одном из представлений на имя окружного прокурора указывается, что следствия задерживаются вновь открывшимися обстоятельствами, сложно-

¹ ПКНГ. 1881. Часть I. С. 16; 20.

² См.: История судебной системы России / [А.А. Демичев и др.]; под ред. Н.А. Колоколова. М., 2011. С. 255.

³ См. также: Бурдина Е.В. Общие собрания судов по Учреждению судебных установлений 1864 года как форма судейского самоуправления // История государства и права. 2013. № 23. С. 2-7.

⁴ Федоров Н.В. О судебной реформе в России // Государство и право. 1992. № 6. С. 9-10.

⁵ Золотухин Б. Правда и милость да царствуют в судах... С. 10.

⁶ Государственный архив Новгородской области (сокращение: ГАНО). Ф. 143. Оп. 1. Д. 22. Л. 1-5.

стью экспертизы книг и документов (так как обвиняемый совершил более 30 подлогов для сокрытия правды) и т. д.¹

Стоит напомнить рассуждение А. Д. Градовского об ответственности лиц прокурорского надзора: «Устройство прокурорского надзора построено на началах административной иерархии, а потому и правила об ответственности этих лиц значительно отступают от правил, установленных для лиц судебного ведомства»².

Среди документов, касающихся работы прокуратуры Окружного суда сохранилась также книга записи исходящих секретных бумаг и «Дело о службе Товарища Прокурора Новгородского окружного Суда коллежского assessора К. Д. Миденникова 1890 г.»³ Формулярный список о службе Константина Дмитриевича Миденникова свидетельствует о высоком уровне квалификации и профессионализме юриста. Он окончил полный курс в Императорском Санкт-Петербургском университете по юридическому факультету с правом получения ученой степени кандидата права (позже был утвержден в ученой степени). Был определен на судебную должность при Санкт-Петербургском Окружном суде. Работал в должности судебного следователя 9-го участка Санкт-Петербурга и 1-го участка Санкт-Петербургского уезда, затем, следователем в Гродненском окружном суде. В 1890 г. приказом по ведомству Министерства юстиции переведен на должность товарища прокурора в Новгородский окружной суд. Последовательно производился в титулярные советники, в надворные советники.

Содержание товарища прокурора включало: жалование – 1000 р.; столовые – 500 р.; квартирные – 500 р.; канцелярские – 500 р.⁴

Роль прокуратуры в работе Окружного суда трудно переоценить. Вместе с судьями и судебными следователями прокурорские работники, следуя профессиональному долгу, делали все, чтобы обеспечить режим законности. В условиях назревавших революционных настроений, усложнения общей политической ситуации деятельность и прокуратуры, и суда в целом невольно приобретала политическую направленность. Рассматривались дела о призывах к забастовкам, укрывательстве дезертиров, убийствах, спекуляции, самогоноварении. Примечательным фактом является наличие в производстве значительного числа дел по протестам на постановления уездных земских собраний, Новгородского губернского и уездных земельных комитетов, Новгородского губернского и уездных продовольственных комитетов, городских дум, по жалобам на нарушения во время избирательных компаний в губернское и уездные земские собрания.

Представление о практике окружных судов в Новгородской губернии позволяет составить сохранившаяся статистика. Так, в 1871 г. «... число преступлений, подсудных окружным судам, “простиралось” до 275». Осужденных по всем преступлениям было 300⁵. В 1874 г. преступлений насчитывалось 301, что меньше по сравнению с

¹ ГАО. Ф. 143. Оп 1. Д. 22. Л. 6-19.

² Градовский А. Д. Собрание сочинений. Т. 1-9. – СПб., 1899-1908. Т. 8. С. 131.

³ ГАО. Ф. 143. Оп 1. Д. 3, 5.

⁴ ГАО. Ф. 143. Оп. 1 Д. 5. Л. 3-13.

⁵ ПКНГ. 1873. С. 52-53.

1873 г. (по которому статистика отсутствует) на 146. Осужденных оказалось 447, против 585 в 1873 г.¹

Количество преступлений, подсудных окружным судам в 1876 г. было 410. Число осужденных – 463². В 1879 г. окружным судам пришлось рассматривать 608 преступлений. Число осужденных достигло 599³. В 1882 г. преступлений было 579, осужденных - 526. В сравнении с 1881 г. число преступлений увеличилось на 122, или на 21 %, а число осужденных уменьшилось на 77, или на 14,6 %⁴.

Конечно, статистика XIX в. не характеризует процессуальные действия, не дает возможности точно определить причины низкой динамичности процесса, выявить количество процессуальных ошибок. Тем не менее, данные по работе Новгородского окружного суда позволяют выявить тенденции неуклонного роста преступности как социального явления, порожденного усилением социальной и политической напряженности российского общества к концу XIX в., и констатировать весьма напряженную работу всего состава суда.

Несмотря на многообразие новых институтов и органов, выведенных судебной реформой 1864 г. на первые роли в российском судопроизводстве, основная нагрузка лежала на основном звене в системе общих судов – окружных судах. Практика работы губернских окружных судов подтвердила правильность идеи реформаторов. Уже на начальном этапе реформы было очевидно, что именно окружные суды воплотили в себе основные новации, призванные сделать правосудие орудием демократизации общественной и государственной жизни.

Скоморохова Оксана Юрьевна,
аспирант кафедры конституционного и муниципального права
Юридического института НИУ «БелГУ»,
Научный руководитель – к.ю.н. Л.И. Старцева

РЕГЛАМЕНТНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМИТЕТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ В ПОДГОТОВКЕ ЗАКОНОПРОЕКТОВ

В законотворческом процессе Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации ключевую роль играют ее комитеты.

Участие комитетов в законодательной процедуре возникает уже на этапе поступления законопроекта в Государственную Думу, когда председатель Государственной Думы направляет законопроект в профильный комитет. Именно профильный комитет определяет соответствие законопроекта требованиям ст. 104 Конституции Российской Федерации и ст. 105 Регламента Государственной Думы. В частности, профильный комитет проверяет наличие у субъекта, внесшего законопроект, права законодательной инициативы, наличия заключения Правительства Российской Федерации по законопроектам, предусматривающим расходы, покрываемые за счет

¹ ПКНГ. 1876. С. 57-61.

² ПКНГ. 1878. С. 96-98.

³ ПКНГ. 1881. С. 91.

⁴ ПКНГ. 1884. С. 54.

федерального бюджета, а также наличие полного пакета документов, представляемого при внесении законопроекта в Государственную Думу.

Любой комитет Государственной Думы может быть определен в качестве профильного. Это зависит от правоотношений, которые регулируются законопроектом и вопросами ведения того или иного комитета.

При этом по ряду четко оговоренных законопроектов, таких как проект федерального закона о федеральном бюджете на очередной финансовый год и плановый период, о бюджетах государственных внебюджетных фондов Российской Федерации на очередной финансовый год и плановый период, а также о страховых тарифах на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний на очередной финансовый год и плановый период, профильным комитетом является Комитет Государственной Думы по бюджету и налогам.

Роль профильного комитета завершается представлением на рассмотрение Совета Государственной Думы решения о соответствии или не соответствии законопроекта требованиям ст. 104 Конституции Российской Федерации и ст. 105 Регламента Государственной Думы, включающего предложения по законопроекту.

В случае, выявления не соответствия законопроекта указанным требованиям профильный комитет вносит предложение в Совет Государственной Думы о возвращении законопроекта субъекту (субъектам) права законодательной инициативы для выполнения указанных требований.

Если, по мнению профильного комитета, подготовленный к внесению в Государственную Думу законопроект соответствует указанным требованиям, Совет Государственной Думы по предложению профильного комитета назначает комитет, который будет являться ответственным по законопроекту. Так называемый, ответственный комитет. А в случае если вопросы, регулируемые законопроектом, относятся к ведению и другого комитета Государственной Думы, назначает данный комитет соисполнителем по законопроекту (далее комитет-соисполнитель).

Ответственный комитет вносит предложение в Совет Государственной Думы о сроке подготовки законопроекта к рассмотрению Государственной Думой. При этом порядок подготовки законопроекта к рассмотрению палатой и срок представления заключений, отзывов, предложений и замечаний к законопроекту ответственный комитет определяет самостоятельно, за исключением заключений Правительства Российской Федерации.

Также, при внесении в Государственную Думу альтернативных законопроектов до рассмотрения в первом чтении законопроекта по тому же вопросу, ответственный комитет подготавливает альтернативные законопроекты к рассмотрению Государственной Думой в первом чтении одновременно с законопроектом, внесенным в Государственную Думу ранее.

Для работы над законопроектом ответственный комитет может создать рабочую группу из числа депутатов Государственной Думы как членов данного комитета, так и не являющихся таковыми. В состав рабочей группы также могут входить представители соответствующего субъекта права законодательной инициативы, представители органов государственной власти, других организаций, эксперты и специалисты.

В ходе работы над законопроектом ответственный комитет назначает докладчика из состава его членов. Докладчик координирует деятельность членов рабочей группы, заинтересованных организаций и лиц, докладывает на заседании ответственного комитета о результатах подготовительной работы над текстом законопроекта.

Ответственный комитет тесно взаимодействует с Правовым управлением Аппарата Государственной Думы.

По поручению ответственного комитета в установленный им срок. Правовое управление аппарата Государственной Думы осуществляет правовую экспертизу законопроекта на соответствие Конституции Российской Федерации, федеральным конституционным законам, федеральным законам, основным отраслевым законодательным актам, а также проверяет перечень актов федерального законодательства, подлежащих признанию утратившими силу, приостановлению, изменению, дополнению или принятию в связи с принятием данного законопроекта. Ответственный комитет может поручить Правовому управлению Аппарата Государственной Думы провести лингвистическую экспертизу законопроекта.

Обсуждение законопроекта, рассмотрение отзывов, предложений и замечаний по законопроекту осуществляется на заседаниях ответственного комитета, на которых депутаты Государственной Думы, не являющиеся членами ответственного комитета, члены Совета Федерации, полномочный представитель Президента Российской Федерации в Государственной Думе, полномочный представитель Правительства Российской Федерации в Государственной Думе, представители законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации, а также представители государственных органов, других организаций, в которые законопроект направлялся для дачи отзывов, предложений и замечаний, вправе присутствовать с правом совещательного голоса. Для участия в заседании могут быть приглашены работники Правового управления Аппарата Государственной Думы, осуществлявшие правовую и (или) лингвистическую экспертизы.

Заседания ответственного комитета проходят открыто и могут освещаться в средствах массовой информации.

По завершению подготовки законопроекта к рассмотрению в первом чтении ответственный комитет направляет в Совет Государственной Думы данный законопроект для внесения его на рассмотрение Государственной Думой.

Дополнительно к законопроекту и материалам, внесенным субъектом права законодательной инициативы, ответственный комитет представляет проекты и заключения. Первые касаются постановления Государственной Думы о принятии законопроекта в первом чтении и решения Совета Государственной Думы с указанием даты рассмотрения законопроекта на заседании Государственной Думы, докладчика по законопроекту и содокладчика от ответственного комитета. Вторые – отражают мнение ответственного комитета, комитета – соисполнителя (при наличии) с мотивированным обоснованием необходимости принятия либо отклонения данного законопроекта и Правового управления Аппарата Государственной Думы, а также заключение Об-

щественной палаты и решение Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально – трудовых отношений (если таковые имеются)¹.

Роль ответственного комитета в законодательном процессе не заканчивается передачей законопроекта в Совет Государственной Думы.

Деятельность ответственного комитета прослеживается на протяжении всех трех чтений рассмотрения законопроекта Государственной Думой.

Сова Николай Игоревич,
аспирант кафедры теории и истории государства и права
Юридического института НИУ «БелГУ»
Научный руководитель – проф. Е.В. Сафронова
(Белгород)

ОРГАНИЗАЦИЯ КОНТРОЛЬНО-РЕВИЗИОННОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Вопросы организации системы финансового хозяйствования и контрольно-ревизионной деятельности в соответствующей сфере достаточно редко становились предметом научного анализа, особенно если вести речь о вопросах взимания налогов, порядка образования доходной части бюджета и направлений расходования бюджетных средств. Отчасти такое положение дел объяснялось исследователями тем, что применительно к устройству системы финансового управления практически не существует единых, общих правил организации названной административной системы учреждений. «Устройство финансового управления зависит главным образом от объема и свойства административных занятий в каждом государстве и потому бывает весьма разнообразно»².

С момента создания министерства финансов в результате «министерской реформы» Александра I основные контрольно-ревизионные функции перешли данному ведомству. Принимая во внимание порядок создания и деятельности органов финансового контроля в Российской империи, следует отметить, что в основном образование и определение компетенции соответствующих структур происходило под влиянием традиций российского права.

Построение системы финансового хозяйствования происходило на основе двух принципов: пространственный и территориальный. К числу общих правил организации контрольно-ревизионных структур, применимых в равной мере и к другим государственным органам, можно выделить следующие:

1) Предельная ясность и простота в построении системы органов, по крайней мере, в той мере, в какой это было возможно осуществить с учетом целей функционирования отдельно взятого учреждения, призванного осуществлять отдельные полномочия, возложенные на систему как таковую. Необходимость существования такого правила объяснялась как уменьшением расходов, так и упрощением при фор-

¹ Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Редакция от 24.06.2016// Электронный документ. URL: <http://www.duma.gov.ru/about/regulations/> (дата обращения: 19.09.2016).

² Рау К.Г. Основы начала финансовой науки. – Т. I. – СПб, 1867. - С. 332.

мировании вышестоящих органов. Но, пожалуй, самая главная задача состояла в том, что четкость в определении компетенции и системы органов абсолютно любой предметной принадлежности позволяла выстроить понятный для каждого заинтересованного субъекта способ реализации правомочий и сводила к минимуму возможности злоупотреблений. что предельно важно для органов, осуществляющих контрольно-надзорные функции. Подобные подходы были достаточно четко изложены в Манифесте «Об учреждении Министерств» от 08.09.1802 г.¹

2) Компетенция каждого отдельного чиновника должна быть конкретно определена и не может допускать выполнение хотя и смежных, но разнородных по своей сути полномочий, поскольку профессионализм человека имеет известные пределы, нарушение которых способно повлиять на оперативность выполняемых задач.

3) Усмотрение чиновника не может отрицаться как таковое, однако его наличие не способно само по себе являться основанием для безусловного исключения ответственности лица за ненадлежащее исполнение должностных обязанностей.

4) Чиновники низших органов финансового контроля подлежат полной отчетности перед вышестоящими структурами; их деятельность подлежит ревизии со стороны последних в целях повышения эффективности государственного управления.

5) Низовые звенья системы финансового хозяйствования подлежат построению на основе принципа единоличного управления. Что же касается высших органов контрольно-ревизионной деятельности, то для них характерна коллегиальность. Коллегиальность управленческих систем порождала очевидные неудобства, состоящие в ее сложности, волоките, высокой стоимости организации и содержания. С другой стороны, коллективность в принятии решений для органов, чье мнение по существу является окончательным и неоспоримым, является необходимым требованием для принятия взвешенных, зрелых и осмысленных решений.

К середине XIX в. на местном уровне создавались специальные низовые учреждения, призванные осуществлять отдельные узкоспециализированные полномочия государства в сфере управления и финансов. К числу таковых можно отнести управление казенными предприятиями, отдельными отраслями промышленности, осуществление взимания налогов и сборов. По похожей схеме управление осуществлялось и на окружном уровне.

Очевидно, что вопросы финансового хозяйствования достаточно разнородны и требовали введения специализации. Применительно к низовым структурам за счет такой специализации достигалась компетентность в выполнении поставленных задач. Однако в отношении построения высших органов финансового управления существовало две противоположных по характеру схемы организации. Суть первой из них состояла в том, что высшие органы финансового управления также должны строиться на основе специализации. В таком случае в государстве допускалось существование нескольких независимых друг от друга учреждений в рамках общей системы управления финансами. В конечном итоге эти учреждения были подконтрольны монарху.

Вторая система финансовой организации предполагала полную централизацию не на уровне монарха, а уже на уровне главного исполнительного ведомства. Такой

¹ Манифест «Об учреждении Министерств» от 08.09.1802 г. // <http://bazazakonov.ru/doc/?ID=2742146>.

форма взаимодействия с определенной долей условности был реализован в период министерской реформы Александра I. Оговорка относительно централизации допущается нами в связи с тем, что преобразование исполнительной власти в финансовой сфере отдельные полномочия были переданы иным структурам. В частности, в 1811 году было создано Государственное управление ревизии государственных счетов – орган, обладавший надзорными функциями. Кроме того, до 1821 года относительно обособленным от Министерства финансов было также Государственное казначейство.

Однако следует согласиться с Я.В. Соловьевым о том, что, начиная с момента воплощения в жизнь министерской реформы, именно министерства играли первостепенную роль в реализации государственной политики¹.

Несмотря на то, что сама по себе идея создания министерств не являлась новаторством отечественного законодателя, она приобрела в силу специфики российского государственного строя и сложившегося общественного жизненного уклада особые черты. В частности, отношение императора к конкретному министру предопределяло роль и влияние министерства не только по отношению к подчиненным структурам, но в целом к государственно-властной системе.

На первоначальном этапе, в 1802 году, были учреждены только должности министров и канцелярий при каждом из министров в качестве вспомогательных учреждений для исполнения их полномочий. При этом в остальной части государственной механизм изменений не претерпел.

Таким образом, сущность министерской реформы изначально состояла в распределении между созданными Министерствами полномочий государственной власти в соответствии с предметом ведения и тем самым в установлении единоначалия, заключающемся в передаче одному лицу конкретной отрасли общественных отношений.

По Манифесту «Об учреждении Министерств» в ведение министра финансов передавались Берг-Коллегия, Монетный Департамент, Экспедиция о заготовлении и хранении вексельной бумаги Мануфактур-Коллегии, Экспедиция Государственного Хозяйства (частично), Лесной Департамент; хозяйственное управление казенных земель, деревень, гаков, старост, аренд и манталов, Государственные Банки, Придворные Банкиры и Комиссионеры, Казенные Палаты по винным подрядам и откупам.

Между тем, как отмечалось в литературе, не все перечисленные ведомства фактически находились в полном ведении министра финансов. В частности, обращалось внимание на то, что Лесной Департамент был достаточно самостоятельной структурой².

Министерство финансов подчинялось непосредственно императору как владельцу всей верховной власти в государстве. В дальнейшем такое положение дел предопределило специфику реализации отдельных полномочий Министерства финансов. Так, по первоначальному замыслу авторов реформы на каждого из министров возлагалась обязанность по предоставлению отчетности о результатах деятельности подконтрольного ведомства в Сенат. При этом Сенат фактически являлся опосредованной структурой в вопросах отчетности Министерства финансов. Фактически же

¹ Соловьев Я.В. Министерство финансов Российской империи в 1858-1903 гг.: организация и функционирование: дисс. ... канд. истор. наук. – М., 2003. – С. 4.

² Министерство финансов 1802-1902 / Под общ. ред. Н. К. Бржежского – Ч. 1. – СПб: экспедиция заготовки государственных бумаг, 1902. – С. 36.

предоставление отчетности было запланировано именно императору, о чем свидетельствует и содержание Манифеста «Об учреждении Министерств».

Видимо именно по этой причине уже в первые годы реализации реформы отчеты министров фактически предоставлялись в Комитет министров, который возглавлял император, а не в Правительствующий Сенат.

Отчет предоставлялся не в отношении работы министра, а в отношении всех подконтрольных ведомств. При этом особое внимание обращалось на расходование денежных средств. Тем самым каждое ведомство о расходах отчитывалось самостоятельно, что совершенно не освобождало министра финансов от обязанности отчитываться в отношении всех государственных расходов, поскольку это входило в полномочия возглавляемой им структуры.

Таким образом, и Правительствующий Сенат и министр финансов обладали широкими контрольно-ревизионными полномочиями. Очевидно, что таковыми обладал и император как верховный правитель государства, которому подчинялись ведомства всех уровней и который сохранял за собой право принятия любых решений в отношении как каждого из органов, так и конкретного государственного служащего.

Министр финансов наделялся полномочиями по «управлению казенными и государственными частями, кои доставляют правительству нужные на содержание его доходы, и генеральное всех доходов разсигнование по разным частям государственных расходов»¹. В последующем предмет ведения Министерства финансов был уточнен в Манифесте от 25.06.1811 г. «Об общем учреждении Министерств»².

Первоначально Министерство финансов существовало в усеченном составе, но в последующем по мере развития финансово-экономических отношений и более четкого разграничения предметов ведения различных ведомств в состав Министерства финансов были включены Департамент мануфактур и внутренней торговли (в 1817 году), Департамент государственного казначейства (в 1821 году).

Таким образом, в составе Министерства финансов Российской империи включались пять Департаментов: Департамент государственных имуществ, Департамент внешней торговли, Департамент мануфактур и внутренней торговли, Департамент податей и сборов, Департамент Государственного казначейства, а также Главное управление монетной, горной и соляной части, Ученый комитет Корпуса горных инженеров и две Канцелярии министра (общая и особенная по кредитной части). Указанная структура сохранялась до 1838 г., когда отдельные вопросы реализации государственной политики в сфере управления государственным имуществом были изъяты из ведения Министерства финансов и перешли к новому ведомству – Министерству государственных имуществ.

¹ Манифест «Об учреждении Министерств» от 08.09.1802 г. // <http://bazazakov.ru/doc/?ID=2742146>.

² Манифест «Об общем учреждении Министерств» от 25.06.1811 г. // <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/ministry.htm>

Сушков Андрей Васильевич,
экстерн Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

КОНСТИТУЦИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ

В настоящее время категория «государственная поддержка» получила распространение в практической деятельности. К ней обращаются на самом высоком государственном уровне. Так, практически в каждом послании Президента Российской Федерации затрагиваются различные аспекты государственной поддержки:

- людей в социальной сфере; национальных традиций и культур народов России; строительства разветвленной системы поиска талантливых детей, а также их сопровождения в течение всего периода становления личности¹;
- социально ориентированных некоммерческих организаций²;
- граждан, достигших выдающихся результатов в творчестве, работе, бизнесе, спорте, благотворительности³;
- семей и действия программы материнского капитала⁴ и др.

Представленные тезисы из посланий Президента РФ свидетельствуют о многопрофильном и гибком характере использования государственной поддержки.

Конституция Российской Федерации в своей базовой главе о конституционном строе установила государственную поддержку применительно к семье, материнству, отцовству и детству, инвалидам и пожилым гражданам (ч. 2 ст. 7). Таким образом, на конституционном уровне государственная поддержка адресована определенному перечню субъектов. Подчеркнем, определение рассматриваемой поддержки в конституционных нормах отсутствует.

На законодательном уровне вопросы государственной поддержки раскрываются как применительно к институциональной компетенции, так и к определенным адресатам.

К примеру, в первом случае государственная поддержка занимает одно из центральных мест в правительственной политике. Так, ст. 17 Федерального конституционного закона от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации»⁵ закрепляет, что этот государственный орган разрабатывает и осуществляет меры государственной поддержки развития науки; обеспечивает государственную поддержку фундаментальной науки; обеспечивает государственную поддержку культуры.

Во втором случае государственная поддержка как самостоятельный феномен в отношении определенных субъектов конкретизирована в федеральных законах от 22

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 5 ноября 2008 г. // Российская газета. 2008, 6 ноября.

² Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12 ноября 2009 г. // Российская газета. 2009, 13 ноября.

³ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12 декабря 2012 г. // Российская газета. 2012, 13 декабря.

⁴ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 3 декабря 2015 г. // Российская газета. 2015, 4 декабря.

⁵ СЗ РФ. 1997. № 51. Ст. 5712.

августа 1996 г. № 126-ФЗ «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации»¹, от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»², от 30 апреля 2008 г. № 56-ФЗ «О дополнительных страховых взносах на накопительную часть трудовой пенсии и государственной поддержке формирования пенсионных накоплений»³ и др.

Таким образом, исходя из законодательных установлений, видно, что адресатами государственной поддержки могут отдельные категории лиц (дети, инвалиды), отрасли (виды) деятельности (кинематограф, транспортная система и пр.), мероприятия и государственные институты (юстиция, исторические города).

По кругу субъектов она может быть групповой (когда любой субъект, отвечающий критериям, вправе претендовать на поддержку) и индивидуальной.

С учетом временного критерия можно указать текущую, оперативную и тематическую поддержки.

Обращаясь к доктринальному толкованию, государственная поддержка в широком смысле может быть определена специфическим видом государственной деятельности, связанным с поддержанием надлежащего уровня развития того или иного субъекта, развитием определенного общественного института⁴.

Вместе с тем, категориальный статус государственной поддержки, при достаточно широком спектре употребления в законодательстве, остается малоисследованным отечественной правовой наукой. Полагаем, что дальнейшие теоретические разработки будут способствовать развитию понятийного научного аппарата, и станут базой при осуществлении прагматических исследований, связанных с правозащитной деятельностью.

Черкашина Анастасия Васильевна,
аспирант Института государственной службы и управления
Российской академии народного хозяйства
при Президенте Российской Федерации
(Москва, Россия)

ПРИНЯТИЕ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ

Институт принятия судебных решений способствует обеспечению стабильности и эффективности правового механизма. Безусловно, основным принципом большинства правовых систем является то, что споры между сторонами должны в итоге прийти к концу и решения должны обладать законной силой. После того как стороны спора начали тяжбу по делу, судья должен принять окончательное решение – такое, которое позволит исключить повторный судебный процесс между теми же сторонами и по тому же предмету иска. Действительно, данное положение будет действовать не только в интересах широкой общественности, но и в интересах государства, что позволит повысить эффективность судебной системы и обеспечить ее стабильность.

¹ Российская газета. 1996, 29 августа.

² Российская газета. 2006, 31 декабря.

³ Российская газета. 2008, 6 мая.

⁴ <http://isfic.info/talap/publis60.htm> (дата обращения 23.09.2016 г.).

В контексте института принятия судебных решений подразумевается, что в момент вынесения решения судья принял во внимания все обстоятельства дела и основывает свое решение на доказательствах, которые были исследованы в процессе судебного разбирательства. Надо отметить, что в Законе «О статусе судей в Российской Федерации» предусмотрено, что при вступлении в должность судья приносит присягу, в которой клянется быть «беспристрастным и справедливым»¹. Представляется, что понятие «справедливость» является важным составляющим, которое должно достигаться в процессе любого судопроизводства.

Правовая теория – самая очевидная и прямолинейная из теорий о том, каким образом принимаются судебные решения. Согласно этой теории судьи принимают решения, основываясь на систематическом применении источников права. Когда судья выносит судебное решение, он ссылается на то, что это решение было принято с соблюдением всех правовых норм. Именно такую теорию принятия судебных решений, как правило, подробно изучают в юридических университетах: судебные решения есть результат беспристрастного, взвешенного анализа.

Дж. Гибсон утверждал, что судебные решения – это «личное мнение судей, сформировавшейся под влиянием чувства долга и чувства меры»². Попробуем хотя бы частично рассмотреть, на какие принципы опираются судьи при принятии решений.

За последнее столетие теоретики права выдвинули несколько теорий принятия судебных решений. Некоторые споры ведутся относительно определения правовой модели принятия таких решений, однако совершенно ясно одно: если судебное решение было справедливым, это значит, что личные предпочтения и мнения судьи не были приняты им во внимание в момент принятия такого решения. Как отметила К. Салливан, «При принятии решения суд должен сослаться на закон и здравый смысл, а собственное мнение и политические игры следует оставить для других случаев»³. На правовой анализ института принятия судебных решения не должны влиять как политические воззрения, так и идеологические. Закон должен быть свободен от политики.

И хотя классическая правовая теория принятия судебных решений подразумевает, что принятие решения есть формальный процесс, однако становится понятно, что невозможно говорить о каком-либо алгоритме принятия решения и о ее формальном значении. В контексте правовой модели подразумевается, что судья применяет определенный набор правовых инструментов – правила, стандарты и принципы – и использует их наиболее корректным (правильным) образом для принятия решения. Если что-либо предписано законом, суд должен следовать этому закону в силу своей подзаконной деятельности. Если трактовка закона неоднозначна, суд должен принять все меры для того, чтобы устранить данное противоречие. В данном случае судья может опираться на собственные взгляды и опыт, но ни в коем случае не на личные предпочтения. Судебные решения должны приниматься на основе закона и здравого

¹ Закон РФ от 26 июня 1992 г. №3132-1 (в ред. от 3 июля .2016 г.) «О статусе судей в Российской Федерации» // Российская газета. 1992. 29 июля

² James L. Gibson, *From Simplicity to Complexity: The Development of Theory in the Study of Judicial Behavior - Judicial Behavior: Theory and Methodology*, Vol. 5, No. 1, 1983.

³ Kathleen M. Sullivan, *The Supreme Court, 1991 Term - Harvard Law Review*, Vol. 106, No. 1, 1992.

смысла, а следовательно, все личные мотивы и воззрения следует исключить из системы принятия судебного решения.

Как и большинство других общих теорий, правовая теория принятия судебных решений не отличается точностью формулировок. Краеугольным камнем является «здоровый смысл»: принцип, в соответствии с которым судья принимает решение, не учитывая собственные личные или политические взгляды. Процесс принятия судебного решения должен основываться на принципах, которые представляют собой общие стандарты рассмотрения дела исходя из здравого смысла. В соответствии с этим положением, главными характеристиками принятия судебного решения будут являться «честность судьи, объективные стандарты принятия решения и беспристрастное правосудие»¹. С. Бертон, например, признает, что в связи с неопределенностью судебного процесса судьи могут действовать по собственному усмотрению, но отмечает, что для того, чтобы принять наиболее правильное и справедливое решение, необходимо действовать «по совести»². Введение положения о совести в судебную деятельность является сложным вопросом, так как данное понятие не является правовым.

Правовая теория, прежде всего, исходит из того, что закон сдерживает личные взгляды судей. И даже если эта теория не может дать характеристику поведению судей, она все равно может описать наиболее предсказуемый результат их деятельности. Правовая теория также находит поддержку в законодательстве, ведь задача судьи заключается в том, чтобы принять решение в соответствии с законом. Однако становится понятно, что данное положение является узконаправленным, ведь судебная власть направлена на охрану прав и свобод личности, которые являются высшей ценностью. Согласно ст. 18 Конституции Российской Федерации: «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием»³. Из этого следует, что без правосудия, без провозглашения такого принципа, как «принцип высшей ценности прав и свобод человека», не была бы реализуема основная задача судебной власти - обеспечения учета, признания, защиты и устранение нарушений прав и свобод личности. Таким образом, судьи, принимая решения, могут и должны использовать такое понятие, как «судебная справедливость», и реализовывать его сущность в ходе исполнения своих полномочий.

В рамках правовой теории принятия судебных решений, судьям следует относиться к собственной деятельности достаточно критично. Решения должны быть вынесены в строгом соответствии с законом, и именно это обстоятельство, в качестве основополагающего значения, определяет законность судебного решения. Судья не имеет права сказать: «Я вынес решение в пользу истца, потому что я придерживаюсь его взглядов», или «потому что ответчика защищает отличный адвокат» - это и опре-

¹ Terri Jennings Peretti. In Defense of a Political Court – Princeton University Press. 1991.

² Steven J. Burton. Judging In Good Faith – Cambridge University Press. 1992.

³ Конституция Российской Федерации (с учетом последующих поправок) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

деляет суть деятельности всей судебной власти. Тем самым, судебное решение должно создавать условия для защиты прав и свобод личности.

Вопрос о месте «справедливости» в качестве требования к судебным решениям становился предметом многих исследований. Некоторые ученые придерживаются мнения о том, что «справедливость» не является самостоятельным требованием, так как его необходимо учитывать в совокупности с другими требованиями. Справедливость в судебных решениях необходимо рассматривать через призму законности и обоснованности. Таким образом, можно условно говорить о том, что через понятие «законности» и «обоснованности» раскрывается сущность справедливости в целом.

Другая же группа исследователей являются сторонниками разграничения данных понятий. Точка зрения данной группы сводится к тому, что понятие «справедливость» является общим требованием. В данном случае справедливость будет рассматривать не только в пределах законности и обоснованности, но и будет составлять нравственную основу судебного решения. Как уже было сказано выше, во время принесения присяги судья клянется быть справедливым: исходя из этого, и его решения будут основаны на справедливости. Однако, нам кажется, что справедливость необходимо понимать не только как требование к судебному решению, а скорее, как центральный элемент, который будет составлять основу не только судебного решения, но и деятельности судебной системы в целом.

В течение многих лет правовая теория подвергалась серьезной критике. Основной недостаток, как правило, виделся в точности, которая рассматривается как нечто единственное и однозначное. Данный критерий действительно характеризуется некоторой «жесткостью», но ценность его неоспорима, так как весь правовой механизм опирается на законность и обоснованность, именно, посредством критерия точности. Точность является необходимым элементом, который способствует снижению риска совершения ошибок и, вследствие этого, вынесения несправедливых судебных решений.

Некоторые ученые утверждают, что «суд может принять совершенно любое решение и дать ему безупречное правовое обоснование»¹. В обосновании своей позиции они ссылаются на то, что правовая модель есть не более чем идеализированное представление о деятельности судей, которое очень плохо отражает реальный процесс принятия судебных решений.

Как нам представляется, было бы несправедливо считать, что правовая теория принятие судебных решений является идеализированным представлением о деятельности суда. Утверждение, что «суд может принять совершенно любое решение и дать ему безупречное правовое обоснование», является не совсем верным, так как в данном случае речь идет о злоупотреблении своими полномочиями, то есть использование своего положения не в соответствии с первоначальным, целевым его назначением. Любое злоупотребление в рамках судебной системы является противоречием сущности и духу права.

¹ Patricia M. Wald, *The Rhetoric of Results and the Results of Rhetoric: Judicial Writings* – The University of Chicago Law Review, 1995.

Проанализировав все вышесказанное, можно судить о том, что понятие «справедливость» является неотъемлемым условием эффективной деятельности судебной системы. Важно отметить, что решение может быть признано справедливым, если соблюдены определенные условия, которые и будут составлять суть правовой теории принятия судебных решений: соблюдение процессуальной формы при рассмотрении и разрешении дела; установление фактов, которые имеют место быть в действительности; определение закона, который описывает правило поведение в конкретном случае; правильное определение правовых последствий, которые должны наступить в результате принятия судом решения о применении конкретного закона к разрешению конкретного конфликта.

Поэтому судебные решения должны приниматься на основании закона и здравого смысла и, тем самым, они будут являться гарантией обеспечения защиты прав и основных свобод личности.

Шахбанов Абдурахман Абдулвагабович,
соискатель кафедры конституционного и муниципального права
Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

КОНСТИТУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ

Понятие конституционного строя и его основ в последние годы стало широко использоваться в российской юридической науке и законодательстве. Так, глава 1 Конституции Российской Федерации называется «Основы конституционного строя». Под конституционным строем обычно понимают систему общественных отношений, соответствующих принципам правового государства. Это строй, при котором признаются, соблюдаются и защищаются права человека и гражданина, строй при котором государственный механизм (система органов государства) действует в соответствии с принципом разделения властей, строй, при котором наряду с государством функционирует гражданское общество, включающее в себя общественные объединения, коммерческие и некоммерческие организации, органы местного самоуправления и т.д.¹ Сущность строя находит свое выражение в социальных, экономических, культурных и политических отношениях. Государство воздействует на строй посредством прежде всего конституционного регулирования. Объектом его является не весь социальный общественный строй, а лишь его основы². Эти основы и представляют собой основы конституционного строя.

Как пишут М.В. Баглай и Б.Н. Габричидзе, значение главы 1 Конституции РФ исключительно велико. По существу именно здесь формулируется гуманистическая направленность конституционного строя, содержатся гарантии от этатизма, то есть установления тотального государственного контроля за общественной жизнью. Принципы организации государства закрепляются здесь в самой общей форме, они как бы создают фундамент конституционного строя, а конкретно раскрываются в по-

¹ См.: Григонис Э.П., Григонис В.П. Конституционное право зарубежных стран. СПб, 2002. С. 24.

² См.: Шахрай С.М., Клишас А.А. Конституционное право Российской Федерации. М., 2011. С. 116.

следующих главах Конституции, и поэтому некоторые положения как бы гарантированы дважды (федерализм, право собственности, разделение властей и др.)¹. Основам конституционного строя придается необратимый характер с целью полного исключения возможности их свертывания с помощью текущего (неконституционного) законодательства или иным способом².

Существуют различные классификации основ конституционного строя России. Э.П. Григонис и В.П. Григонис их делят на четыре группы: основы (принципы) конституционного строя, определяющие правовой статус человека и гражданина (ст.ст. 2, 6 Конституции РФ); основы (принципы) конституционного строя, определяющие функционирование гражданского общества (ст.ст. 7, 8, 9, 12, 13, 14 Конституции РФ); основы (принципы) конституционного строя, определяющие организацию государственной власти (ст.ст. 1, 3, 4, 5, 10, 11 Конституции РФ); принцип верховенства права и основанного на нем закона (ст. 15 Конституции РФ)³.

М.В. Баглай и Б.Н. Габричидзе также выделяют четыре группы основ конституционного строя, однако называют их по-другому: гуманистические основы конституционного строя; основные характеристики Российского государства; экономические и политические основы конституционного строя; основы организации государственной власти⁴.

Не ставя перед собой цели разработки собственной классификации основ конституционного строя, отметим целесообразность выделения специальной группы социально-экономических основ конституционного строя. Эти основы закреплены в ст.ст. 7, 8 и 9 Конституции РФ.

В ст. 7 Конституции РФ отражено, что Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ч. 1). В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты (ч. 2).

В.Д. Зорькин пишет, что конституционный принцип социального государства предполагает создание равных возможностей для всех членов общества, проведение социальной политики, признающей за каждым членом общества право на такой уровень жизни (включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и социальное обслуживание), который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, когда он работает, а также, в случаях безработицы, болезни, инвалидности, старости⁵.

¹ См.: Баглай М.В., Габричидзе Б.Н. Конституционное право Российской Федерации. М., 1996. С. 96-97.

² См.: Шахрай С.М., Клишас А.А. Конституционное право Российской Федерации. М., 2011. С. 116.

³ См.: Григонис Э.П., Григонис В.П. Конституционное право России. СПб, 2002. С. 56.

⁴ См.: Баглай М.В., Габричидзе Б.Н. Конституционное право Российской Федерации. М., 1996. С. 97.

⁵ См.: Зорькин В.Д. Стандарт справедливости // Российская газета. 2007, 8 июня.

С.В. Васильев, В.А. Виноградов и В.Д. Мазаев к основным признакам социального государства относят: обеспечение минимального стандарта социальных гарантий гражданам в сферах труда и занятости, образования и здравоохранения, семьи и материнства и др.; определение цивилизованных условий социального обеспечения нуждающихся граждан; реализацию социальной налоговой политики; оптимальные ограничения конкуренции и монополии экономических субъектов на рынке товаров, работ и услуг; эффективные правовые механизмы достижения баланса интересов и работодателей (баланс между трудом и капиталом)¹.

О.В. Родионова считает, что социальное государство – закономерный этап правовой государственности. Социальное и правовое государство диалектически едины, и между ними нет непримиримого противоречия. Наиболее полно идея правовой государственности воплощается в жизнь только с построением социального государства, обеспечивающего реальное осуществление прав и свобод человека².

Между тем такая позиция отнюдь не бесспорна. Существует противоположное мнение, что «принцип социального государства... являет собой прямую противоположность принципу правового государства – правовому (формальному) равенству, то есть равенству индивидов в их свободе, равенству их общих правовых статусов»³.

Если О.В. Родионова считает, что социальное государство должно предшествовать правовому государству, то, например, по мнению В. Мау, наоборот, «принцип социальности может быть реализован только в правовом государстве, то есть таком, которое не на словах, а на деле может обеспечить формальное равенство граждан и разумное взаимодействие социального начала и неприкосновенности собственности, освободить граждан от чрезмерной перераспределительной активности властей»⁴.

Положения о социальном государстве впервые появились в конституциях государств Западной Европы. Причем представления о социальном государстве претерпели некоторые изменения со времени первых упоминаний о нем в конституциях. Так, М.В. Баглай пишет: «Когда после Второй мировой войны в конституциях ряда западноевропейских стран появилась формула «социальное государство», многие исследователи считали, что обязанности такого государства сводятся только к провозглашению социально-экономических прав граждан (право на труд, на отдых, социальное обеспечение и др.) или раздаче пенсий и различных пособий. Но со временем утвердилось понимание того, что социальное государство это нечто большее, оно призвано создавать условия для обеспечения граждан работой, перераспределять доходы через государственный бюджет, обеспечивать людям прожиточный минимум и содействовать увеличению числа мелких и средних собственников, охранять наемный труд, заботиться об образовании, культуре, семье и здравоохранении, постоянно улучшать социальное обеспечение и др. Выяснилось, что помимо собственно социальной политики социальную ориентацию должна приобрести вся экономическая политика пра-

¹ См.: Васильев С.В., Виноградов В.А., Мазаев В.Д. Конституционное право России. М., 2011. С. 152.

² См.: Родионова О.В. Социальное государство (теоретико-правовой аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2002. С. 8.

³ Конституция Российской Федерации: проблемный комментарий / Под ред. В. Четвернина. М., 1997. С. 59.

⁴ Мау В. Конституционное регулирование социально-экономических отношений. Очерк истории // Вопросы экономики. 1999. № 4. С. 27-43.

вительства и при этом не перечеркивать конкуренцию и экономическую свободу, поощрять индивидуальную инициативу, сохранять и даже усиливать стимул к росту личного благосостояния. Это государство должно бороться не против богатства, а против нищеты, оно отрицает чрезмерный этатизм в распределении благ, поощряя социальную функцию частной собственности»¹.

М.В. Баглай и Б.Н. Габричидзе отмечают, что социальным государством «называется такое государство, которое берет на себя обязанность заботиться о социальной справедливости, благополучии своих граждан, их социальной защищенности. Это государство не стремится к уравниловке за счет отказа от свободы, как это делало социалистическое государство. Напротив, оно увязывает свободу и социальную защиту социально слабых слоев (безработных, нетрудоспособных, инвалидов и др.), поскольку между этими целями существует определенное противоречие. Социальное государство как бы исправляет формализм понятий «свобода» и «равенство», помогая людям непредприимчивым и бедным»².

Е.Ю. Добрынин считает, что деятельность социального государства должна быть направлена не на установление большего числа льгот, пособий и других видов социальной помощи как можно более широким слоям населения, а на создание таких условий жизни общества, при которых обеспечивается способность человека достойно жить и свободно развиваться³.

Как представляется, вышеуказанными авторами очень верно раскрыта суть конституционной характеристики России как социального государства. Государство не в состоянии в силу своего социально-экономического развития в определенные периоды времени, и, в частности, в современный период, обеспечить весь спектр взятых на себя обязательств по реализации положений ст. 7 Конституции РФ. В этой связи нельзя не согласиться с В. Мау, которым замечено: «Принцип социальности, безусловно, является историческим, причем отнюдь не только в чисто культурном контексте (развитые в культурно-историческом отношении страны расширяют сферу социальной защиты граждан). Историзм этого принципа подразумевает прежде всего, что государство может позволить себе решать соответствующие задачи, лишь достигнув определенного уровня экономического развития: для обеспечения социальной справедливости необходимо иметь развитую материально-производственную базу, то есть ресурсы, достаточные для перераспределения без чрезмерного изъятия собственности у части общества»⁴.

М.В. Баглай и Б.Н. Габричидзе верно отмечают, что перечень социальных обязанностей государства «явно отстает от общепризнанных в конституционной теории и практике развитых стран. Однако введенный в Конституцию термин «социальная защита», хотя и не обязательно связанный только с государственными мерами, предполагает возможность расширения этих обязанностей в будущем законодательстве»⁵.

¹ См.: Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М., 2003. С. 124-125.

² См.: Баглай М.В., Габричидзе Б.Н. Конституционное право Российской Федерации. М., 1996. С. 118.

³ См.: Добрынин Е.Ю. Конституционно-правовая характеристика Российской Федерации как социального государства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 6.

⁴ См.: Мау В. Конституционное регулирование социально-экономических отношений. Очерк истории

// Вопросы экономики. 1999. № 4. С. 27-43.

⁵ См.: Там же.

Действительно, в ст. 7 Конституции РФ содержится императивное требование, адресованное законодателю, а о реальности выполнения обязанностей государства по реализации указанных положений можно судить по текущему законодательству. Немаловажную роль в реализации положений ст. 7 Конституции РФ играет также правотворческая деятельность федеральных органов исполнительной власти, принимающих подзаконные нормативные правовые акты во исполнение федеральных законов в социально-экономической сфере и правотворческая деятельность органов государственной власти субъектов Федерации.

Важными федеральными законодательными актами, позволяющими в большей или меньшей мере реализовать положения ст. 7 Конституции РФ являются федеральные законы о бюджете.

Немаловажную роль в реализации положений ст. 7 Конституции РФ играет налоговое законодательство.

В.Е. Чиркин по этому поводу пишет: «Социальное государство призвано действовать на основе закона партнерских отношений труда и капитала, влиять на распределение благ, создаваемых в обществе, исходя из принципа справедливости, оно стремится обеспечивать социальную солидарность в обществе, достойное существование каждому человеку и справедливое распределение общественных тягот, прежде всего на основе соответствующего налогообложения»¹.

Между тем, как правильно отмечает В. Мау: «...Наиболее очевиден конфликт между правом частной собственности и системой социальной защиты, который опосредуется принципами организации налоговой системы. Действительно, можно ли осуществлять социальные программы за счет чрезмерного налогового бремени? Ведь чрезмерное, а тем более нелегитимное налогообложение является покушением на право частной собственности. Или, например, возможно ли недофинансирование обороны или правоохранительной деятельности вследствие использования соответствующих средств на финансирование социальных программ?»².

На эту проблему обратил внимание также и Конституционный Суд РФ, указав в Постановлении от 4 апреля 1996 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда нормативных актов города Москвы и Московской области, Ставропольского края, Воронежской области и города Воронежа, регламентирующих порядок регистрации граждан, прибывающих на постоянное жительство в названные регионы», что принцип равенства в социальном государстве в отношении обязанности платить законно установленные налоги и сборы предполагает, что равенство должно достигаться посредством справедливого перераспределения доходов и дифференциации налогов и сборов»³.

Особенностью ст. 7 Конституции РФ, как, впрочем, и других статей главы 1, является то, что ее положения конкретизируются в последующих статьях и, прежде всего, во главе 2 «Права и свободы человека и гражданина». Установленные в ч. 2 ст. 7 Конституции РФ обязанности государства корреспондируют с соответствующими социально-экономическими правами человека и гражданина, предусмотренными гла-

¹ Чиркин В.Е. Конституционное право России. М., 2003. С. 89.

² Мау В. Конституционное регулирование социально-экономических отношений. Очерк истории // Вопросы экономики. 1999. № 4. С. 27-43.

³ СЗ РФ. 1996. № 16. Ст. 1909.

вой 2 Конституции РФ. Так, положение ч. 2 ст. 7 Конституции РФ о том, что в России охраняется труд, то есть обязанность государства охранять труд, корреспондирует с правом на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены. Положение ч. 2 ст. 7 Конституции РФ о том, что в Российской Федерации устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда (далее – МРОТ), означающее соответствующую обязанность государства устанавливать такой МРОТ, корреспондирует с правом на вознаграждение за труд не ниже установленного федеральным законом МРОТ.

Право же на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, а также право на вознаграждение за труд не ниже установленного федеральным законом МРОТ являются составной частью права на труд (трудовых прав), закрепленного в ст. 37 Конституции России.

Положение ч. 2 ст. 7 Конституции РФ об обязанности государства охранять здоровье корреспондирует с правом на охрану здоровья и медицинскую помощь, в том числе и на бесплатное оказание медицинской помощи в государственных и муниципальных учреждениях, которое закрепляется в ч. 1 ст. 41 Конституции РФ.

Государственная поддержка семьи, материнства и детства, предусмотренная ч. 2 ст. 7 Конституции РФ, означает одновременно и то, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства (ч. 1 ст. 38 Конституции РФ). Обращает на себя внимание тот факт, что в ч. 2 ст. 7 Конституции РФ говорится также о государственной поддержке отцовства, а в ч. 1 ст. 38 учредительного акта об отцовстве не упоминается. Конечно, это упущение разработчиков Конституции. Однако, учитывая, что положения главы 1 Конституции РФ, устанавливающей основы конституционного строя Российской Федерации, имеют высшую юридическую силу по сравнению с положениями других глав Конституции Российской Федерации, ч. 1 ст. 38 Конституции РФ следует толковать расширительно, а именно, что под защитой государства находятся как материнство, так и отцовство.

Положения ч. 2 ст. 7 Конституции РФ о государственной поддержке инвалидов и пожилых граждан, о развитии системы социальных служб, установлении государственных пенсий, пособий и иных гарантий социальной защиты конкретизируются в положениях ст. 39 Конституции РФ.

Резюмируя изложенное, отметим, что положения ст. 7 Конституции РФ о социальном государстве, по существу, представляют собой в обобщенном виде цели социальной политики государства и конкретизируются в последующих статьях Конституции (прежде всего в главе 2 «Права и свободы человека и гражданина»). Установленные в ч. 2 ст. 7 Конституции РФ обязанности государства корреспондируют с соответствующими социально-экономическими правами человека и гражданина, предусмотренными главой 2 Конституции РФ.

Гостева Алина Витальевна,
студентка группы Юридического института НИУ «БелГУ»
Научный руководитель – проф. М.В. Мархгейм
(Белгород, Россия)

СТАБИЛИЗИРУЯ ГЛАВНОЕ: ПОДХОДЫ К ИЗМЕНЕНИЮ КОНСТИТУЦИИ РОССИИ

Конституция, являясь фундаментальным законом, выступает основным источником правового регулирования. Поэтому вносимые в нее изменения неизбежно сказываются на правовом регулировании тех сфер общественных отношений, которые затронуты поправками.

Проблема изменения конституции сохраняет свою актуальность. Авакьян С.А., например, утверждает, что «Конституцию надо не поправлять, а менять»¹. Мизулина Е.Б. подчеркивает назревшую необходимость модернизации Конституции России. Она отмечает, что «о ней заговорили даже те, кто непосредственно ее писал, а это уже много значит»². Зенкин С.А., проанализировав правильность и законность принятия конституционных поправок, изложил свое несогласие с процедурой этого³.

Согласно Конституции Российской Федерации (гл. 9)⁴ существуют два способа внесения изменений в конституцию – это поправки и пересмотр. Первые касаются глав 3-8, вторые – глав 1, 2, 9.

Появление новых общественных отношений требует соответствующего правового регулирования. Путин В.В. на встрече со студентами юридического факультета МГУ 3 декабря 2013 г. на вопрос об изменении Конституции ответил, что когда «закон пишут, чтобы урегулировать то или иное правоотношение в обществе, он уже устаревает, поскольку жизнь развивается и идет вперед. А закон только еще подписывается президентом, поэтому то и нужно вносить поправки и коррективы – это понятно. Но есть вещи, они являются основополагающими – права и свободы граждан нашей страны, они незыблемы»⁵.

Полагаю, что более продуктивна позиция, что конституция может меняться и приспособливаться к жизни с помощью конституционных законов. Тем более что в Конституции заложено несколько моделей желаемого будущего для России. Реализация этих моделей ни по одной позиции на 60% не выполнена. Это означает, что кон-

¹ Авакьян С.А. Конституцию не надо поправлять, а менять // Российская Федерация сегодня. Парламентская газета. – 1999. – №5.

² Мизулина Е.Б. Во имя укрепления российской государственности // Интервью. Журнал Российское право. – 2000. – №9.

³ Зенкин С.А. Как изменить Конституцию: о конституционном пересмотре и конституционных поправках [текст] // Представительная власть: мониторинг, анализ, информация. – 1996. – № 8 (15).

⁴ Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12.12.1993] : [с учётом поправ., внес. законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ] // Собрание законодательства РФ. – 2014. – 4 авг. – № 31. – Ст.136.

⁵ Горяшко С. Новости [Электронный ресурс]: <http://maxpark.com/community/politic/content/3160824>

титущия не устарела»¹. Вместе с тем это не означает, что не нужно совершенствовать правовое регулирование обновляемых общественных отношений, памятуя о важности табульной правовой системы, которая «приводит к чувству общности»². А это так необходимо для создания целостного и устойчивого российского общества и государства.

Гречихина Диана Александровна,
студентка Юридического института НИУ «БелГУ»
Научный руководитель – проф. М.В. Маркгейм
(Белгород, Россия)

ЗАЩИТА ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ: ВОПРОСЫ ДОКТРИНЫ И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Защита чести, достоинства и деловой репутации – процедура, которая способствует восстановлению доброго имени человека. Этим правом обладает каждый в случае причинения вреда при разглашении порочащей информации, которая не соответствует действительности. Защита чести и доброго имени является конституционным правом каждого россиянина, независимо от возраста, пола, национальности, должностного положения и прочих характеристик. Это положение закреплено в статье 23 Конституции РФ и продублировано множеством нормативных правовых актов. В частности, статья 152 Гражданского кодекса РФ гарантирует гражданам судебную защиту чести, достоинства и деловой репутации.

Понятия «честь», «достоинства», «деловой репутации» по своему содержанию, частично совпадают, а иногда вообще определяются друг через друга. Так, по мнению А.М. Эрделевского, честь – это «сопровождающееся положительной оценкой общества отражение качеств лица в общественном сознании»³. Под деловой репутацией А.М. Эрделевский понимает «сопровождающееся положительной оценкой общества отражение деловых качеств лица в общественном сознании»⁴. Достоинство личности, по пониманию А.Л. Анисимова, это «самооценка личности, основанная на ее оценке обществом»⁵. Честь и достоинство связаны между собой как оценка и самооценка, как почтение и самоуважение. Понятие репутации в гражданском законодательстве отсутствует, есть лишь понятие деловой репутации. Если репутация – это сложившееся в отношении лица мнение, основанное на оценке общественно значимых его качеств, то деловая репутация – оценка профессиональных качеств.

Существуют способы распространения сведений, порочащих честь и достоинство граждан или деловую репутацию граждан и юридических лиц. К ним относятся: опубликование таких сведений в печати; трансляция по радио и телевидению; демон-

¹ Шахрай С.М. Интервью // Газета Известия. – 2013.

² Тоффлер Э. Шок будущего [Текст]. – Москва: Издательство АСТ, 2002. – С. 56.

³ Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда. – М. – 1996. – С. 16.

⁴ Там же.

⁵ Анисимов А.Л. Честь, достоинство, деловая репутация: гражданско-правовая защита. – М. – 1994. –

С. 8.

страция в кинохроникальных программах и других средствах массовой информации; распространение в сети Интернет; распространение с использованием иных средств телекоммуникационной связи; изложение в служебных характеристиках; изложение в публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностным лицам; сообщение в той или иной, в том числе устной, форме хотя бы одному лицу.

В качестве способов защиты можно выделить следующие: 1) гражданско-правовой; 2) административно-правовой; 3) уголовно-правовой и др.

Гражданско-правовой способ защиты личных неимущественных прав, к которым относятся честь, достоинство и деловая репутация, регламентируют положения ст. 152 Гражданского кодекса РФ, в которой установлено право каждого на судебную защиту чести, достоинства и деловой репутации от распространенных не соответствующих действительности порочащих сведений, что является необходимым ограничением свободы слова и массовой информации для случаев злоупотребления этими правами. Административно-правовой способ защиты чести и достоинства личности регламентируют положения Кодекса РФ об административных правонарушениях, устанавливающие ответственность за оскорбление (ст. 5.61 КоАП РФ), т.е. за унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме, а также за мелкое хулиганство (ст. 20.1. КоАП РФ), которое может быть выражено в оскорбительном приставании к гражданам и иных подобных действиях, нарушающих общественный порядок и спокойствие граждан. Наиболее строгая ответственность за нарушение норм, направленных на защиту чести и достоинства личности, предусмотрена уголовным законодательством. Названные положения Конституции РФ реализуются и в уголовном законе, в частности, в ст. 128.1 УК РФ устанавливается ответственность за клевету, т.е. распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица и подрывающих его репутацию. Уголовно-правовая защита чести и достоинства осуществляется также и некоторыми другими статьями УК РФ¹.

Сложность проблемы защиты чести, достоинства и деловой репутации гражданина заключается в том, что, с одной стороны, права, соответствующие указанным личным нематериальным благам, являются естественными неотчуждаемыми правами личности, признаваемыми Конституцией РФ; с другой стороны, также конституционными правами и свободами являются: свобода слова и мысли, право искать, получать, передавать, производить и распространять информацию, право на обращение в органы государственной власти и органы местного самоуправления и др. Поэтому перед судами стоит весьма сложная задача: при разрешении споров о защите чести, достоинства и деловой репутации они должны, как указал Пленум Верховного Суда РФ², обеспечивать равновесие между правом граждан на защиту чести, достоинства, а

¹ Вертепова Т.А. Правовые способы защиты чести, личного достоинства и деловой репутации по законодательству Российской Федерации // «ОБЩЕСТВО И ПРАВО». – № 4 (54). – 2015.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан» // Российская газета. 2005. 15 марта. № 50.

а также деловой репутации и иными гарантированными Конституцией Российской Федерации правами и свободами (ст. ст. 23, 29, 33 Конституции РФ)¹.

Так, следует рассмотреть пример, который содержится в «Обзоре судебной практики Верховного Суда Республики Саха (Якутия) по рассмотрению гражданских дел в апелляционном порядке за первое полугодие 2015 года» (утв. Президиумом Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 31.07.2015), в части «Споры по делам о защите чести и достоинства»:

Гражданин обратился в суд с иском к редакции, главному редактору и журналисту о защите чести, достоинства, деловой репутации, компенсации морального вреда, мотивируя тем, что в СМИ были опубликованы сведения, порочащие честь, достоинство и деловую репутацию истца. Истец указывает, что распространенные ответчиками сведения не соответствуют действительности. Кроме того, способ подачи информации и сама информация создает у читателей сомнения в добросовестности, добропорядочности и законопослушности истца. Просил обязать ответчиков опубликовать опровержение и взыскать денежную компенсацию морального вреда. Судом первой инстанции в удовлетворении иска гражданина отказано. Отказ суда в удовлетворении иска был основан на том, что оспариваемая заметка воспроизводит фрагменты статьи, опубликованной в другом СМИ – Интернет-издании. Установив указанные обстоятельства, руководствуясь п. 6 ч. 1 ст. 57 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» суд пришел к выводу, что редакция, главный редактор, журналист не несут ответственности за распространение сведений, не соответствующих действительности и порочащих честь и достоинство граждан и организаций, если они являются дословным воспроизведением сообщений и материалов или их фрагментов, распространенных другим средством массовой информации. Судебная коллегия признала указанные выводы суда правильными. Суд пришел к выводу о доказанности факта распространения сведений, на которые ссылается истец в исковом заявлении. При этом судом установлено, что в заметке автором статьи была сделана ссылка на официальный источник информации: «по данным Интернет-издания №»².

Таюже зачастую при обращении лица, пострадавшего от распространения порочащей его честь и достоинство информации в интернете, установить лицо, разместившее клеветническую информацию, не представляется возможным (следует иметь в виду, что возможность быть анонимным является характерной особенностью Сети), что позволяет ему уйти от ответственности совершенно законным образом. Пострадавшему лицу приходится довольствоваться правом обращения в суд лишь с заявлением о признании распространенных сведений не соответствующими действительности и ставить вопрос о пресечении дальнейшего распространения информации (удалении с сайта)³.

¹ Рабец А.М., Хватова М.А. Право гражданина на защиту чести, достоинства и деловой репутации // «Юрист». – № 19. – 2015.

² Обзор судебной практики Верховного Суда Республики Саха (Якутия) по рассмотрению гражданских дел в апелляционном порядке за первое полугодие 2015 года (утв. Президиумом Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 31.07.2015).

³ Интернет-ресурсы: <http://www.bestreferat.ru/referat-152488.html>

На сегодняшний день такие ситуации нередки на практике. Как указал Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении № 3, судьям следует руководствоваться не только нормами российского законодательства, но и учитывать правовую позицию Европейского суда по правам человека, выраженную в его постановлениях и касающуюся вопросов толкования и применения Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней.

Существует еще немало проблем при реализации права на защиту чести, достоинства и деловой репутации. Судам при разрешении данной спорной ситуации необходимо обеспечивать равновесие между правом граждан на защиту чести, достоинства, а также деловой репутации, с одной стороны, и иными гарантированными Конституцией РФ правами: свободно получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, свободой мысли, слова и массовой информации¹.

Право каждого человека на защиту чести, достоинства и деловой репутации означает гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе и препятствовать разглашению сведений личного характера.

Здельников Сергей Вячеславович,
студент Юридического института НИУ БелГУ
(Белгород, Россия)

ПРИБРЕТАТЕЛЬНАЯ ДАВНОСТЬ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ

Законодательством Российской Федерации предусмотрены способы приобретения права собственности, которые в цивилистической науке принято разделять на две большие группы: производные и первоначальные способы.

Производные способы – это способы, при которых право собственности на имущество возникает с согласия собственника и приобретателя. Например, переход права собственности по договору; в порядке наследования; в порядке правопреемства.

Первоначальные способы – это такие способы приобретения права собственности, при которых право собственности на имущество возникает впервые, а также вопреки воле собственника этого имущества. К первоначальным способам приобретения права собственности относятся: находка; клад; создание новой вещи, при соблюдении норм действующего законодательства; сбор общедоступных вещей; приобретательная давность и др.

Из вышеуказанных способов приобретения права собственности разберем приобретение права собственности в силу приобретательной давности, ввиду того, что здесь имеются определённые последствия для собственника – в виде прекращения права собственности на имущество. Право собственности на стороне нового владельца возникает помимо воли и независимо от прав предшествующего собственника².

¹ Кузнецова А.В. Возмещение морального вреда: Практическое пособие. М.: «Юстицинформ». – 2009.

² Гражданское право: учеб. : в 3 т. Т. 1: – 6-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. С. 426

Еще в римском праве существовал институт приобретательной давности (*usucapio*), как один из способов приобретения права собственности лицом, не являющимся собственником этого имущества. В результате рецепции из римского права многие страны наряду с другими заимствованиями также включали в своё законодательство институт приобретательной давности.

В ст. 234 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) закреплено, что гражданин или юридическое лицо, которые не являются собственниками конкретного имущества, однако добросовестно, открыто и непрерывно осуществляющие владение как своим собственным недвижимым имуществом или иным имуществом могут приобрести право собственности на это имущество, по истечению определенного периода времени (срока приобретательной давности)¹.

Однако, следует отметить то, что данным способом можно приобрести лишь имущество, которое не изъято из свободного гражданского оборота, либо не может находиться в собственности владеющего им лиц².

Как мы видим, для получения права собственности на имущество необходимо наличие таких условий, как: добросовестность, открытость, непрерывность владения конкретной вещью как своей.

Под добросовестностью понимается наличие того, что лицо, получая владение, не знало и не должно было знать об отсутствии основания возникновения у него права собственности. Т.е. здесь законодатель подразумевает возможность приобретения права собственности на имущество только в том случае, когда лицо не знает настоящего (законного) собственника данного имущества и предполагает, что собственник отказался от этого имущества. Некоторые ученые предполагают, что давностный владелец знает о том, что владеет чужим имуществом, но при этом не может установить его собственника, добросовестно бездействуя таким образом для того, чтобы не создавать препятствий для обнаружения собственником своего имущества³.

Открытость подразумевает под собой, что лицо не скрывает факт нахождения имущества в его владении.

Непрерывным владение является, если оно не прекращалось в течение всего срока приобретательной давности⁴.

Также, владение имуществом как своим собственным означает, что владение осуществляется не по договору. В случае, когда владение имуществом осуществляется на основании договорных обязательств (аренды, хранения и т.п.), то здесь приобрести право собственности в силу приобретательной давности невозможно.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 03 июля 2016 г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301

² Гражданское право: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / П.В. Алексий и др.]; под ред. М.М. Рассолова, П.В. Алексия, А.Н. Кузбагарова. – 4-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. С. 156

³ Маньковский И.А. Приобретательная давность в системе оснований приобретения права собственности // Российский юридический журнал. 2011. № 4. С. 165

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2015 г. № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 22 от 29 апреля 2010 (ред. от 23 июня 2015 г.) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Российская газета. 2010. 21 мая.

ГК РФ предусматривает следующие сроки приобретательной давности: на недвижимое имущество – 15 лет; на иное имущество – 5 лет.

По французскому законодательству приобретение в силу приобретательной давности возможно только в отношении недвижимого имущества, при этом срок составляет 30 лет.

В Германии и Швейцарии объектом приобретательной давности являются только движимое имущество, срок составляет 10 лет. Дополнительными условиями служит добросовестное владение лица. Право собственности на недвижимое имущество не может быть приобретено в связи с системной поземельной записи.

В Англии приобрести право собственности в силу приобретательной давности возможно только в отношении недвижимого имущества, с условием 12-летнего добросовестного владения.

В советское время института приобретательной давности не было вовсе. Любое имущество, от которого отказывался собственник или собственник которого был неизвестен, переходило в собственность государства¹.

Действующая Конституция РФ в ст. 8 предусматривает и гарантирует наличие частной собственности наравне с муниципальной, государственной и иной. Также в данной статье говорится о защищенности со стороны государства всех форм собственности одинаково, т.е. не ставя ни одну из них выше других².

Проанализировав современное состояние, связанное со сроками приобретательной давности в некоторых ведущих зарубежных странах, можно сделать вывод, что в России предъявляется слишком маленький срок приобретательной давности на недвижимое имущество, ввиду того что Конституция гарантирует частную собственность и обеспечивает ее защиту.

Собственник недвижимого имущества обладает исключительными правами в отношении своей собственности, ограничение которых возможно только в установленных законом случаях. Лицо (юридическое или физическое), которому принадлежит собственность, имеет права пользоваться и распоряжаться своим имуществом по своему усмотрению, в том числе и не использовать его вовсе.

Однако, в случае, когда собственник фактически не пользуется своим имуществом (как движимым, так и недвижимым) и при этом не скрывает этого намерения, что указывает на нецелесообразность дальнейшего оставления имущества у лица на праве собственности, то тогда следует предусмотреть возможность приобретения права собственности на это имущество другим лицом, однако указав, что собственник принимает решение самостоятельно, добровольно и в этом нет воли лица, приобретающего право собственности в силу приобретательной давности. Это основание должно позволить наиболее рационально использовать имеющееся имущество и в тоже время не должно служить основанием «законного изъятия» имущества с после-

¹ Актуальные проблемы гражданского права: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. Н.М. Коршунова, Ю.Н. Андреева, Н.Д. Эриашвили. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. С. 10

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

дующей передачей права собственности другому лицу, по истечению определенного времени.

Так, согласно Концепции развития гражданского законодательства – незаконным владельцем признается лицо осуществляющее владение чужим имуществом не по воле собственника и не для него¹.

Рассмотрим ситуацию, при которой лицо обращается в суд с иском о признании права собственности на имущество в силу приобретательной давности. Было установлено, что лицо проживало совместно с собственником с его согласия. После смерти собственника лицо продолжало владеть квартирой, третьи лица не заявляли право требования на спорное имущество. Решением суда имущество было признано выморочным. В этом деле лицо не является добросовестным, но признать его незаконным, не представляется возможным. В данном случае, вещь приобретается в результате осуществления внешне правомерных действий, однако право собственности не возникает².

Институт приобретательной давности призван обеспечить устойчивость гражданского оборота. Принято полагать, что если собственник имущества длительное время не выражал намерений вернуть его себе, то это значит, что он окончательно признал его утраченным³.

Так, Притуляк О.С. предлагает внести в норму ГК изменение: «лицо - гражданин или юридическое лицо, – не являющееся собственником недвижимого имущества, но открыто и непрерывно владеющее как своим собственным этим имуществом в течение сроков, указанных в настоящей статье, приобретает право собственности на имущество, при этом сроки давности составляют 10 и 20 лет для добросовестного и недобросовестного владения имуществом».

Проект федерального закона N 47538-6 предполагает изменение содержания п. 1 ст. 234 ГК, а именно: «Лицо, не являющееся собственником вещи, но открыто и непрерывно владеющее как своей собственной недвижимой вещью в течение пятнадцати лет либо движимой вещью в течение пяти лет, а лицо, владеющее движимой или недвижимой вещью, выбывшей из владения собственника помимо его воли, - в течение тридцати лет, приобретает право собственности на эту вещь (приобретательная давность)»⁴.

В связи с вышеизложенными доводами и соображениями видится возможный вариант решения данной проблемы, а именно, внести в п. 1 ст. 234 ГК РФ изменение и представить его в следующем изложении:

¹ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07 октября 2009) // СПС КонсультантПлюс

² Притуляк О.С. Приобретательная давность как основание возникновения права собственности // Молодой ученый. 2015. № 19.1. С. 140

³ Гражданское право В 2 ч. Ч. 1: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / под ред. В.П. Камышанского, Н.М. Коршунова, В.И. Иванова. М.: ЮНИТИ ДАНА, 2015. С. 364

⁴ Проект Федерального закона N 47538-6 «О внесении изменений в часть первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., принятая ГД ФС РФ в 1 чтении 27 апреля 2012) // СПС КонсультантПлюс

«Лицо - гражданин или юридическое лицо, - не являющееся собственником имущества, но добросовестно, открыто и непрерывно владеющее как своим собственным недвижимым имуществом в течение двадцати лет либо иным имуществом в течение пяти лет, приобретает право собственности на это имущество, а лицо, владеющее движимой или недвижимой вещью, выбывшей из владения собственника помимо его воли (недобросовестное владение), - в течение тридцати лет для недвижимого имущества и в течении семи лет для иного имущества, приобретает право собственности на эту вещь (приобретательная давность)».

Считаем, что данное изменение будет являться очень важным для собственников имущества, т.к. создаст больше времени для окончательного решения, связанного с прекращением права собственности в силу приобретательной давности, а также позволит наиболее эффективно использовать имущество, в случае фактического отказа от его использования собственником.

Корсун Анастасия Геннадьевна,
магистрант кафедры трудового и предпринимательского права
Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

КРЕСТЬЯНСКОЕ (ФЕРМЕРСКОЕ) ХОЗЯЙСТВО КАК СУБЪЕКТ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Позиция настоящего законодательства дает возможность выявить специфические особенности правовой регламентации в отношении отдельных видов предпринимательской деятельности граждан предпринимателей. «Разговор идет об особенностях предпринимательской деятельности крестьянского (фермерского) хозяйства, деятельности арбитражного управляющего, подлежащего в силу Закона о банкротстве регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, а также деятельности частных детективов, анализ которой говорит о наличии в ее составе признаков предпринимательской деятельности»¹.

Остановимся подробнее на деятельности крестьянского (фермерского) хозяйства как субъекта предпринимательского отношения.

Становление крестьянских (фермерских) хозяйств происходит различными путями: за счет укрепления и расширения личных подворний; хозяйств арендаторов; выхода крестьян из коллективных сельскохозяйственных предприятий и так далее. Фермерский сектор в сельском хозяйстве как вид предпринимательской деятельности в России начал складываться с 1990 года и связан с принятием закона РСФСР от 22.11.1990 г. № 348-1 «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» (далее - Закон 1990 г.). Этот закон анализировал крестьянское хозяйство в качестве самостоятельного хозяйствующего субъекта с правами юридического лица, представленного отдельным гражданином, семьей или группой лиц, осуществляющих производство, переработку и реализацию сельскохозяйственной продукции на основе использования имущества

¹ Пахолкова А.Ю. Правовое регулирование малого предпринимательства в РФ: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С 69.

и земельных участков, находящихся в их пользовании, в том числе в аренде, в пожизненном наследуемом владении или в собственности.

С принятием ГК РФ правовой статус крестьянского хозяйства существенным образом изменился. Произошло некоторое раздвоение этого образования на само хозяйство и его главу. В силу п. 2 ст. 23 ГК РФ предпринимателем признается глава крестьянского (фермерского) хозяйства, осуществляющего деятельность без образования юридического лица, а регистрации подлежит само хозяйство.

Следует подчеркнуть, что существующая неопределенность правового положения крестьянского (фермерского) хозяйства не полностью преодолена и в новом Федеральном законе от 11.06.2003 г. № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» (далее – Закон 2003 года)¹.

С одной стороны Закон 2003 года содержит ряд положений свидетельствующих о признании субъектом предпринимательства самого фермерского хозяйства. Так в силу ст. 5 Закона 2003 г., именно фермерское хозяйство считается созданным со дня его государственной регистрации в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Более того, ни в одной статье Закона 2003 г. прямо не пишется об индивидуальной предпринимательской деятельности главы фермерского хозяйства. Его полномочия говорят о том, что он является своеобразным органом фермерского хозяйства. В пользу такого вывода можно сказать следующие аргументы: во-первых, признание главой хозяйства производится по взаимному согласию его членов (п. 1 ст. 16 Закона 2003 г.); во-вторых, глава действует в интересах хозяйства (п. 2 ст. 16 Закона 2003 года); в-третьих, организует деятельность фермерского хозяйства, выступает в сфере обращения от имени хозяйства без доверенности, сам выдает доверенности, осуществляет прием и увольнение работников фермерского хозяйства, распоряжается имуществом хозяйства, ведет учет и отчетность (ст. 17 Закона 2003 г.).

Более того, сам законодатель в одном месте определяет, что имущество фермерского хозяйства принадлежит его членам на праве совместной собственности (п. 3 ст. 6 Закона 2003 года), а в другом – дает перечень объектов, входящих в состав имущества именно хозяйства (п. 4 ст. 6 Закона 2003 г.).

Однако следует ли рассматривать деятельность крестьянского (фермерского) хозяйства, осуществляемую в качестве юридического лица, поскольку согласно абз. 2 п. 1 ст. 2 ГК РФ участниками регулируемых гражданским законодательством отношений являются, в частности, граждане и юридические лица. Думается, что ответ должен быть отрицательным. Закон 2003 г. прямо говорит, что фермерское хозяйство осуществляет предпринимательскую деятельность без образования юридического лица (п. 3 ст. 1 Закона 2003 г.). Как известно гражданским законодательством установлены две формы, в которых может осуществляться предпринимательская деятельность – с образованием юридического лица, осуществляемая соответствующими коммерческими организациями и без образования юридического лица, осуществляемая гражданами – индивидуальными предпринимателями. Поскольку ни в ГК РФ, ни в Законе 2003 г. фермерское хозяйство не признается юридическим лицом, можно

¹ О крестьянском (фермерском) хозяйстве: Федеральный закон от 11.06.2003 г. № 74-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 24. Ст. 2249.

сделать вывод, что деятельность крестьянского (фермерского) хозяйства осуществляется в форме индивидуальной предпринимательской деятельности.

Следует также отметить, что в юридической литературе высказывались различные точки зрения на проблему государственной регистрации фермерских хозяйств. Так, по мнению В.В. Лаптева, правило, введенное п. 2 ст. 23 ГК РФ, облегчает положение главы крестьянского (фермерского) хозяйства, которому не нужно специально проходить государственную регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя, поскольку он признается таковым в силу закона с момента регистрации крестьянского (фермерского) хозяйства.

В.В. Устюкова предлагает рассматривать крестьянское фермерское хозяйство в качестве особой организационно-правовой формы предпринимательской деятельности в сельском хозяйстве без образования юридического лица, которая и будет считаться субъектом малого предпринимательства. Однако, с данной точкой зрения трудно согласиться, исходя из положений ГК РФ об организационно-правовых формах осуществления предпринимательской деятельности (ст. 23, ст. 50 ГК РФ).

Ю. Вольдман считает, что «порядок регистрации глав крестьянских (фермерских) хозяйств должен быть особым, ибо это единственные предприниматели, которые признаются таковыми непосредственно законом. Для получения свидетельства о регистрации в качестве предпринимателя вместо заявления достаточно простого письменного уведомления администрации соответствующего района, подтвержденного остальными членами крестьянского хозяйства»¹.

В настоящее время в соответствии с п. 2 постановления Правительства РФ от 16.10.2003 г. № 630 «О Едином государственном реестре индивидуальных предпринимателей, Правилах хранения в единых государственных реестрах юридических лиц и индивидуальных предпринимателей документов (сведений) и передачи их на постоянное хранение в государственные архивы, а также о внесении изменений и дополнений в постановления Правительства Российской Федерации от 19 июня 2002 г. № 438 и 439 «государственная регистрация крестьянских (фермерских) хозяйств осуществляется в порядке, установленном для государственной регистрации физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей»². Однако, во избежание неопределенности в правовом статусе крестьянского (фермерского) хозяйства, думается, в правовых актах, и, прежде всего в ст. 5 Закона 2003 г., регулирующих порядок регистрации крестьянских (фермерских) хозяйств, следует говорить о регистрации в качестве индивидуального предпринимателя не фермерского хозяйства, а его главы.

Важно при этом отметить следующий сущностный признак фермерского хозяйства, определяющий выделение данного субъекта правоотношений из круга организационно – правовых форм хозяйствующих субъектов. Закон 2003 г. впервые положил в фундамент взаимоотношений участников крестьянского хозяйства родство и свойство. Родство и свойство — особые личные узы лиц, не овеществленные связи, не имеющие имущественных (стоимостных) начал. Именно они и диктуют необходи-

¹ Пахолкова А.Ю. Правовое регулирование малого предпринимательства в РФ: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С 63-64.

² Минашкин А.В. Состояние и пути развития административного судопроизводства в Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. №7. С. 326.

мость в особой организационно-правовой форме хозяйствования граждан, обладающих этими признаками. В Законе 2003 г. дается перечень лиц, находящихся в родстве и свойстве: супруги, их родители, дети, братья, сестры, внуки, а также дедушки и бабушки каждого из супругов, но не более чем из трех семей. Причем максимальное количество граждан, не состоящих в родстве с главой фермерского хозяйства, но могущих быть его членами, не должно превышать пяти человек (ст. 3 Закона 2003 г.)¹.

Вместе с тем, имущественные взаимоотношения членов крестьянского (фермерского) хозяйства вызывают ряд вопросов. Так, согласно ст. 6 Закона 2003 г. в состав имущества фермерского хозяйства могут входить земельные участки, насаждения, хозяйственные и иные постройки, мелиоративные и иные сооружения, продуктивный и рабочий скот, птица, сельскохозяйственные и иные техника и оборудование, транспортные средства, инвентарь и иное имущество, необходимое для осуществления деятельности фермерского хозяйства. Однако Закон 2003 года не устанавливает каких-либо минимальных требований к наличию имущества крестьянского хозяйства. А именно этим имуществом хозяйство отвечает перед кредиторами. Некоторые фермерские хозяйства на практике имеют только земельные участки, а необходимую технику и оборудование арендуют. В силу норм земельного законодательства обратиться с иском на земельный участок затруднительно, а иногда просто невозможно (если, например, земельный участок был закреплен на титуле пожизненного наследуемого владения – ст. 266 ГК РФ).

Кроме того, предписания Закона 2003 г. о порядке образования имущества крестьянского хозяйства предельно кратки и отсылают к соглашению о создании фермерского хозяйства (под. п. 4 п. 3 ст. 4, п. 4 ст. 6 Закона 2003 г.). При этом возникает еще одна проблема: разграничение собственно имущества хозяйства и частного имущества членов хозяйства. На практике уже бывали случаи, когда глава или члены хозяйства приобретали автомобили, сельскохозяйственную технику, однако осуществляли их регистрацию на собственное имя, хотя фактически использовали приобретенное в интересах крестьянского хозяйства. При этом страдали интересы кредиторов хозяйства. Видимо, в настоящий момент единственным разграничителем служит факт включения этого имущества в бухгалтерский баланс хозяйства. В литературе встречаются утверждения, что к имуществу, которое принадлежит членам хозяйства на праве общей собственности, отнесены не только те виды имущества, которые имеют значение средств и предметов производства, но также и жилой дом, хозяйственные постройки, то есть имущество потребительского характера².

В связи с этим возникает вопрос об ответственности крестьянского (фермерского) хозяйства по своим обязательствам. Исходя из признания главы фермерского хозяйства индивидуальным предпринимателем следует, его повышенная ответственность, от которой может освободить только случай непреодолимой силы, а взыскание распространяется на все принадлежащее ему имущество, за исключением имущества, установленного гражданским процессуальным законодательством, на которое не может быть обращено взыскание. С другой стороны, в п. 3 ст. 8 Закона 2003 г. указано, что по сделкам главы крестьянского (фермерского) хозяйства, совершенным в интере-

¹ Минашкин А.В. Состояние и пути развития административного судопроизводства в Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. №7. С. 32.

² Коммерческое право: учебник / Под ред. В.Ф. Попондопуло и В.Ф. Яковлевой. СПб, 2003. С. 57.

сах хозяйства. фермерское хозяйство отвечает закрепленным за ним имуществом. Вместе с тем в Законе 2003 г. сделано указание и на ограниченный характер ответственности членов фермерского хозяйства по обязательствам хозяйства¹. Согласно п. 3 ст. 9 Закона 2003 г. гражданин, вышедший из фермерского хозяйства в течение двух лет после выхода из него несет субсидиарную ответственность в пределах стоимости своей доли в имуществе фермерского хозяйства по обязательствам, возникшим в результате деятельности хозяйства до момента выхода его из фермерского хозяйства.

Таким образом, ответственность главы фермерского хозяйства как индивидуального предпринимателя по обязательствам хозяйства в Законе 2003 года думается, представлена как субсидиарная, в силу, которой первоначально фермерское хозяйство отвечает закрепленным за ним имуществом (которое принадлежит на праве общей собственности его членам) и лишь при недостаточности этого имущества для удовлетворения требований кредиторов к ответственности привлекается глава хозяйства, который отвечает принадлежащим ему имуществом.

Кулькин Алексей Сергеевич,
магистрант Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород. Россия)

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Каждое государство на любом историческом этапе своего становления и развития является своеобразной динамической структурой, в которой идет постоянный поиск наиболее оптимальных и эффективных механизмов реализации государственной власти.

Разграничение предметов ведения между федерацией и ее субъектами является исключительно важной проблемой каждого федеративного государства. Правильное решение этой проблемы обеспечивает, с одной стороны, целостность федеративного государства и его управляемость, с другой - самостоятельность субъектов федерации в решении вопросов, входящих в круг их предметов ведения. В этой области накоплен богатый опыт (в этом отношении особо существенна практика федеративных государств дальнего зарубежья), который, естественно, требует самого внимательного анализа.

В юридической литературе и в законодательстве некоторых зарубежных стран, когда речь идет о разграничении предметов ведения между федерацией и ее субъектами, иногда говорится о разграничении компетенции.

Эти вопросы взаимосвязаны, ибо одним из факторов, обуславливающих как компетенцию федеральных органов, так и компетенцию органов субъектов федерации, являются переданные в ведение федерации и ее субъектов предметы ведения. И в то же время они разные.

¹ Пахолкова А.Ю. Правовое регулирование малого предпринимательства в РФ: Дис. ... канд. юрид. наук. М. 2002. С 69.

Дело в том, что вопрос о разграничении предметов ведения между федерацией и ее субъектами - это, в сущности, вопрос об отношениях между федерацией и ее субъектами. Вопрос же о разграничении компетенции между отдельными видами федеральных органов и отдельными видами органов субъектов федерации - это уже вопрос об отношениях, во-первых, между отдельными видами федеральных органов; во-вторых, между отдельными видами органов субъектов федерации; в-третьих, между федеральными органами и органами субъектов федерации.

В Послании Президента РФ от 12 декабря 2012 года В. Путина Федеральному Собранию отмечено, что «ключевой задачей остается работа по разграничению сфер ведения между федеральным, региональным и местным уровнями власти»¹. Так, на заседании комиссии по разграничению предметов ведения и полномочий между тремя уровнями власти в России В. Путин заявил, что первый этап - восстановления единого правового пространства России - подходит к завершению, а следующий шаг, подготовкой которого занимается специальная комиссия, заключается в четком разграничении полномочий.

В свою очередь Совет Федерации, приступил к обсуждению проблемы разграничения полномочий центра и регионов. В частности, Валентина Матвиенко председатель Совета Федерации, заявила, что полномочия федерального центра и субъектов Федерации в сфере административных отношений должны быть четко разграничены и «необходимо четко определить, что является прерогативой центра, а какие обязательства должны выполняться регионами»².

Различные авторы и рабочие группы отстаивают различные концепции реформирования современного государственного устройства Российской Федерации с приданием той или иной симметрии федерации. Одна из самых острых проблем российского федерализма касается двусторонних договоров федерации и субъектов.

Так на сегодняшний день мы можем наблюдать, продолжения приведения регионального административного законодательства в соответствие с Конституцией РФ и федеральными законами, разрешение противоречий, возникших в начале 90-х гг.

Привычная для России последнего десятилетия правотворческая активность региональных и федеральных законодательных органов заметно усилилась после принятия субъектами Российской Федерации законов об административной ответственности. Само по себе принятие данных законов является не восполнением пробелов российского федерального законодательства, а в первую очередь средством реализации полномочий субъектов РФ их конституционных прав в области нормативного правового обеспечения по предметам совместного ведения Российской Федерации и исключительного ведения субъектов РФ, в т.ч. по вопросам местного самоуправления.

Принятие указанных законов направлено на обеспечение неотвратимости административной ответственности физического лица (гражданина), должностного лица и юридического лица за нарушения законов и иных нормативных правовых актов в случаях, которые не установлены федеральным законодательством³.

¹ Официальный сайт Президента России // <http://президент.рф>

² Официальный сайт Совета Федерации // <http://www.council.gov.ru>

³ Приказ Генпрокуратуры России от 17.09.2007 N 144 (ред. от 06.02.2013) «О правотворческой деятельности органов прокуратуры и улучшении взаимодействия с законодательными (представитель-

Сложившаяся на данный момент в сфере регионального административного законодательства правовая ситуация позволяет говорить о том, что границы между федеральным и региональным законодательством являются достаточно размытыми¹.

При рассмотрении вопроса о полномочиях Российской Федерации в области регионального административного законодательства об административных правонарушениях в Кодексе об административных правонарушениях РФ учитывается приоритетность задач обеспечения территориальной целостности Российской Федерации и государственного суверенитета, единства правового и экономического пространства, верховенства Конституции РФ и федеральных законов, а также единства правового положения граждан и организаций на всей территории Российской Федерации².

Статья 1.3 КоАП РФ исчерпывающе определяет объем полномочий России в сфере регионального административного законодательства. Полномочия субъектов РФ должны определяться по «остаточному принципу», который вытекает из ст.73 Конституции. Согласно данной статье субъекты РФ обладают всей полнотой государственной власти вне пределов ведения и полномочий России по вопросам совместного ведения³.

Так, по мнению Дмитриева Ю.А. к основным полномочиям субъектов РФ относится установление административной ответственности по вопросам, которые не имеют федерального значения, а также установление подведомственности и подсудности рассмотрения дел об административных правонарушениях. Законодатель субъекта РФ вправе устанавливать административную ответственность за невыполнение или нарушение конституций, уставов, законов и других нормативных правовых актов субъектов РФ, а также актов органов местного самоуправления⁴.

Как нам представляется, законами субъектов РФ может регулироваться административная ответственность за такие правонарушения, как нарушение правил благоустройства населенных пунктов, правил содержания домашних животных, нарушение законодательства об охране объектов культурного наследия регионального и местного значения, за правонарушения в области использования имущества, находящегося в собственности субъектов РФ, и т.п.

Важное значение имеет принцип разграничения предметов ведения в области регионального административного законодательства, позволяющий уяснить, как соотносятся между собой федеральное и региональное законодательство об админи-

---

ными) и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления» (вместе с «Положением об организации правотворческой деятельности в органах прокуратуры Российской Федерации») // Справочная Правовая Система КонсультантПлюс.

¹ Личичан О.П. Современные тенденции развития региональных правовых систем // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 14. С. 36.

² Левин Н.И. Создание условий для эффективной реализации исполнительно-распорядительных и правотворческих функций органов государственной власти субъекта Российской Федерации - актуальная задача в сфере российского административного законодательства / Право и безопасность. 2008. № 2. С. 34.

³ Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях (постатейный) / А.Г. Авдейко, С.Н. Антонов, И.Л. Бачило и др.; под общ.ред. Н.Г. Салищевой. 7-е изд. М.: Проспект, 2011. С.29.

⁴ Дмитриев Ю.А., Полянский И.А., Е.В. Трофимов Административное право: учебник. М.: Эксмо, 2009. С. 125.

стративных правонарушениях, не существует ли между ними концептуальных противоречий. Определить данное соотношение необходимо для того, чтобы правовые регуляторы актов указанного законодательства действовали эффективно и системно¹.

Поскольку главная роль в законодательстве об административных правонарушениях в настоящее время принадлежит КоАП РФ, в ст. 1.3 федеральным законодателем предложен ответ на вопрос об основных подходах к разграничению компетенции в области установления административной ответственности.

Вопросы регионального административного законодательства подлежат разрешению на уровне Российской Федерации, в частности, к ведению Федерации относится установление административной ответственности по вопросам, имеющим федеральное значение, в том числе административной ответственности за нарушение правил и норм, предусмотренных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами РФ².

В то же время обзор региональных законов субъектов Российской Федерации регулирующих административные правоотношения в области административных правонарушениях свидетельствует о том, что регионы активно включились в процесс установления административной ответственности.

Почти во всех регионах уже приняты либо собственные кодексы об административных правонарушениях либо отдельные законы.

Вместе с тем сформировавшаяся в субъектах Российской Федерации практика регулирования административной ответственности не может не вызывать критической оценки, поскольку тенденции региональной нормотворческой деятельности свидетельствуют об установлении субъектами Российской Федерации административной ответственности³.

На превышение субъектами Российской Федерации полномочий по предметам совместного ведения указывает и судебная практика по делам об оспаривании законов субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях.

Следует также отметить, и на это обращал внимание Конституционный Суд Российской Федерации, что субъекты Российской Федерации не вправе устанавливать административную ответственность за нарушение правил и ограничений, закрепленных федеральным законом, и в тех случаях, когда КоАП РФ ответственность за их несоблюдение не предусмотрена. В противном случае, по словам М.С. Студеникиной, это «позволило бы открыть неограниченную возможность дискретных полно-

¹ Плеханова Т.С. Разграничение компетенции Российской Федерации и ее субъектов в области законодательства об административных правонарушениях в жилищно-коммунальной сфере // Административное право и процесс. 2009. № 2. С. 45-49.

² Федеративный договор от 31.03.1992 «О разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга Российской Федерации» (вместе с «Протоколом к Федеративному договору о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга Российской Федерации» от 31.03.1992) // Федеративный договор: Документы. Комментарий. М., 1994. С. 75.

³ Аналитический обзор законодательства от 23 апреля 2013 года // Справочная Правовая Система КонсультантПлюс.

мочий субъектов Российской Федерации для "исправления" федерального законодательства по своему усмотрению»¹.

Представляется, что сложившееся в регионах такого рода нормотворчество приводит к дублированию субъектами Российской Федерации юридических составов, сформулированных в КоАП РФ, либо иному их воспроизведению, чем это сделано федеральным законодателем, к усложнению организационно-правового механизма привлечения к административной ответственности, наконец, к размыванию КоАП РФ как «жесткого организма», обязательного к исполнению на всей территории Российской Федерации, к снижению эффективности его правоохранительной и предупредительной роли².

Следует подчеркнуть, что в науке административного права как на стадии разработки КоАП РФ, так и после его принятия подчеркивалась необходимость регламентации на региональном уровне административной ответственности, не только федеральным законом, но и правовыми актами субъектов федерации. К данной проблеме в своих работах, в частности, обращались А.Н. Костюкова, С.Д. Князев³.

В науке административного права и до и после введения в действие КоАП РФ также предлагалось создать и внедрить модельный (рекомендательный) региональный закон об административных правонарушениях с единообразной структурой, производящей структуру административно-деликтного права, или разработать концепцию регионального закона об административной ответственности, под которой понимается совокупность политических и социально-правовых условий-требований, выполнение которых должно обеспечить социальную полезность и эффективную реализацию закона

По смыслу ч. 1 ст. 1.1, ч. 3 ст. 3.2, п. 4 ч. 2 ст. 22.1, ч. 2 ст. 28.2 и ч. 6 ст. 28.3 КоАП РФ в каждом субъекте РФ должен быть единый закон (но не тематический) регулирующий основные вопросы в административной сфере. Это важно с точки зрения придания ему стабильности и единства, необходимых для его знания, соблюдения и применения.

Региональные законодательные акты регулирующие административные правоотношения разнообразны как по форме, так и по содержанию.

Как нам представляется необходимо выработать оптимальные и адекватные федеральные и региональные правовые предписания, избегая излишних нормативных нагромождений и в то же время предупреждая правовую пробельность.

Рациональное использование этих резервов на федеральном и региональном уровнях призвано способствовать торжеству права, законности и социальной гармонии.

Изложенное позволяет сделать вывод о необходимости дальнейшего совершенствования регионального административного законодательства с целью создания эффективного механизма реализации принципа разграничения предметов ведения между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации. Думается, что

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 01.12.2005 № 429-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Государственной Думы Томской области о проверке конституционности пункта 3 части первой статьи 1.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». Справочная Правовая Система КонсультантПлюс.

²Т.С. Пляханова Компетенция Российской Федерации и ее субъектов в области административного // <http://portal-law.ru>

³ Князев С.Д. Костюков А.Н. Муниципальное право как отрасль российского права: Монография. - М.: Юнити-Дана. Закон и право, 2003. с.134.

научной основой для реформирования действующего законодательства должны стать теоретические исследования в области административного права по рассматриваемой проблеме. При этом хотелось бы еще раз обратить внимание на неактуальность с момента принятия КоАП РФ таких научных предложений, как разработка модельного регионального закона или концепции регионального закона, хотя подобные предложения высказываются и после его принятия.

На наш взгляд, это в наибольшей степени будет гарантировать выполнение главной задачи регионального административного законодательства направленное на охрану прав и законных интересов граждан, а также будет способствовать упорядочению и внутренней согласованности законодательства об административных правонарушениях и его дальнейшему развитию.

Тифинцев Илья Александрович
студент Юридического института НИУ «БелГУ»
Научный руководитель – проф. М.В. Мархгейм
(Белгород, Россия)

ЕСТЕСТВЕННЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ: ОТ КОНСТИТУЦИОННОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ К РЕАЛИЗАЦИИ

Несмотря на свой «исторический возраст», естественные права человека продолжают раскрываться новыми гранями. Свой вклад в эту идею внесли не только работы Ильина И.А., Новгородцева П.И., Соловьева В.С., Трубецкого Е.Н., Чичерина Б.Н., но и Карташкина В.А., Лукашевой Е.А., Марченко М.Н., Матузова Н.И., Нерсисянца В.С., Рудинского Ф.М. и др.

Естественные права имеют свою принадлежность к человеку с момента его рождения, а также неотчуждаемость (неотъемлемость) и выражение социальных возможностей человека. Они реализуются непосредственно, без правоприменительного акта и осуществляется объективно, т.е. независимо от воли людей.

В числе естественных прав исходным является право на жизнь. В ином случае, все остальные права не имеют никакого смысла. Право на жизнь закреплено в Конституции Российской Федерации в ч. 1 ст. 20. К иным конституционно закрепленным естественным правам относятся: право на личную неприкосновенность (ст. 22), на достоинство личности (ст. 21), на свободу мысли и слова (ст. 29).¹ Естественные права признаются фундаментальными человеческими ценностями.

В настоящее время существуют трудности, которые, несомненно, мешают реализации основных прав человека в полном объеме. Реализация этих прав зависит как от социально-экономических, так и от политических факторов. На начальном этапе перехода к рыночной экономике, для которого характерен рост инфляции, падение темпов производства, а также высокий уровень безработицы, права, провозглашенные Конституцией, на достойные условия труда, которые отвечали требованиям безопас-

¹ Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12.12.1993] : [с учётом поправ., внес. законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ] // Собрание законодательства РФ. – 2014. – 4 авг. – № 31. – Ст. 4398.

ности, на вознаграждение за труд без всевозможной дискриминации попросту не обеспечивались¹. Однако ситуация в Российской Федерации медленно, но верно начала улучшаться с повышением микро- и макроэкономических показателей.

Массовое нарушение естественных прав характерно для 90-х гг. прошлого столетия, но в скором времени ситуация в стране стабилизировалась, а также, что является не мало важным, нарушения социальных и экономических прав граждан все более стали разрешаться в судебном порядке².

Очевидно, что реализация прав и свобод человека и гражданина возможна лишь в условиях свободы, стабильных социальных и экономических гарантий, адекватных конкретному этапу развития общества.

Политическое же реформирование требует решения задач, в первую очередь, связанных с экономической свободой человека. Безусловно, не представляется возможным повысить политическое развитие без необходимых экономических условий потому, что их отсутствие может поставить под угрозу нормальное функционирование политической системы страны³. Невозможно также развивать экономику и формировать рынок без должных экономических и политических гарантий прав и свобод в обществе. Без экономического обеспечения не могут осуществляться и самостоятельные программы гуманитарных наук, реализовываться экономические программы, не увязанные по срокам с политическими преобразованиями.

57,8 процента от общего числа поступивших обращений в суд, составляют жалобы, которые содержат просьбы о защите гражданских (личных) прав граждан. Например, жалобы на нарушение права на справедливое судебное разбирательство, прав на жизнь, равную защиту законом⁴. В настоящее время остро стоит вопрос обеспечения лиц работой. Важна также проблема, связанная с правовым нигилизмом большинства россиян, считающих, что отстаивать свои права «бесполезно».

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что на данный момент в России естественные права человека, даже будучи отраженными в Конституции Российской Федерации, реализуются не в полном соответствии со значимостью этих прав. Этот факт содержит в себе опасность углубления правового нигилизма. Представляется, что совершенствование правового регулирования, помимо прочего, будет способствовать решению означенных проблем.

---

¹ Казанник А. И. Естественные права человека и кризис современного международного права // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 2(43). С. 48-49.

² Лукашева Е.А. Права человека, правовая политика и нравственность : Монография / Сборник «Правовая политика и пути совершенствования правотворческой деятельности в Российской Федерации». Москва, 2006. – С. 220.

³ Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: учебник. 2-е изд. – Москва: Юристъ, 1998. – С. 181.

⁴ Рукавишникова Т.А. Права человека: современные аспекты содержания // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. № 2(5). С. 4-5.

Матвеевко Екатерина Дмитриевна,
 студентка Юридического института НИУ «БелГУ»
 Научный руководитель – проф. **М.В. Мархгейм**
 (Белгород, Россия)

ИСТОЧНИКИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА: ВИДОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Источники конституционного права продолжают составлять предмет научных дискуссий, в том числе по поводу их видového ряда и иерархии. Этому и будет уделено внимание в данной статье.

Как верно подметил российский юрист Е.В. Васильковский, «первое, что должен усвоить каждый, кто хочет сделаться юристом-практиком, – это умение обращаться с законами и вообще с источниками права. Без этого умения он будет не в силах ступить самостоятельно ни шагу: юрист, не знающий, как находить, толковать и применять законы, столь же беспомощен, как и врач, не приобретающий навыка в исследовании больных и назначении лекарств»¹.

Прежде чем рассматривать классификацию источников конституционного права, необходимо разобраться в самом понятии «источники права». В современной российской правовой науке термин «источник права», употребляется в значении выражения права или нормативной государственной воли². Так, Е.И. Козлова и О.Е. Кутафин считали, что «источниками конституционного права являются нормативные правовые акты, посредством которых устанавливаются и получают юридическую силу конституционно-правовые нормы»³. По-иному характеризовал источники права М.В. Баглай, предлагая не четкое их определение, а особенности и видовой ряд: носят как писанный, так и неписанный характер; состоят из «... нормативных правовых актов, общих принципов права, естественного права, обычаев, судебных прецедентов и определенных международно-правовых актов»⁴. Исходя из этого можно прийти к выводу, что источники конституционного права, являются особым элементом данной отрасли и представляют собой различные формы выражения конституционных норм.

В конституционно-правовой науке сложились различные классификации источников. Так, А.Е. Козловым и М.В. Баглаем высказано суждение о делении источников конституционного права в зависимости от сферы «естественное и позитивное»⁵. Данная позиция была подвержена критике В.С. Нерсесянцем и О.Е. Кутафиным.

Профессор Н.В. Витрук, в качестве источников определял: Конституцию Российской Федерации, внутригосударственные договоры, конституции и уставы субъектов Российской Федерации, федеральные конституционные законы и конституции

¹ Булыко, А.Н. Большой словарь иностранных слов. 35 тысяч слов. Изд. 2-е, испр. – М.: Мартин, – 2008.

² Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М., 2001. – С. 399.

³ Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: учеб. 2-е изд. М., 1999. – С. 18.

⁴ Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учеб. для вузов. 5 –е изд. М., 2006. С. 17.

⁵ Конституционное право / Отв. ред. А.Е. Козлов. М., 1996. С.10-11; Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М., 1999.

онные обычаи, а также решения и содержащиеся в них правовые позиции органов судебного конституционного контроля¹.

М.С. Саликов предлагает свою группировку источников конституционного права, выделяя: конституционные, законодательные, подзаконные, судебные, договорные, международные и локальные источники. Причем, в первых четырех группах он выделяет еще две подгруппы: федеральные и региональные².

Довольно интересной представляется позиция О.Е. Кутафина, классификация, которого базируется не только на различной юридической силе, но и на федеративном характере российского государства. Исходя из этого, по территориальному признаку им выделены следующие источники: «федеральные, федерально-региональные, региональные, регионально-местные и местные»³. Наиболее универсальным является подход, связанный с признанием источниками права нормативных правовых актов, в числе которых выделяют законы и подзаконные акты. Первые могут быть федеральными и субъектов Российской Федерации; вторые и муниципальными.

С позиции теоретико-правовой доктрины правовой обычай также можно считать источником при условии его санкционирования непосредственно государством. При этом О.Е. Кутафин утверждает, что: «обычай в конституционном праве не имел и не имеет широкого распространения»⁴. В этом его поддерживает Б.А. Страшун, подчеркивая, что: «конституционные обычаи нельзя ставить в один ряд с писаными нормами, подлежащими обязательному применению судом»⁵.

Изложенное дает основания для следующего подхода к построению видового ряда источников конституционного права России.

Возглавляют данный ряд нормативные правовые акты, которые делятся на три основных вида: конституционные акты, законы и подзаконные нормативные правовые акты.

Конституционные акты включают Конституцию Российской Федерации⁶ и конституции республик в составе Российской Федерации (например, Конституция Республики Адыгея⁷) и уставы иных субъектов Российской Федерации (например, Устав Белгородской области⁸).

Законы имеют свои разновидности: федеральные конституционные (например, Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Феде-

¹ Цит. по: Матейкович, М.С. Система источников отрасли конституционного права России // Вестник Тюменского государственного университета. – 2008. – №2. – С. 6.

² Конституционное право России. Отв. ред. А.Н. Кокотов, М.И. Кукушкин. М., 2007. – С. 58.

³ Кутафин О.Е. Источники конституционного права Российской Федерации. – М., 2002. – С. 32-33.

⁴ Кутафин О.Е. Источники конституционного права Российской Федерации. – М., 2002. – С. 344-345.

⁵ Страшун Б.А. К вопросу о понятии конституционного права // Журнал российского права. – 2006. – №10. – С. 14.

⁶ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) СПС Консультант ПЛвос, 2016.

⁷ Конституция Республики Адыгея (принята на XVI сессии Законодательного Собрания (Хасэ) – парламента Республики Адыгея 10 марта 1995 года) (с изм. и доп.) // СПС Гарант, 2016.

⁸ Устав Белгородской области. Принят Белгородской областной Думой 24 декабря 2003 года (с последующими изменениями) // <http://www.belduma.ru/legal/ustav/>

рации»¹, федеральные (например, Федеральный закон «О полиции Российской Федерации»² и законы субъектов Российской Федерации (например, Закон Белгородской области «Об административных правонарушениях на территории Белгородской области»³).

Как уже отмечалось, разновидностью источников конституционного права являются подзаконные нормативные правовые акты, в системе которых выделяют федеральные, субъектов Российской Федерации и муниципальные акты. Каждая из данных групп имеет свои разновидности, связанные, например, с субъектом, их принимающим. Так, выделяют указы Президента России, постановления Правительства Российской Федерации, постановления органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, акты муниципальных органов и другие.

Вторую группу видового ряда составляют публичные договоры и соглашения. Причем данную последовательность можно рассматривать как с внешней, так и внутренней позиции. Выделяют международные и национальные такие акты. По сфере и силе действия, международные договоры могут быть универсальными⁴, региональными⁵ и локальными⁶. Национальные соглашения имеют свою специфику. Различают, например, Федеративный договор⁷ и договоры между Россией и конкретным субъектом⁸.

Третья группа представлена судебными решениями: актами Конституционного и Верховного судов Российской Федерации. Отметим, что акты Конституционного Суда Российской Федерации, не являясь нормативными правовыми актами, могут в значительной мере влиять на правотворческий процесс, что является дополнительным аргументом в пользу отнесения их к источникам конституционного права России.

Декларация по своей сути занимает особое место в данном иерархическом ряду⁹. Это можно объяснить тем, что именно в ней отражена позиция государства или

¹ Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 14 декабря 12.2015 г.) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/

² Федеральный закон от 07.02.2011 №3-ФЗ (ред. 03.07.2016) «О полиции» // СПС Консультант плюс.

³ Закон Белгородской области от 04.07.2002 № 35 (ред. от 10.06.2008) «Об Административных правонарушениях на территории Белгородской области» // <http://belgorod/news-city.info>

⁴ Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.) СПС Гарант, 2016

⁵ Европейская конвенция о гражданстве ETS № 166 (Страсбург, 6 ноября 1997 г.) // СПС Гарант, 2016.

⁶ Соглашение между Правительством РФ и Правительством Сирийской Арабской Республики от 17.09.2000 «Об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы» // <https://www.lawmix.ru/prof/1710>

⁷ Федеративный договор от 31 марта 1992 г. «О разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти автономной области, автономных округов в составе Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс, 2016.

⁸ Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан (Москва, 26 июня 2007 г.) // <http://constitution.garant.ru/act/federative/191677/>

⁹ Декларация от 12 июня 1990 г. № 22-1 «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической республики» (Принята Съездом Народных Депутатов РСФСР) // СПС Консультант плюс, 2016.

иных субъектов по поводу значимых вопросов и проблем. Она не является нормативным документом, но ввиду своей значимости причисляется к источникам конституционного права.

Доктрина – представляет собой разработку ученых, к которой приращивается теория конституционного права. Она вносит значительный вклад в разработку, изучение и улучшение конституционного права как науки и ведущей отдельной отрасли права.

Изложенное позволяет утверждать, что источники конституционного права, их видовой и иерархический ряды позволяют обеспечивать реализацию конституционного принципа верховенства права и закона.

Чабаненко Лариса Владимировна,
студентка Юридического института НИУ «БелГУ»
Научный руководитель – проф. М.В. Мархгейм
(Белгород, Россия)

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ГРАЖДАН В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ НОРМ

Проблемы правовой культуры продолжают оставаться актуальными как для юристов-исследователей, так и для широкой общественности. Во-первых, уже в ст. 1 Конституции Российской Федерации¹ отмечается, что Россия является демократическим правовым государством. Во-вторых, единственным источником власти в нашем государстве конституционно определён многонациональный народ (ст. 3). Это предполагает наличие у граждан соответствующего уровня правовой культуры. Появляется закономерный вопрос – насколько высоким должен быть уровень правовой культуры граждан, чтобы осуществление и регулирование вопросов власти имело качественное основание для реализации народовластия в качестве конституционного принципа?

Неоднозначность и многоаспектность понятия правовой культуры не дают универсального решения поставленной проблемы. Обусловлено это, прежде всего, наличием контрастных точек зрения, вызванных извечным спором славянофилов и западников. Не стоит забывать, что Россия в своём развитии опиралась на фактор провинциальности, духовности, приверженности православной мысли, которая была исторически ярко выражена в государственном управлении страной². Вместе с тем, анализ конституционных норм устанавливает исходные начала для определения фундаментальных ориентиров в данной сфере. Квинтэссенцией здесь считаем преамбулу.

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12.12.1993; с поправками от 21.07.2014 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». Разд. «Законодательство». Информ. банк «Рос. законодательство».

² Малышев В. А. Правовая культура современной России // Вопросы культурологии. 2007. № 10. С. 51-53.

Преамбула Конституции, не имея юридического нормативного характера, носит, скорее, торжественно-целевое направление¹. Оно указывает на повод принятия данного нормативного правового акта и провозглашает его основополагающие цели². Преамбула позволяет составить представление о виде провозглашаемой политической власти и особенностях государственного строительства в определенный исторический этап, выражает духовно-культурное начало государственности³.

Преамбула Конституции России сохраняет в себе тезисы прав и свобод человека, гражданского мира и согласия, исторического государственного единства, ответственности граждан за своё государство, мирового сообщества. Вместе с тем в ней упомянуты и не юридические категории – такие, как память предков, любовь и уважение к Отечеству, вера в добро и справедливость. По сути, в ней отражено культурно-правовое наследие российского общества, самобытность «многонационального народа».

Так как культура в целом – это комплекс достояний духовной жизни общества, то вполне рационально будет исходить из того, что правовая культура, как и любая другая, формировалась достаточно долгий период, чтобы сегодня мы наблюдали именно такой её уровень среди населения. Формируясь постепенно, правовая культура выступает как комплекс представлений индивида о важных, вызванных потребностью установления, правилах построения взаимоотношений людей в социуме. Так население овладевает правовыми знаниями и навыками, составляющими основу правосознания. К ним можно причислить нормы конституционного права, факты правовой мысли и тезисы истории права. Это позволяет определить, насколько общество проинформировано в правовом значении, достаточен ли уровень для осознания происходящих правовых явлений, действует ли рычаг народовластия в полном объёме⁴.

Особенность правовой культуры выражается в том, что она не является правом или способом его реализации. Оценить её уровень в универсальных единицах невозможно. Объективную оценку можно дать, анализируя сложившуюся правовую действительность, в том числе через участие граждан во власти – непосредственно, через органы государственной власти и местного самоуправления.

Рассматривая проблемы правовой культуры общества, Болдырев С.Н. отмечает, что истинная привлекательность права тогда является ценностной, когда в достаточной степени её обуславливают совершенство и качество принимаемых нормативных, правоприменительных и иных видов правовых актов, адресованных субъектам права. Именно уважение со стороны общества к праву, к закону, к действующему законода-

¹ Курсакова К. В. Преамбула Конституции России: значение и выражение в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // В сборнике: Научное сообщество студентов сборник материалов VIII Международной студенческой научно-практической конференции. 2016. С. 343-345.

² Мазасва Е. С. Юридическая конструкция вводной части Конституции // Государство и право. Юридические науки. 2013. №7-2. С. 442-446.

³ Сазонникова Е.В. Конституционная культурология: постановка проблемы // Конституционное и муниципальное право. 2007. №12. С. 4-7.

⁴ Авакьян С.А. Народовластие как совокупность институтов непосредственной и представительной демократии: проблемы эффективности // Российское государственное управление. 2014. № 2. С. 4-13.

тельству способно воспитывать таких граждан, которые будут отличаться достаточно высоким уровнем правовой культуры и правосознания¹.

Формирование правовой культуры народа, способного быть источником власти. – сложный, многоступенчатый процесс², ведущее место в котором занимает надлежащее правовое воспитание, которое основано на правильном восприятии получаемой извне правовой информации³. Полагаем, что ключевую позицию в данном вопросе должна занимать Конституция.

Подводя итоги, отметим, что преамбула Конституции России, сохраняя в себе истинные и торжественные намерения законодателя при издании фундаментального нормативного правового акта, в значительной мере воздействует на формулирование конституционных принципов, в т.ч. народовластия. При этом в тексте Конституции указываются способы реализации⁴ – институт референдума, институт представительства и др.

С качественным повышением уровня правовой культуры в идеале должен исчезнуть правовой нигилизм и иные формы правовой деструкции. Это станет необходимой основой для реализации конституционно-правовых норм в интересах личности, общества и государства.

Ядута Светлана Алексеевна,
студентка Юридического института НИУ «БелГУ»
Научный руководитель – проф. М.В. Мархгейм
(Белгород, Россия)

«ЕСТЕСТВЕННЫЕ» ИСТОКИ КОНСТИТУЦИОННОЙ ДЕМОКРАТИИ

Естественные права признаются основой демократического общества. Именно посредством признания государством и закрепления основных естественных прав в конституции и иных нормативных правовых актах определяются истоки правового государства и гражданского общества. Ученые-юристы под естественным правом понимают совокупность основополагающих принципов и прав, вытекающих из природы человека, всеобщих нравственных идеалов и не зависящих от государства⁵.

Конституция Российской Федерации своим содержанием выражает принципы демократии, свободы и справедливости, закрепляет неотчуждаемые права и свобода человека и гражданина в соответствии с международно-правовыми стандартами, адекватно воплощает правовые принципы, общечеловеческие идеалы и ценности,

¹ Болдырев С. Н. Правовая культура общества и культура юридической техники // *Философия права*. 2011. № 1. С. 37.

² Кравцова А. Н., Манжосова О. И. Влияние социальной среды на правовую культуру личности // *ScienceTime*. 2015. № 9 (21). С. 155.

³ Руднева Н. В. Влияние социокультурной динамики поколений на правовую культуру молодежи в современной России // *Вестник Воронежского института МВД России*. 2011. № 1. С. 60.

⁴ Петришин А. В. Народовластие как фундамент демократического, правового, социального государства // *Правоведение*. 2010. № 3. С. 6-14.

⁵ См.: Борисов, Г. А. Теория государства и права : учебно-методическое пособие / Г. А. Борисов, Е. Е. Тонков, С. В. Шерстобитова, Л. А. Пожарова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Белгород: ООО «ЭПИЦЕНТР», 2015. – С.101.

насушные потребности и интересы человека, объективные тенденции социально-правового прогресса¹.

Согласно Конституции Российская Федерация является демократической страной², что отражается через характерные признаки. В их числе народовластие (п. 1 ст. 3), свобода личности в экономической сфере (ст. 8), функциональное разделение государственной власти (ст. 11). Помимо этого, что свойственно демократическому государству, в Конституции Российской Федерации не только представлен каталог, но и предусмотрены гарантии естественных прав и свобод человека. В этой связи возникает вопрос, не утрачивают ли естественные права своей природы, если получают закрепление в конституционном порядке.

Как известно, естественное право берет свое начало в самой человеческой природе. Поэтому, возникает сомнение в корректности фиксирования в Конституции России права на жизнь (ч. 1 ст. 20), а не его гарантии. Получается, что «право на жизнь» опосредуется волей государства. Но это очевидно не так. Установление государственных гарантий в большей мере соответствует природе естественных прав. Вместе с тем есть основания согласиться с мнением М.В. Баглая о все большем слиянии позитивного и естественного права³. Позитивное право определяется как «право наличное, реально и официально существующее, «сделанное» людьми и связанное с их деятельностью, с деятельностью официальных государственных органов»⁴. При этом естественное право служит критерием позитивного права с точки зрения его соответствия справедливости.

Конституционные права человека интегрируют в себе и естественные, и позитивные права. В отраслевом смысле конституционное право призвано охранять права и свободы человека и учреждать в этих целях определенную систему государственной власти с присущим ей принуждением. Без этого естественные права человека смогут выступать лишь в виде правовых обычаев, что мало согласуется с императивом о высшей ценности человека, его прав и свобод.

¹ См.: Витрук Н.В. Верность конституции – основа прогрессивного развития современной России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2008. – №8 (48).

² См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993): (с уч. попр., внес. Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – 4 авг. – № 31. – Ст. 4398.

³ См.: Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. – М.: Норма, 2007. – С.32.

⁴ См.: Алексеев С.С. Общая теория права. – М.: ТК Велби, 2008. – С.62.

В соответствии с ФЗ-436 для детей старше 0 лет.

Подписано в печать 13.10.2016г.
бумага офсетная. Усл.печ. листов 14
тираж 80 экз. Заказ 0884

Отпечатано в типографии ООО «ГиК»,
г.Белгород, ул. Калинина, 38-А,
тел. (4722) 58-71-25
www.gikprint.ru
girichev69@mail.ru
Св-во 001071155 от 13.04.2005г.

